305
S
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГК625
К851

Возвратите книгу не позже обозначенного здесь срока.

К книге относитесь бережно.

№ 3057
335.5(47.88)
И 89
К 77

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

...я коммунистическая партия (б)

КРАСНАЯ БЫЛЬ

ЕН 24Р
К 851

САМ. ГУБ. БЮРО ИСТПАРТА.

№ 3

ОКТЯБРЬ.

САМАРА
1923.

№ 3051
335.5(47.88)И
К.78
ЕН240
К851

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевик.).

КРАСНАЯ БЫЛЬ

СБОРНИК
САМАРСКОГО ГУБЕРНСКОГО БЮРО ИСТПАРТА.

ОКТЯБРЬ — № 3.

1-й экз.

САМАРА.
1923.

К
П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009
ЕН 240 р
К 851 р

Отпеч. в 1-й типографии „Самгубполиграфпрома", уг. Заводск. и Троицк. 62/20 в количестве 500 экземпл. (Самара).

36 46
11/89
119189

Вместо предисловия.

Настоящий номер „Красной Были“ выпускается нами в день пятилетия освобождения Самары от власти чехо-учредиловцев.

Сборник составлен исключительно из статей, очерков и воспоминаний, рисующих чехо-эсеровский период. Составленный наспех сборник не лишен будет, конечно, значительных недостатков.

Редакция просит читателей сообщить о всех замеченных недочетах и неточностях в Бюро Истпарта при Губкоме Р.К.П.

Все указания будут приняты с благодарностью.

БЮРО ИСТПАРТА.

ИЮНЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ.

I.

Вдохновители и исполнители.

Июньский переворот—он один из многих и, несомненно, один из наиболее удачных, задуманных в свое время союзными миссиями в России, чтобы свергнуть Советскую власть.

Замыслы международных хищников слились с чаяниями и надеждами всех черносотенно-кадетско-эсеровских элементов, и в июне 1918 года претворились в активное действие под полинявшим эсеровским знаменем с поблекшим лозунгом Учредительного Собрания.

Бурливый переворот международной реакции, кружившийся вокруг советской России и стремившийся потянуть вниз и потопить проглянувшую на хребте волн пролетарскую революцию, выбросил вдруг на поверхность организованные отряды чехо-словацкого корпуса, направившего свое оружие против Советской власти.

Руководящую роль среди чехо-словаков играл их исполком, во главе которого стояли лишь буржуазные элементы, желавшие во что бы то ни стало сохранить шовинистический дух и национальную цельность среди чехо-словацких полков. Они боялись, что после демобилизации старой армии их полки, являвшиеся лишь ее частью, могут так же быть демобилизованы, или «обольшевичены». Исполком распускал среди массы чехословацких войск различные легенды о Советской власти и о ее вождях, обострял возникавшие конфликты с местными советами и пользовался каждым случаем, чтобы дискредитировать Советскую власть.

В полном контакте с этим исполкомом и чешским Национальным Советом в Париже, союзные грабители задумали дьявольский план.

План этот состоял в том, что под видом перевозки чехословацких отрядов во Владивосток для дальнейшего, якобы, их следования во Францию, раскинуть их эшелоны по всей Самаро-Златоустовской и Сибирской железнодорожной магистрали, вызвать конфликт с советами на местах, чтобы затем, с помощью чехов и антисоветских элементов, свергнуть Советскую

власть и отрезать, таким образом, хлебородные Сибирь и Поволжье от остальной голодной России.

Действительно, план этот блестяще удался.

Конфликты с советами были спровоцированы почти одновременно в Пензе, Челябинске и Омске, а в Петропавловске уже сорганизовалось временное сибирское правительство, собравшее вокруг себя все черносотенные антисоветские элементы, чтобы, опираясь на чехов, свергнуть Советскую власть в Сибири.

Официально союзники неоднократно заявляли, что они не вмешиваются во внутренние дела России.

На деле же специальная союзная военная и дипломатическая миссия сопровождали чехов, принимали участие как в разработке планов борьбы с Советской властью, так и в организации контр-революционной власти (Челябинское и Уфимское совещание); на деле все чешские и другие контр-революционные выступления широко и открыто субсидировались союзниками, желавшими, таким образом, восстановить свое влияние в России.

Союзникам нужен был для своей авантюры «социалистический» ярлык, и в этом отношении неоценимые услуги им оказали эсеры.

Последние, как только обозначился конфликт между чехами и Советской властью, явились к чешскому командованию и заявили:

— У вас сила,—у нас право и ярлык Учредительного Собрания. Наша цель—едина. Давайте вместе свергать большевиков...

Чешское реакционное командование отнеслось вначале крайне осмотрительно к предложению эсеров уже потому, что трудно было бы убедить чешскую массу бороться за какую-то малопонятную им «учредилку». Но с.-р.-ы запели о «словянском единстве» и «о едином фронте германо-большевиков» в стиле, не уступавшем кадетским герольдам, и это обстоятельство окончательно сблизило чешские верхи с эсерами, в особенности после того, как в Иващенкове эсеры доставили чехам подробно-разработанный план взятия Самары, составленный полковником Галкиным.

Таким образом, штыками «братушек-славян» трудовой России вновь навязывалось Учредительное Собрание. Под этот лозунг вновь об'единялись вместе с эсерами все темные реакционные силы, вся черносотенная муть, увидевшая счастливую возможность распять не только большевиков, но уже с ехидством предвкушавшая возможность уничтожить всякие революционные завоевания, в том числе и февральские. Под знамя «учредилки», в поисках «хозяина», стал и измученный от революционных толчков обыватель, застонавший впоследствии от тяжелых кулаков чешских «освободителей» и цепких когтей Дутовых и Колчака.

II.

Начало переворота.

— Вы заключили мир с Германией—это дело ваше. Что касается нас, то мы не положим оружия до тех пор, пока не добьемся свободной Чехии. Пропустите нас во Владивосток для дальнейшего следования на французский фронт,—говорили чехи.

Эти фразы, казавшиеся вначале искренними, и подкупившие не одного доверчивого советского работника, только теперь могут быть достойным образом взвешены и оценены.

Если центр хорошо был осведомлен о причинах направления чехо-словацкого корпуса на восток и предлагал поэтому другой путь, то провинция,—и в частности те советы, на которых выпала тяжелая задача воспрепятствовать их продвижению,—смутно представляли себе весь тайный смысл начавшегося движения, тем паче, что чехи, даже после пензенского конфликта, еще уверяли всех, что они «не желают вмешиваться» в «русские дела», что они «не против Советской власти», а что «вынуждены только пробивать себе путь во Владивосток».

На местах начавшееся движение казалось недоразумением, и действительно, от Пензы до Самары никаких серьезных разрушений не делалось, чтобы воспрепятствовать продвижению чехов.

Автор этих строк помнит, что несмотря на все приказы из центра о порче путей и мостов, никто из членов Самарского исполкома не высказался в положительном смысле о взрыве, например, Александровского или Самарского мостов.

Даже эвакуировавшись в первый раз, общее мнение исполкома было, что его отсутствие продлится неделю или десять дней, пока чехи пройдут, а затем сотней другой красноармейцев удастся сломить белых и снова восстановить Советскую власть в Самаре.

Тов. Либерзон, секретарь Пензенского губисполкома, взятый чехами в качестве заложника, и расстрелянный впоследствии в Самаре, рассказывал автору этих строк следующее о начале чешского восстания...

Чехо-словацкий исполком требовал пропуска с оружием в руках. Он был прекрасно осведомлен о всех приказах центра и предупреждал всякое наше поползновение поближе подойти к чешской массе. А между тем широкая масса не была враждебно настроена к советам. Нам удалось даже отколоть небольшую часть и поставить их на нашу сторону, но бороться успешно против главной массы мы были не в силах. Мы готовы были, поэтому, и на некоторые уступки, от которых мы отказались впоследствии, после телеграммы из центра, смысл которой был, что «приказы отдаются не для обсуждения, а для выполнения».

Нами были мобилизованы все силы; чехи, в свою очередь, начали готовиться, и мы невольно подошли к моменту, когда ружья сами начинают стрелять.

В момент, когда по поручению Губисполкома, я вел последние переговоры с чешским исполкомом возле их штабного вагона, раздались первые ружейные выстрелы. Кто первый начал—неизвестно, но члены чешского исполкома облегченно вздохнули. Это развязывало им руки... Меня тут же оставили заложником...

Пользуясь своей численностью и организованностью, они окружили Пензу, взломали цейхгаузы, забрали оружие, отбросили советские отряды, перебили чешских коммунистов и ворвались в Совет...

...Пенза была в их руках... Ограбив ее, они двинулись в Сызрань...

Как известно, Сызрань со своими малочисленными силами тоже не могла оказать серьезного сопротивления. Больше того, Совет, во избежании столкновения, увел свои отряды за город, и чехи ограничились тем, что, пополнив свое вооружение и запасшись продовольствием, двинулись дальше в Самару. Самаре, таким образом, пришлось принять на себя все удары, и организованные рабочие, всего несколько дней тому назад покончившие с «максималистским восстанием», начали готовиться дать отпор чехам.

Клуб коммунистов, помещавшийся тогда на Заводской улице, превратился в казарму.

Была об'явлена мобилизация всех коммунистов и вообще добровольцев.

Массы рабочих подходили к клубу: тут же строились в батальоны и, получив вооружение, уходили на фронт.

Первое серьезное столкновение произошло около станции «Безенчук».

Уж в этой первой схватке сказалась слабость советских частей, основанных на партизанщине.

Товарищи, никогда не державшие винтовки в руках, необученные и недисциплинированные, отправлялись на фронт, словно на какую-то экскурсию. Под первым же напором вся эта наспех собранная масса дрогнула, частью отступила, частью разбрелась.

Разве могла она противостоять хорошо обученной и спаянной крепкой дисциплиной чехо-словацкой массе?

Таким образом, не встречая почти серьезного сопротивления, чехи уже в воскресенье 2 июня заняли Иващенково. Советские отряды отступили к станции «Липяги» и здесь, под командой товарища Кадомцева, приготовились к защите подступов к Самаре.

Вместе с тем, чтобы предотвратить кровопролитие, Самарский исполком решил послать к чехам мирную делегацию, чтобы в последний раз убедить их подчиниться приказам центра о разоружении.

В воскресенье утром пишущий эти строки, вместе с тов. Кожевниковым, выехал навстречу наступающим чехам. Нам было поручено Исполкомом предложить чехам сложить оружие и мирным образом разрешить вопрос об их переезде во Францию.

Около полудня мы добрались до ст. Иващенково, оставленной уже советскими войсками. Толпа вооруженных обывателей охраняла вокзал. У многих были в петлицах красные ленточки с лозунгами Учредительного Собрания, и сразу бросалось в глаза, что перед нами не просто обыватели, охраняющие завод и вокзал, как они себя называли, а враги Советской власти. Действительно, как только мы очутились на вокзале, кто-то уж предложил обыскать нас и потрепать, но, узнав о цели нашего прибытия, некоторые из толпы начали сдерживать массу и, обращаясь к нам, спросили:

— Товарищи, уговорите советские войска не давать боев у Иващенкова. Поймите, что стоит попасть хотя-бы одному снаряду в склад взрывчатых веществ—и все Иващенково взлетит на воздух.

Перспектива, что бои могут разыграться у Иващенкова особенно пугала жителей той местности, и если тов. Кадомцев, не желая рисковать жизнями мирных жителей, оттянул свои отряды к «Липягам», то, наоборот, эсеры предательски использовали это против Советской власти. Не успели еще советские отряды эвакуироваться по направлению к Самаре, как уже эсеры, от имени населения, послали к чехам делегацию с приглашением как можно скорее занять Иващенково и предупредить, таким образом, взрыв Иващенкова красноармейцами.

Около трех часов мы мытарствовали по Иващенкову, в надежде получить возможность проехать дальше к чехам. Наконец, около четырех часов дня, вертевшийся все время вокруг нас поручик Петров известил нас, что в совет прибыла делегация от чешского исполкома. Мы пошли к ним в Совет. Нас долго не пускали в комнату, где происходило совещание между чехами и эсеровскими вожаками. Выходившие эсеры бросали в нашу сторону ядовитые замечания, и мы некоторое время потратили на ссоры и дискуссии с ними, пока нас не пригласили в комнату, где находилась делегация. Среди густой группы эсеров мы сразу различили чешского офицера. Поднявшись навстречу, он сразу представил нам свой мандат и полномочия говорить от имени Политического Отдела Исполкома чехо-словацких войск, и попросил нас изложить цель нашего приезда.

Чувствуя, что в такой обстановке нам пришлось-бы спорить больше с с.-р.-ми, нежели с представителями чехов, мы тут же заявили, что у нас поручение говорить с «хозяевами», а не с «прислужниками». Офицер приказал эсерам удалиться, что они, не без ропота, тут же выполнили.

— Ваши предложения?—спросил нас представитель чехов.

Он ждал от нас заявления о нашей капитуляции и был очень удивлен, когда, изложив приказы центра, мы заявили

ему, что только после их разоружения может быть обсужден вопрос об их свободном пропуске. Мы указали ему, что временный успех чехов не решает еще вопрос об их победе, ибо они встретят еще сопротивление у Самары и дальше, на каждом шагу.

— Случится то, что вместо борьбы с Германией, о которой вы так много говорите, вы потратите свои силы на борьбу с русскими рабочими, и лишь десяток другой чешских калек увидит когда-нибудь свободную Чехию, добытую, во всяком случае, не вами,—говорили мы чехам.

Весь побагровел от злости чешский представитель, и в свою очередь начал доказывать «преступную политику» Троцкого по отношению к чехам. Выложив пред нами обычный лексикон кадетско-эсеровских фраз, он с особенным под'емом заговорил:

— Вы говорите «народ», но знайте, что он не с вами. Мы в этом легко убедились на всем нашем пути от Украины до Поволжья.

— Итак, ничего конкретного самарский совет нам не предлагает? Это мы уж слышали...

— Другого ничего не может предложить.

— Да и поздно, пожалуй, искать соглашения. Его нужно было искать в Пензе и Челябинске,—заявил представитель чехов.

— Прощайте!.. Расставаясь врагами, мы все же надеемся встретиться с чешской массой как друзья...

Мы вышли... Как в кипящем котле толпа бурлила и шумела наружи. Отдельные провокационные возгласы заставили нас поскорее убраться подальше от совета. Мы пошли к железнодорожной линии.

— Ура!.. Ура!.. — слышали мы сзади.

Эсеры показывали «народу» чехов.

У железнодорожной линии мы разыскали нашего машиниста. Мы знали, что ему, вопреки приказу Неверова, не хотелось оставаться в Иващенкове, и попросили его незаметным образом выбраться на главный путь, а затем полным ходом пробираться к Самаре.

Это нам блестяще удалось, несмотря на крики: «стой!», «остановитесь!», — наш паровоз полным ходом промчался мимо до ст. Томылово. Там дежурный по станции и его помощники, преграждая нам путь, заявили, что по прямому проводу они получили приказ задержать паровоз с делегацией и возвратить нас в Иващенково.

Протестуя, мы заявили, что вся ответственность за наше задержание ляжет на голову дежурного по станции, и последний, не желая, как видно, рисковать, пропустил нас дальше.

Как видно, после нашего от'езда эсеры одумались и решили принять все меры, чтобы оставить нас заложниками, но было уже поздно...

Вечером мы уже делали доклад штабу и членам Исполкома о результатах нашей миссии.

III.

Перед падением Самары.

Передовые слои самарского пролетариата деятельно готовились преградить чехам дорогу к Самаре. Главные силы сосредоточены были у Липягов, где предполагалось дать решительное сражение.

Беспринципная и безразлично относившаяся до сих пор ко всему обывательщина вдруг заволновалась и забурлила. Она, жаждавшая «покоя и порядка во что бы то ни стало», в острый момент завязавшейся схватки заорала:

— Долой гражданскую войну!

Этим обстоятельством, конечно, пользовались не только эсеры, выставившие свой единственный рецепт «Учредительное Собрание».

Ни штаб главнокомандующего Яковлева, ни «партийный штаб» не имели ясного представления о том, что там творится.

Да и сам командующий советскими отрядами тов. Кадомцев не особенно ясно представлял себе создавшееся для его отрядов положение.

Несмотря на крайне невыгодные позиции, занятые советскими отрядами, тов. Кадомцев был большим оптимистом.

За два дня до сражения у Липягов пишущий эти строки в беседе с тов. Кадомцевым сказал ему:

— Товарищ, в Иващенкове мы узнали, что чехи собираются обойти вас. Готовы ли вы к тому?

— Это невозможно,—поспешил ответить он.—Я сейчас прикажу взорвать линию. Таким образом мы лучше будем застрахованы от ночного нападения чехов со стороны ж. д. Что касается левого фланга, то мы постараемся окопаться.

Таким образом, тов. Кадомцев хотел быстро создать маленький укрепленный район, который, по его мнению, мог бы быть непроходимым барьером для чехов.

Но чехи и не думали пользоваться железной дорогой и без внимания оставили так же окопы, вырытые по левой стороне ж.-д. линии. Глубоким обходом они зашли в тыл советским отрядам и, окружив их с трех строн, открыли убийственный пулеметный огонь, отрезавший им всякий путь к отступлению.

Единственный оставшийся путь спасения—переправа вплавь через Самарку—стоила жизни нескольким сотням товарищей.

После поражения у Липягов, в котором погибли лучшие силы, всем стало ясно, что маленькими, наскоро организованными в Самаре партизанскими отрядами не удастся отстоять город.

Утром пятого июня отдельно сформированные группы коммунистов и левых эсеров вошли в соприкосновение с передо-

выми чехо-словацкими группами надалеко от Кряжа, не подпуская их в течение трех дней к городу.

К этому времени все ценное и необходимое оружие было собрано на пароходах и большая часть Исполкома эвакуировалась по направлению к Симбирску.

Лишь несколько тов., во главе с тов. Масленниковым, остались в «партийном штабе» и продолжали руководить защитой Самары.

Вечером, в тот же день, пароход прибыл в Симбирск. Все были убеждены, что Самара уже сдана чехам. Меж тем, как выяснилось на другой день, в утро отъезда происходила обычная артиллерийская перестрелка, но чехи опасались двигаться дальше, пока не закончится решительное сражение с наступавшими на них в тылу советскими отрядами под командованием тов. Попова.

Окружным путем удалось телеграфно связаться с Самарой и вызвать к аппарату тов. Теплова. Последний от имени оставшихся товарищей требовал немедленного возвращения эвакуировавшихся.

Падение Самары.

Возвращение работников ободрило защитников, и день седьмого июня прошел в оживленной работе. На этот раз внимание «штаба» было обращено не только на борьбу с наступавшим противником, но и на под'ем настроения в тылу.

Начавшаяся с утра бомбардировка была в этот день особенно сильна. Чехи посылали на этот раз не только шрапнель, но и снаряды, которые разрывались на Хлебной площади у элеватора, где стояла артиллерия, и около клуба коммунистов.

Восьмого июня, около трех часов утра, бомбардировка снова началась с особой силой и длилась недолго. С одной и с другой стороны затрещали пулеметы и под их прикрытием чехи двинулись в наступление по мосту. Перебив его защитников, они перешли на другую сторону и овладели первыми окопами.

Чехи были в городе.

Но борьба продолжалась на улицах, прилегающих к мосту, около клуба, возле милиции и у некоторых казарм, где отдельные вооруженные группы продолжали защищаться и геройски гибли.

К восьми часам почти весь город был уж в руках чехов...

Заглохли последние выстрелы...

Началась расправа...

Особенно усердствовали у клуба.

Густая толпа заполняла Заводскую и прилегавшие к ней улицы.

Стоило кому-нибудь ткнуть пальцем в прохожего и произнести роковое слово «большевик», как участь того считалась решенной.

Озверевшая толпа набрасывалась, била и... убивала.

Таким образом погибли т.т. Венцек и Штыркин.

Били, убивали «коммунистов»... «жидов»... и вообще «большевиков». Тут же лавочники и спекулянты сводили личные счеты...

А чехи?

Перебив всех пленных, взятых у моста с оружием в руках, они в свою очередь рассыпались по городу «ловить комиссаров».

Иногда толпа вырывала у них какую-нибудь жертву для самосуда. Были случаи, когда чехи сами отдавали арестованных толпе, заявляя:

— Пусть русские сами судят своих.

Чехи умывали руки.

Четыре месяца чехо-словацкого господства в Самаре оставили неизгладимый след в памяти всех, его переживших.

Никто не имел ясного представления о том, что делается за рубежом.

Казалось, что снова наступают на долго худшие времена царской реакции.

Но все эти расчеты на длительность реакции оказались опрокинутыми последовавшими событиями.

После столь быстрых побед, чехо-эсеры начали терпеть столь же быстрые поражения.

Вспоминая сейчас все перепитии этой борьбы, удивляешься той быстроте, с какой организованы были пролетарские полки, с какой энергией в течение нескольких месяцев на смену партизанским красногвардейским отрядам создана была настоящая армия, быстро очистившая Поволжье.

Нужно было пройти через все испытания чехо-словацкой авантюры, чтобы убедиться в призрачности какой-то промежуточной позиции «серединной политики».

Бесславно закончившаяся в Самаре чехо-эсеровская авантюра расслоила все население средне-волжского района на два полюса, вытравив всякую мысль о каких-либо возможных в будущем соглашениях.

Те активные элементы, которым Советская власть была не по душе—большей частью ушли с чехами и Колчаком...

Оставшиеся восторженно встретили свое освобождение красными войсками.

И. Трайнин.

Комитет членов Учредительного Собрания.

В истории русской революции был однажды такой момент, когда эсерам предлагали в свои руки власть. Тогда они благоразумно отказались от этого соблазнительного предложения. Это было во время Керенского, когда идея коалиционного правительства переживала свои короткие трагические дни.

Отказываясь от власти, эсеры по существу были правы, ибо тот класс, та социальная среда, представителями которой являются они, не могли властвовать над жизнью буржуазно-капиталистического строя, раздираемого в настоящее время непримиримой борьбой между двумя основными классами этого строя—эксплоататорами и эксплоатируемыми. Правда, эсеры в данном случае руководствовались другими соображениями. И принципы партийной диктатуры они формально отвергали во имя той пресловутой идеи «об'единения живых сил», которая так жестоко посмеялась над ними в истории об'единения с живым Колчаком.

Впоследствии, как видится, они жалели об этом удобном случае и дали себе слово воспользоваться подобного рода обстоятельствами в другое время.

Такое обстоятельство представилось эсерам в связи с мятежом чехо-словацкого корпуса в начале июня 1918 года. Решив воспользоваться этим обстоятельством для захвата политической власти, они, по всей вероятности, подбодрили себя известной народной пословицей: «лучше поздно, чем никогда». Правда, на самом деле эта пословица у них получила ту юмористическую перефразировку, в которой к названной пословице прибавляется фраза: «сказал человек, опоздавший на поезд».

В данном случае эсеры действительно «опоздали на поезд» истории, и эта юмористическая пословица очень четко может характеризовать историческое положение этой несчастной партии.

Есть еще одно сравнение, которое, пожалуй, полнее выразит исторический смысл и идейную сущность партии с.-р. Это—психологическая картинка из жизни того типа влюбленных старых женщин буржуазного романа, которые, потеряв надежду конкурировать со своими молодыми соперницами, ждут повода воспользоваться об'ектом своей любви, руководствуясь при случае пословицей: «хоть час, да мой».

Так партия с.-р., будучи безнадежной влюбленной в идею Учредительного Собрания и чувствуя свое бессилие конкурировать с идеей Советской власти, пользуясь случаем прихода в Самару чехо-словаков, сказала себе: «хоть час, да мой».

Воспользовавшись этим часом, партия с.-р., как это водится, старалась показать себя той, именно, властью, которая необходима «исстрадавшейся родине».

Следует напомнить, что к организации «российской власти» эсеры приступили после опыта целого ряда коалиций, октябрьской революции и реставрации Скоропадского. В этом отношении, по скольку эсеры жили в России, они не могли не учитывать так или иначе этих фактов.

И если мы посмотрим на первые шаги эсеров по части организации власти, то, действительно, можно сказать, что эти факты ими соответствующим образом были учтены. Так, не отвергая в принципе коалицию, и даже стремясь к ней, они первый и единственный орган власти—Комитет членов Учредительного Собрания--составляют исключительно из эсеров. Правда, реальный базис этой власти—так называемую Народную армию—они поручают организовать черносотенному офицерству, но в конструкции самого органа верховного управления они сохраняют нечто в роде диктатуры партии с.-р.

По существу Комитет членов Учредительного Собрания, как орган временной власти, ничем не отличается от тех «временных правительств» буржуазных переворотов, которые возникали в последний период истории буржуазно-капиталистического строя. Приводимая нам выдержка из приказа № 1, о принятии власти Комитетом членов Учредительного Собрания от 8-го июня 1918 года, довольно полно характеризуют форму политической и административной власти Комитета и его основные принципы государственного права. В этом приказе говорится:

«Именем Учредительного Собрания большевистская власть в г Самаре и Самарской губернии об'является низложенной. Все комиссары отрешаются от занимаемых ими должностей. Во всей полноте своих прав восстанавливаются распущенные Советской властью органы местного самоуправления: гор. думы и земские управы, коим предлагается немедленно приступить к работе.

«Гражданская и военная власть в городе и губернии, впредь до образования учреждений правительством общероссийским, переходит к Комитету, состоящему из членов Учредительного Собрания, избранных от Самарской губ. на основании всеобщего избирательного права, и представителей от местных самоуправлений. Все органы, организации и лица обязаны ему подчиняться беспрекословно.

«Формирование армии, командование военными силами и охрана порядка в городе и губернии возлагается на военный штаб в составе: начальнка штаба полковника Н. Галкина, военного комиссара румынского фронта В. Боголюбова и члена

Учредительного Собрания Б. Фортунатова, которому для сего вручаются чрезвычайные полномочия».

В первый состав Комитета вошли: И. Брушвит, Л. Климушкин, В. Вольский, Б. Фортунатов и Н. Нестеров. Затем, когда в Самару прибыло значительное количество членов Учредительного Собрания, из состава Комитета были выдвинуты управляющие ведомствами, которые представляли из себя правительство до конца существования Комитета.

Об'явив себя властью в Самарской губернии, Комитет, естественно, должен был позаботиться созданием аппарата административной власти, с помощью которого можно было бы проводить на местах свои мероприятия. Недолго думая, Комитет прибег к известному и уже испытанному средству—созданию в губернии губернских, а в уездах уездных уполномоченных, задачи которых в значительной степени напоминают нам «доброго старого времени» губернаторов и исправников. Так, в правилах о губернских уполномоченных, об'явленных в приказе № 85 от 6-го июля 1918 г. говорится: «1) Губернский уполномоченный Комитета членов Учредительного Собрания является высшим в пределах губернии представителем названного Комитета, как орган центральной власти. Ему присваивается вся полнота административной власти в губернии. Назначение и увольнение его принадлежит Комитету». Ближайшие задачи этого уполномоченного определяются следующим образом: (п. III того-же приказа) «1) укрепление власти Комитета членов Учредительного Собрания; 2) всемерное содействие сформированной Народной армии; 3) поддержание общественного порядка и безопасности, в частности беззамедлительное пресечение всякого рода агитации, направленной к противодействию или свержению власти Комитета членов Учредительного Собрания» и т. д. И затем п. 9 в наблюдении и надзоре за точным и повсеместным в губернии соблюдением местными органами управления и самоправления действующих законов, а также постановлений Комитета. Иначе говоря, право «вето» над постановлениями и распоряжениями городских и земских управ и дум Это ли не губернаторское право!

Далее идет нечто более, чем губернаторское. В IV пункте тех же правил говорится следующее: «Временно, впредь до установления нормальной деятельности органов управления и должностных лиц, а равно и судебных установлений, губернскому уполномоченному предоставляется право: давать руководящие указания всем органам местного управления; приостанавливать своей властью проведение в исполнение всех распоряжений и постановлений указанных органов управления, которые (распоряжения и постановления) будут представлять опасность в военном отношении или в отношении общественного порядка и спокойствия, отстраняя от должности всех лиц, служащих в административных и общественных учреждениях в случае явного несоответствия их своему назначению; постановлять о заключении под стражу лиц, деятельность которых

представляется особо угрожающей национальной обороне и общественной безопасности; не допускать и закрывать всякие собрания и с'езды, которые могут представлять опасность в военном отношении или в отношении общественного порядка и спокойствия» и т. д. Цитируемый пункт правил заключается следующими строками: «обращается к содействию военной власти для подавления беспорядков или в других случаях чрезвычайной важности».

Уездные уполномоченные (приказ № 50) наделяются приблизительно таким же административным правом в пределах своего уезда.

И все это пишется ровно через месяц после приказа № 1, в котором, кроме восстановления прав городских и земских управ, между прочим, говорится следующее: «Все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевистскими властями отменяются и восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов».

Таковы практические мероприятия Комитета в области организации и укрепления административной власти. Считаем излишним подробно комментировать и вдаваться в анализ этих документов с точки зрения хотя бы той же идеи «народовластия», о которой так широко вещал Комитет при своем вступлении на царство, ибо сущность и даже терминология этих документов так живо напоминает нам то недавное прошлое, которое принято называть теперь временем дореволюционным.

Установив таковую систему власти, Комитет членов Учредительного Собрания обратился к населению с декларацией, в которой между прочим говорится следующее:

«1) Земля бесповоротно перешла в народное достояние, и никаких попыток к возврату ее в руки помещиков Комитет не допустит. Сделки, купли-продажи и залога на землю сельскохозяйственного значения и лесные угодия запрещаются, а тайные и фиктивные сделки об'являются недействительными. Виновные в нарушении сего будут подлежать строжайшей ответственности.

2) Действующие законы и постановления об охране труда сохраняют свою силу впредь до пересмотра их в законодательном порядке.

3) Рабочие и крестьяне приглашаются защищать свои интересы только законным путем во избежание анархии и развала.

4) Всякий расчет рабочих и приостановка работ предприятий, не оправдываемые условиями производства, ими совершаемые по соглашению с предпринимателями в целях борьбы с рабочими или правительством, воспрещается под угрозой строжайшей ответственности».

А в заключительной части этой декларации говорится: «Имея в то же время в виду интересы промышленности и хозяйственной жизни страны, доведенной большевиками до полного развала, и желая оказать содействие тем лучшим предста-

Библиотека ин-та Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС

119189

вителям торгово-промышленного класса, которые искренне стремятся к возрождению родины и проникнуты желанием всемерно содействовать восстановлению нормальной хозяйственной жизни, Комитет членов Учредительного Собрания также считает своим долгом об'явить во всеобщее сведение:

«1) Предпринимателям представляется право требовать от рабочих интесивного и доброкачественного труда в течение всего рабочего времени, определенного законом и договором, и увольнять неподчиняющихся требованиям, соблюдая соответствующие законные нормы.

«2) Предпринимателям представляется право увольнять лишних рабочих с соблюдением установленных для этой цели законов и постановлений».

Все эти приказы и декларации так или иначе претворялись в жизнь и давали соответствующие реальные результаты. Все, на что падали благотворные лучи этих деклараций, просыпалось к жизни и настойчиво гребовало осуществления своего законного права. Придавленная Советской властью частная собственность, будучи признана Комитетом способной содействовать «возрождению родины», расправляла свои помятые крылья. Черносотенная офицерская банда, восстановленная в своих кастовых правах привилегированного начальства, ревностно принялась за организацию армии по принципу полнейшей ее аполитичности, что на деле представляло из себя полное ограждение армии от политического воспитания и представление ее в полное распоряжение контр-революционного офицерства. Рабочие массы, поставленные этими декларациями в положение дореволюционного бесправия, усложненного еще обстоятельствами амдинистративного и чехо-военного «усмотрения», загрустили по Советской власти.

В подтверждение такого именно характера общественной диференциации приводим несколько документов. Так, приказом № 10 по ведомству внутренних дел, опубликованном в № 34 «Вестника Учредительного Собрания» говорится следующее: «Приказом за № 7 Комитета членов Учредительного Собрания было об'явлено, что домовладельцами и квартирохозяевами недопустимы никакие насильственные выселения квартирантов. Имеются сведения, что этот приказ часто нарушается. Предписывается всем уполномоченным Комитета» и т. д. В № 39. «Вестника Учредительного Собрания» напечатана заметка следующего содержания: «Военное ведомство сообщает, что 13-го августа в Самару приехал один из отрядов (в 16 ч.) войскового старшины Анненкова. Начальник отряда штабс-капитан с двумя юнкерами, после соответствующего ужина в «Национале» очутились около здания Комитета членов Учредительного Собрания. Им не понравился красный флаг, развевающийся над зданием, и начальник отряда вызвал коменданта Квитко, грозно спрашивая:—что за тряпка висит над зданием». Затем они арестовали офицера, который был послан их арестовать» и т. д.

Это те так оказать документально установленные факты, случайно выхваченные мною из газет, которые удостоились внимания учредиловской прессы. В действительности было много таких фактов, о которых писать в газетах считалось неприличным. Так, во время чешского праздника был устроен обед для офицеров так называемой «народной армии» в гостинице «Националь». Была, конечно, выпивка и прочее. И вот, когда дело дошло до душевных разговоров, большинство из офицеров оказалось монархистами. Почувствовав свое численное превосходство, они устроили эсерам и некоторым либерально-настроенным чехам форменную демонстрацию.

Монархическое настроение офицерства не замедлило сказаться на отношении их к солдатским массам, выразившимся в резком отчуждении и враждебном отношении к «серой скотинке»... Солдатские массы, в свою очередь, отмежевались от начальства и стали держать равнение на большевизм. Этот раскол обнаружился с первых же дней комитетского правления и роковым образом определил судьбу «Народной армии».

Комитету, конечно, было известно настроение армии и он принимал меры к локализации начинающегося развала. С этой целью при Комитете был организован агитационно-культурно-просветительный отдел, где были сосредоточены значительные силы эсеровской партии. На обязанности этого отдела лежало, главным образом, снабжение армии литературой и посылка в воинские части агитаторов.

Нужно принять во внимание, что Комитет являлся верховным руководителем армии, и по составу своему он был однородно эсеровским. Агитационный отдел возглавлялся членом Ц. К. партии с.-р. Доступ в армию представителей этого отдела был неограничен. Но фактически дело обстояло совершенно иначе.

Дело в том, что в прокламации начальника штаба Галкина от 9-го июля, обращенной к солдатам, было сказано между прочим следующее:

«Все, кто считает себя друзьями своего народа—немедленно вступайте в ряды добровольческой армии. Мы стоим за власть всего народа, вне всяких партий».

Это обстоятельство было учтено белогвардейским офицерством и оно самым решительным образом противодействовало проникновению в армию даже и официальному агитационному отделу, ссылаясь на то, что прокламации этого отдела ведут определенную социалистическую агитацию; хотя вся социалистичность этой агитации сводилась лишь к тому, что в прокламациях не велась определенная травля против самого слова социализм. И когда я однажды спросил работавшего в этом отделе знакомого эсера, как ему не стыдно писать такие возмутительные, даже с точки зрения просто порядочного человека, листовки он ответил мне: «Ничего не поделаешь, хорошо, что эти листовки принимают в армию, а то просто отказывают или принимают и выбрасывают в помойную яму»; так что и эти

листовки им в некоторых частях приходится распространять нелегально.

Между тем известно было, что черносотенно-кадетская газета «Волжский День», в которой ежедневно самым бесцеремонным образом травилась власть Комитета членов Учредительного Собрания, распространялась в войсках беспрепятственно при содействии офицерского состава.

Среди обывателей Комитет также не пользовался авторитетом: тут тон задавал тот же «Волжский День» и устная агитация «интеллигенции», которая воспользовалась свободой слова для того, чтобы при всяком удобном и неудобном случае в трамваях и вагонах железных дорог просвещать торговок и темный городской люд о том, кто имеет законное право на власть и какие порядки существуют в Сибири при наличии там хорошего временного правительства. Тут можно было слышать и лубочные сведения из истории французской революции, и избитые сказки о свободах и конституции Англи.

Комитет все это учитывал и старался определить линию своего поведения. Памятуя свои основные принципы коалиции «всех живых сил страны», кроме рабочего класса, он старался установить как говорится контакт со всеми классами.

Для того, чтобы уяснить себе к какому именно классу населении имел Комитет наибольшее тяготение, приведем два характерных в этом отношении документа. В инструкции по выборам в Совет рабочих депутатов, опубликованной в № 1 «Вестника Учредительного Собрания» имеется следующий пункт: «1) Совет рабочх депутатов представляет собой независимый от власти орган политического сплочения всех рабочих г. Самары и окрестностей». А в № 25 того-же «Вестника» напечатан приказ Комитета об организации особого совещания по обороне следующего содержания: «При Комитете членов Учредительного Собрания под председательством члена Комитета В. И. Филипповского образуется особое совещание по обороне в составе: ведомства торговли и промышленности—1, совещание по торгово-промышленным делам при комитете—1, земство—1, городское самоуправление—1, представители различных частей управления военного ведомства—5, ведомства контроля—1, ведомства финансов 1, Самарское общество фабрикантов и заводчиков—2, об'единение технических сил гор. Самары—3, губернское об'единение кооперативов порайонный комитет—1, Самарский совет профессиональных союзов—3, Самарский Совет Народного Хозяйства—1».

Эсеры всегда считали себя партией революционеров. Когда им доказывали, что они не социалисты, эсеры защищались, как вообще подобает человеку защищать свои воззрения и убеждения, но когда им говорили, что они не революционеры,-- они готовы были перегрызть своему оппоненту горло. Тут они защищались как лютые звери.—Как!—говорили они,—партия, имевшая в своих рядах Балмашева, Сазонова, Каляева и т. д. не партия революционеров! и т. п. Конечно, у нас, коммунистов,

разные понятия о революционности политических партий. Мы эту революционность определяем не революционной фразеологией или ухарскими выходками тех или иных личностей или групп, а той программой и тактикой данной политической партии, которые ставит ее во главе движения, направленного к достижению социалистического строя. Но допустим другое, оставим в стороне такое определение, допустим на минуту, что эсеры—партия революционеров; предположим, что восстание в Самаре они подняли во имя революции. Но в таком случае спросим партию социалистов-революционеров, когда же она пришла к такому убеждению, что дело обороны революции может быть только делом торгово-промышленников, фабрикантов и заводчиков, кооперативных об'единений и союза инженеров и техников? И почему представители рабочего класса, этого действительного и законного защитника революции, право которого на такое звание засвидетельствовано историей, не оказалось в этом совещании по обороне?...

Дело об'ясняется очень просто. Эсеровский Комитет Учредительного Собрания собирался оборонять свою «революционность» не от черной контр-революции, а от красной революционной рабочей армии, и поэтому, естественно, он не мог пригласить на это совещание представителей рабочего класса.

Приведенные документы неопровержимо свидетельствуют о том, что Комитет с первых дней своего существования принял колчаковскую ориентацию. А что торгово-промышленные слои и вообще вся та братия, которая украсила собой Совещание по обороне была настроена колчаковски, об этом свидетельствует каждая страница «Волжского Дня». Поэтому, если для эсеров колчаковский переворот явился неожиданным, то это еще раз подчеркивает их политическое невежество и близорукость. Колчаковщину они готовили собственными руками и на свои средства с первых дней своего господства в Самаре. Здесь они раз и навсегда порвали с теми слоями мелкой буржуазии и незначительной части рабочего класса, которые когда-то были по недоразумению увлечены их революционной фразеологией.

Вот какие речи мы, например, слышим на рабочей конференции. Бодрых по вопросу об арестах рабочих и о непринятии чешским штабом посланной по этому поводу делегации отмечает, что все протесты конференции по поводу арестов—«бумажные протесты». Оратор спрашивает президиум, как реагировал он на такой отказ. Шоломович, отвечая Бодрых говорит «Никак: у нас нет вооруженной силы, а если она и была бы, воевать с чехо-словаками мы не собираемся». И далее: «С внеочередным заявлением об арестах выступает беспартийный тов. Уттих. Он заявляет, что в этот день, после собрания безработных металлистов в «Триумфе», арестовано на улице 7 человек, выступавших на собраниях с протестом против гражданской войны и предложением не давать своих сыновей для внутренней войны».

Отношение к крестьянству со стороны Комитета, на словах, было самое благожелательное. Был опубликован основной закон о земле, принятый на первом заседании Учредительного Собрания. Приказом за № 51 от 25 июня возобновлялась деятельность земельных комитетов на основаниях, предусмотренных постановлением Временного правительства. Я, конечно, далек от той мысли, что земельные комитеты являются по существу революционными, крестьянскими организациями, но по сравнению с земскими начальниками они, все-таки, сделали шаг вперед в смысле перехода к существующим волостным советам. Но практически дело обстояло совершенно иначе. Фактически деревня была отдана в распоряжение чешских отрядов, которые, наблюдая за выполнением различных комитетских распоряжений, жили там на правах «лежней» времен татарского ига.

К сожалению, поведение чехов в деревне не зафиксировано в печати комитетского периода, но о нем можно было слышать от делегатов 6-го губернского крестьянского с'езда. Недаром этот с'езд назывался «большевистским». Да, собственно говоря, в деревне и поныне очень немногие знают, что в Самаре была власть Комитета Учредительного Собрания, там большая часть помнит власть чехо-словаков.

Так крестьянская партия социалистов - революционеров подходила к практическому решению крестьянского вопроса.

Отношение Комитета к союзникам определяется следующими пунктами декларации, об'явленной в 33 номере «Вестника» «В области внешней политики Комитет членов Учредительного Собрания сохраняет верность союзникам и отвергает всякую мысль о сепаратном мире, а потому не признает силы брестского мирного договора».

Это так сказать официальн. сторона дела. Неофициальные взаимоотношения устанавливались весьма частными свиданиями между самозванным французским представителем г. Жано и быв. морским министром Лебедевым. Эти неофициальные отношения настолько были интимны, что дали повод к возникновению весьма скандального для представителей местных кадетов индидента. Дело было таким образом: у г-на Жано сидел г. Лебедев. В это время к Жано приходит лидер здешних кадетов г. Кудрявцев. Не зная Лебедева и приняв его за француза (Лебедев отлично говорит по-французски), Кудрявцев ни с того, ни с сего начинает ругать эсеров: охота, мол, вам связываться с такой сволочью и т. д. Жано был весьма смущен и обезкуражен, а Лебедев не выдержал и обрушился на Кудрявцева.

Конечно, сам по себе этот инцидент не представляет большого интереса, но в данном случае интересно поведение Жано— этого шулера французской миссии. В самом же деле, если Кудрявцев, не успев перешагнуть порог, начинает ругать эсеров, значит он знал с кем имеет дело. Несомненно, все они, и Кудрявцев и все те, кто послал их, отлично знали с кем и что они

делают. Не знали об этом только эсеры и Комитет членов Учредительного Собрания, не ведал об этом и обыватель, падший на удочку идеи «народовластия».

Тем временем назревали важные события. В Сибири образовалось временное правительство, также претендующее на организацию всероссийской власти. Нужно было столковаться. выработать один метод борьбы с рабочим классом, с нарастающей социальной революцией.

Обменялись парой приветственных телеграмм и решили устроить предварительное совещание в Челябинске.

Оба новоиспеченные правительства, собираясь на Челябинское совещание, знали, конечно, с кем они имеют дело, и поэтому подготовили соответствующие заявления. От имени Сибирского правительства (отчет о заседании в № 10 «Вестника») И. Михайлов заявляет, что он делегирован исключительно для того, чтобы установить с самарской властью координацию практических действий, а не для выяснения вопроса о возможности образования и конструкции всероссийского правительства.

И. М. Брушвит предлагает вести заседание в порядке информации и, в первую очередь, обсудить проект Комитета членов Учредительного Собрания об организации центральной власти. Из этих двух заявлений уже видно, что собравшиеся заговорили на разных языках. В дальнейшем это расхождение оказалось еще резче. Так, когда самарская делегация заговорила о совместной борьбе с большевиками и немцами, то сибирские представители устами Гришина-Алмазова ответили следующим образом: «Осносительно же посылки сибирских войск на приволжский фронт мы считаем, что пока не развернутся силы союзников за Волгу направить наши силы было бы величайшей авантюрой, это признает и Франция, и Англия, и Америка». **А. Веденяпину,** управляющему ведомством иностранных дел, тот-же Михайлов частным образом сказал: «Вы не думайте втянуть нас в войну с немцами».

Комитет тогда неудомевал по поводу этой фразы, но для каждого более или менее политически-грамотного человека было ясно, что сибирское правительство выполняет более широкое задание в отношении борьбы с центральными державами и революционным движением в России, чем доморощенные планы эсеровского Комитета. В то время, когда г. Жано сладко беседовал с г. Лебедевым, судьба Комитета была уже решена, и не было той силы, которая могла-бы избавить его от злой участи. По планам Антанты вкупе с сибирским правительством Комуч должен был сгореть в огне большевистского фронта.

Но насколько ни были различны желания самарского и сибирского равительств, как не кичились сибирские правители своим сепаратзмом, все-так на этом предварительном сговоре решено было созвать государственное совещание для решения вопроса об образовании всероссийского правительства. Не-

сомненно, что в этом деле не малую роль играли миссии доблестных союзников.

Предварительно совещание было созвано в Челябинске, а потом уже перенесено в Уфу. Прежде всего на этом предварительном совещании было обнаружено одно весьма нежелательное для сибирского и самарского правительств явление—это бесчисленное количество различных краевых, областных и национальных правительств, заявлявших претензию на автономное существование.

Оказалось, что кроме самарского, сибирского, екатеринбургского и оренбургского правительств на совещание прислали своих представителей несколько казачьих сибирских правительств, киргизское правительство (Алаш-Орды), национальное управление правительства Алаш-Орды, национальное управление тюркотатар внутри России и Сибири, временное правительство Туркестана и башкирское правительство.

Право делегатов этих правительств на совещании было подвергнуто обсуждению особой комиссии, мнение которой формулировалось следующим образом: «Заслушав представителей всех означенных организаций и подробно обсудив право на участие их в настоящем совещании, комиссия высказалась за допущение на совещание всех организаций, которые были подвергнуты обсуждению» («Вестник» № 41).

Такое предложение комиссии совещанием было принято единогласно, но в то же время Веденяпин от имени делегации Комитета Учредительного Собрания заявил, что относительно временного областного правительства Урала делегация не заявляет протеста, но это не означает признания этого правительства Комитетом членов Учредительного Собрания.

Услужливая пресса отметила эти факты, как признак общего единодушия в патриотическом порыве к спасению «чести и достоинства родины». В действительности дело об'яснялось несколько иными мотивами. Дело в том, что ни сибирское, ни самарское правительства не знали хорошенько подлинной политической физиономии с'ехавшихся представителей областных и национальных правительств и каждое расчитывало на их поддержку. А последние, учитывая эти обстоятельства, не спешили высказать свои политические симпатии.

В одной из своих исторических работ К. Маркс, анализируя характер исторических событий, говорит, вопреки господствовавшему в то время взгляду относительно повторения истории, что события происходят только один раз, и если повторяются, то первый раз они разыгрываются как трагедия, а второй раз фарсируют как комедия.

Это положение блестяще подтверждается историей созыва государственных совещаний. В самом деле, ведь первое государственное совещание созывалось властью коалиционного правительства в самые критические дни его существования. Нужно было найти выход из этого тупика, в котором оказалась коалиционная Россия. Партией с.-р. и с.-д. меньшевиков,

являвшиеся результатом известного исторического наследия, несомненно переживали тогда подлинные трагические дни. Но всяким трагедиям и дням бывает свой конец. И в данном случае концом трагических дней означенных партий были события 25-го октября 1917 г. В это время на историческую сцену выступила новая сила, создавшая новые оригинальные исторические события. Поэтому совещание было сплошной комедией, созданной авантюристами, наемниками и приспешниками реакционной буржуазией только для того, чтобы выяснить каждому для себя, кого, когда и как можно скорее околпачить. И поскольку на этом совещании с.-р. и меньшевики старались изображать из себя социалистов, они оказывались в очень жалком и глупом положении.

Прежде всего бросается в глаза разница во внешней обстановке. С первого совещания ушли представители пролетариата—большевики, и устроили свое совещание о вопросах дальнейшего развития русской революции. Ибо для пролетариата было ясно, что ход революции искусственно задерживается, а государственное совещание собралось, главным образом, для того, чтобы окончательно не только задержать, но и ликвидировать революцию. Тогда наблюдались два мощных психологических сдвига: с одной стороны—об'единение еще сильной буржуазии вокруг правого крыла совещания, с другой—концентрация пролетарских и широких солдатских масс вокруг большевистской организации, одушевленных порывами революционного творчества. Уфимское совещание открывается при совершенно иной обстановке. Эту иную обстановку в достаточной степени может характеризовать маленькая заметка в № 52 «Вестнике Учредительного Собрания», в которой говорится: «7-го сентября в Уфе под председательством Кропоткина открылся с'езд представителей торговли и промышленности Сибири, Урала и Поволжья. На с'езд прибыло 200 представителей. В спешном порядке и с очевидным намерением решили произвести демонстрацию перед с'ехавшимся на уфимское государственное совещание. С'езд торгово-промышленников обсуждает «текущий момент». Все выступления по текущему моменту—ярко реакционны. В результате прений принята резолюция с требованием единоличной военной диктатуры. В резолюции говорится, что все военное и гражданское управление должно быть об'единено в одном лице верховного главнокомандующего, обладающего всей полнотою власти и ответственного только перед будущим Учредительным Собранием, созванным не позднее года со дня заключения всеобщего мира».

Заметка эта характерна в том отношении, что представители сибирского правительства пред'явили на совещании точно такие же требования.

Несмотря на это, с.-р. все еще продолжали верить в коалицию «живых сил», и на первом заседании совещания они устами Вольского заявили следующее: «Для нас, Комитета членов

Учредительного Собрания, ясно одно: есть только один путь, которым государство может превратить народ в государственную силу—это путь народовластия. Других путей нет. И мы верим в то, что совещание ни на секунду не забудет, что государственность без народа не существует. Если это будет всеобщею точкой зрения государственного совещания, то ясно, что пути и формы составления временной государственной власти мы найдем, ибо тогда перед нами будут стоять не вопросы принципов, а вопросы реальности и конкретных учетов и действий, к которым мы всегда приложим все усилия, чтобы найти общий язык и прийти к общему решению».

И надо отдать справедливость совещанию, что для разговоров оно и нашло общий язык, ибо, как известно, в результате этих разговоров получилось общее фиктивное временное правительство, но действия, как увидим ниже, каждого из представленных на совещании правительств были не только разны, но сплошь и рядом диаметрально противоположны.

Основными и единственными вопросами Уфимского совещания были вопросы об организации временной всероссийской власти и установление программы деятельности этой власти. Форма обсуждения этих вопросов была двоякая: открытые заседания, в которых парламентским языком велись приличные дебаты, и закрытые заседания и комиссии по созданию всероссийской власти, где происходил бесстыдный торг между различными претендентами на власть, с подробным учетом сил и удельного веса каждого из претендентов.

Сведения о первых заседаниях можно было читать в газетах; тайны вторых заседаний можно было узнать или непосредственно от участников совещания или от лидеров эсеровской партии, имевших сообщение с Самарой ежедневно по прямому проводу.

Открытые заседания не представляют из себя большого интереса. На них можно было слышать или декларации правительств и партий, которые по существу были просто повторением программ уже известных политических группировок, принимавших участие в совещании, или доклады комиссии, преподносимые уже в окончательно согласованном виде.

Большего интереса заслуживает негласная работа совещания.

Прежде всего нужно заметить, что основными элементами совещания являлись: сибирское правительство, чехи и Самарский Комитет, которые и вели между собой переговоры о власти, оспаривая друг у друга поддержку второстепенных правительств и организаций.

Картина этих переговоров представляется в следующем виде. Сибирское правительство, заручившись поддержкой казачьих организаций и торгово-промышленного с'езда, категорически настаивало на проведении своей программы. С.-р., веруя фанатически в пресловутую идею народовластия, не могли помириться с предлагаемой сибирским правительством едино-

личной диктатурой белого генерала. Между этими двумя противоположными полюсами стояли чехи и Дутов. При чем как сибирское Правительство, так и Самарский Комитет были склонны к ультимативной форме своих предложений, грозя, в случае несогласия, отколоться и замкнуться в своих этнографических границах. Это обстоятельство ставило Дутова в весьма критическое положение. Будучи по своим взглядам более склонным к сибирской ориентации, он в то же время боялся порвать с с.-р., так как географическое положение его областного государства не позволяло ему расчитывать на поддержку со стороны Сибири. Эсеры это учитывали и непрестанно интриговали доблестного атамана на этой слабости. Больше всего эсеры надеялись на чехов, с которыми и вели определенные и совершенно недвусмысленные переговоры. С первых дней совещания чехи определенно тяготели к Самарскому Комитету, но к концу совещания они заняли до некоторой степени нейтральную позицию.

Случилось это таким образом. Когда чехи пришли в Самару и начали, совместно с Комитетом, войну против Советской власти, они расчитывали на поддержку «Народной армии». Между тем, время шло, чехи брали город за городом, а помощи от Народной армии они почти не видели. Тогда они стали указывать Комитету на то, чтобы он усилил дело формирования армии. На этой почве возникли недоразумения между чешским и комитетским командованием, а отсюда это недоразумение передалось вообще во все сферы взаимоотношений между чехами и Комитетом. Дело кончилось скандалом и, почти, полным разрывом. Под Казанью чехи задумали какую-то большую операцию. Для этого им потребовались большие резервы. Стянули части Народной армии, состявшей из недавно мобилизованных казанских жителей, послали эти резервы в определенный пункт и дали им определенное задание. Это было под вечер. Когда на утро в этот пункт послали связь, то на месте не оказалось ни одного солдата: они все разбежались по домам. Чехов это окончательно возмутило и они решили отступать в Сибирь, так как своими силами, основательно к этому времени потрепанными, они не считали возможным делать дальнейших успехов.

Это было как раз в дни Уфимского Совещания и в то же самое время, когда Красная армия окончательно окрепла в своих организационных формах. И когда чехи спросили Комитет: на какую реальную поддержку они могут расчитывать, если порвут с Сибирью и отнутся между двух огней, Комитет мог только развести руками, ибо он сам не знал, каковы быдут его реальные силы.

Тем временем Дутов метался из стороны в сторону и старался примирить враждующих. Затем ему на помощь пришли чехи, и тогда явилась возможность выработать компромиссное предложение относительно состава правительства. О программе сибирское правительство не говорило, ибо оно знало, что

дело не в программе, а в том, кто эту программу будет проводить в жизнь.

Правительство было составлено коалиционное: в составе трех кадетов, двух с.-р. и такое же количество заместителей, партийность которых выражалась так: один черносотенец, два кадета и два с.-р.; их имена: Авксентьев, Астров, Болдырев, Вологодский и Чайковский; заместители: Аргунов, Виноградов, генерал Алексеев, Сапожников и Зензинов.

Вновь испеченное правительство, при торжественной обстановке, приняло торжественное обещание следующего содержания: «Мы, члены временного всероссийского правительства, избранные на государственном совещании в Уфе, торжественно обещаем хранить верность народу и государству Российскому, выполнять наши обязанности в полном соответствии с принятым на государственном совещании актом об образовании верховной власти».

Ровно через два м-ца тоже временное правительство, во главе с почтенным и маститым Авксентьевым, при унизительной обстановке полицейского застенка, столь же откровенно отрекалось не только от выполнения возложенных на него совещанием обязанностей, но и вообще от какого бы то ни было участия в политической деятельности. А его более горячий собрат—Вольский, с таким энтузиазмом клявшийся и призывавший совещание на общую борьбу с большевиками, в то время, как Авксентьев позорно удирал в Америку,—с большими трудностями, сопряженными с переездами по Советской России и опаской быть узнанным кем-либо из нежелательных знакомых, пробирался в Москву на поклон к Советской власти.

Были и есть на свете великие и гениальные писатели юмористы и обличители человеческой порочности, низости, глупости и прочих недостатков, в роде Гоголя, Чехова, Джером-Джерома и т. д., но нет более гениального, более беспощадного юмориста и обличителя человеческой глупости, как сама действительная жизнь.

В самом деле, разве можно найти в книгах столь юмористическое произведение, как действительное происшествие, имевшее место в Челябинске, Уфе и Сибири в конце 1918 г., в котором в качестве действующих лиц выступали участники организации временного всероссийского правительства, и разве можно изобразить словами или пером столь смешное, столь нелепое или, выражаясь грубо, столь дурацкое положение, чтобы нарисовать столь комичную позу, которую изображали маститый и почтенный Авксентьев при открытии разных заседаний и принятии торжественных обещаний?

Посмотрим, однако, что делали те люди, которым не был понятен смысл этих событий, которые не видели глубокого несоответствия между формой творимых ими поступков и действительным содержанием той жизни, с которой связывались эти поступки.

Когда эсеры узнали, что на совещании избрана директория, принята приличная программа деятельности нового правительства, то эсеры решили, что они победили. На митинге в «Олимпе» официальными представителями Комитета было заявлено, что на совещании победа осталась за ними и что в этой победе не малую роль сыграли братья чехо-словаки.

Так хвастался своей победой Самарский Комитет перед простодушным обывателем. Тем временем сибирское правительство доказывало свою победу на Уфимском совещании на деле. В № 64 «Вестника Уч. Собр.» от 25 сентября, т.-е. в то самое время, когда совещание заканчивало свои работы, промелькнули две маленькие заметки следующего содержания:

«Омск, 23 сентября. Административный Совет Временного Сибирского правительства 21 сентября, на основании ст. третьей постановления сов. мин. о пределах полномочий административного совета, постановил: занятия Сибирской Областной Думы и образованных ею комиссий прервать. Срок возобновления занятий Сибирской Областной Думы определить особым постановлением Вр. Сиб. прав. Настоящее постановление ввести в действие по телеграфу». И затем: «Омск, 23 сентября (официально). Административный Совет Вр. Сиб. прав. 21 сентября 1918 г. по вопросу об освобождении от занимаемых должностей членов Вр. Сиб. правительства; мин. вн. дел Н. М. Крутовского, мин. туземных дел Б. М. Шатилова и мин. юстиции Г. Б. Патушинского постановил: на основании ст. третьей постановления сов. мин. «о пределах полномочий административного совета», вследствие поданных прошений освободить Крутовского от должности члена Вр. Сиб. правительства и мин. вн. дел» и т. д. (идет перечисление освобожденных министров). Перечисленные три министра—правые эсеры, и увольнялись они, конечно, не по прошению, а потому, что фактически в это время сидели уже под арестом по распоряжению начальника омского гарнизона полковника Волкова. Четвертого коллегу арестованных министров—эсера Новоселова постигла более печальная судьба: он попросту был убит двумя какими-то офицерами, выполнявшими, очевидно, поручение того же Волкова.

Таким образом сибирское правительство, согласившись на образование коалиционной директории, в то же время самым наглым образом покончило с началами коалиции внутри себя. Конечно, все эти шаги сибирского правительства будут понятны, если принять во внимание то, что совещание не оправдало надежд торгово-промышленного с'езда, исполнительным органом которого и являлось сибирское правительство. Готовилась другая кампания. Принимались меры к приему коалиционной директории...

А директория действительно ехала в Омск, обещав Самарскому Комитету самую скорую помощь из сибирских воинских резервов, заготовленных сибирским правительством, прежде всего, для борьбы с самой директорией.

И только тогда, когда Комитет вернулся с Уфимского совещания в Самару, он почувствовал к чему, собственно, сводится одержанная им там победа. Здесь его взору представилась печальная картина жестокой действительности: белая армия отступала во всех направлениях, разлагаясь не по дням, а по часам; в деревне чехи, отступая, вели чисто мародерскую политику; на запрос Болдыреву—будет ли им послана Комитету военная помощь, последний ответил, что по стратегическим соображениям Волга должна быть оставлена.

Комитет чувствовал, что ответ Болдырева о посылке помощи—дело рук сибирского правительства. И поэтому он стал больше надеяться на союзников, которые, по сведениям, где-то двигались по Сибири. Здесь каждый день можно было слышать от досужего обывателя бюллетень о передвижении союзных войск такого приблизительно содержания: «Эшелоны союзников прошли Челябинск». «Проходят Златоуст», «видели их в Уфе», и т. д. А когда осведомителю ставили вопрос: почему они так долго двигаются от Уфы, если они в Уфе были неделю тому назад, то осведомитель таинственно и многозначительно говорил: «Они едут только ночью». — А днем где же они бывают? — следовал естественный вопрос. — «Стоят на раз'ездах», — был ответ. — Зачем стоят на раз'ездах? — настаивал вопрошатель.—«Затем, чтобы их никто не видел: ведь они же секретно едут на наш фронт». Такие ответы, конечно, не могли удовлетворить любопытного обывателя и разговор сплошь и рядом кончался диалогами из разговора «у пушки».

Но чтобы там не говорили, а о союзниках не было ни слуху, ни духу. Тем временем Красная армия подступала уже к Самаре и нужно было принимать меры или к защите комитетской столицы, или эвакуироваться.

Наиболее умные из эсеров, такие, как Вольский, уже тогда стали ясно отдавать себе отчет в том, что происходит. Поэтому они говорили: «Если мы потеряем Самару—мы потеряем все». Отсюда явилась мысль отчаянной попытки защитить единственное и последнее убежище Комитета. Правда, из этой защиты ничего не вышло, но психологически эта попытка со стороны наиболее идейных представителей Комитета была вполне понятна.

Началась смешная и беспорядочная эвакуация комитетских учреждений. Свертывали и отправляли на станцию все, что только возможно было, несмотря на то, что через две—три недели обещали возвратиться. Правда, отправить всех грузов не удалось, так как в первую очередь шли поезда с видными эсерами и крупной самарской буржуазией, занимавшей сотни вагонов своей громадной поклажей.

Этим периодом, собственно, заканчивается деятельность Комитета, как самостоятельной независимой власти. Последующий период можно рассматривать, как период агонии Комитета, расставшегося с жизнью с об'явлением колчаковской диктатуры.

Дело в том, что с переездом в Уфу Комитет все время находился в прифронтовой полосе, в районе расположения ближайшего тыла действующей армии, власть над которой после образования временного правительства уже не принадлежала Комитету. Наоборот, Комитет уже до некоторой степени находился в сфере распоряжения военного начальства, подчиненного непосредственно омской директории, а так как колчаковский переворот был произведен командным составом армии и готовился он значительно раньше того, как Комитет переехал в Уфу, то и отношение к Комитету со стороны военных было основано на полном его игнорировании.

Так закончилась авантюра, именуемая властью Комитета членов Учредительного Собрания, начатая в Самаре 8-го июня 1918 года группой членов партии социалистов-революционеров, вместе с командным составом чехо-словацкого корпуса, поднявшего мятеж против Советской власти.

Новиков.

РАБОЧИЕ и КОМУЧ.

До чехо-словацкого переворота в Самарской губерни свободно проводилась антисоветская пропаганда и агитация. Буржуазия, бессильная сама по себе, старалась оказать всяческую поддержку партиям, стоящим за власть Учредительного Собрания, не исключая максималистов и анархистов. Кадетская печать ежедневно измышляла «разоблачения» на советских ответственных работников: «шпионы и провокаторы», наемники буржуазии, на площадях, на углах улиц и в театрах выступали с критикой большевиков.

Рабочие проделали крупную политическую ошибку, дав буржуазным партиям свободно проводить свою политику и тем ослабить и отчасти дезорганизовать себя.

На другой же день, после вступления новой политической власти—Комитета Учредительного Собрания (Комуч), в Самару эта ошибка была понята. Произошел так сказать предметный урок.

Исправить ошибку в ближайшем времени рабочим не представлялось возможным. Пролетариат Поволжья в первые дни власти Комитета членов Учредительного Собрания едва успевал считать раны. Очень скоро, вопреки невероятным гонениям, рабочие вынуждены были коалиции из чехов, учредиловцев и меньшевиков, противопоставить, так сказать, перманентный протест оппозиции «беспартийных» (т.-е. коммунистов), используя все прежние навыки нелегального существования. Дачи за Постниковым оврагом до Барбашиной поляны покрылись тайными собраниями; трубочный завод и ж.-дорожные мастерские на другой день новой власти стали устраивать летучие сходки, правда в очень скромных размерах, но всегда деловые и по самым жгучим вопросам.

В каких формах выявилось отношение членов Комитета Учредительного Собрания к рабочим?

Закулисная сторона расправ общеизвестна.

И по приказам и без приказов ежедневно делались облавы на рабочих. По ночам выводились десятки арестованных за город и расстреливались. Обывателям предлагалось задерживать сторонников Советской власти и не щадить никого из них. Вакханалия мести и беспощадного истребления по отношению к коммунистам достигла средневековых приемов борьбы.

Никто из сторонников в Учредилке не возражал против этого. Когда один из рабочих на конференции (тов. Бодрых) спросил у президиума, как он реагирует на эти бесконечные аресты, — Шоломович (полукадет, полуменьшевик) цинично ответил: «никак: у нас нет вооруженной силы, а если бы она и была, воевать с чехо-словаками мы не собираемся».

Если так отвечали новые «вожди» рабочих, с Лепским во главе, то ясно—еще меньше на закулисные расправы с рабочими обращал внимание Комитет членов Учредительного Собрания.

Но в официально-публичных выступлениях учредиловцы старались быть, поскольку позволяло их неустойчивое положение, лояльными к рабочим. Члены Комитета хотели быть Тьерами первых дней Парижской Коммуны. Они разыгрывали комедию друзей рабочего класса, при благосклонном, конечно, участии Кравченко, Кабцана и других меньшевиков.

8-го июня К-т членов Учредительного Собрания предложил всем организациям, руководящим деятельностью различных предприятий, фабрично-заводским комитетам и пр. оставаться на своих местах. «Приказывается предпринимателям и населению,—сообщалось далее,—насильственно не смещать таковых. Виновные будут привлекаться к ответственности по законам военного времени». Затем К-т членов Учредительного Собрания предлагал, между прочим, срочно принять меры к снабжению арестованных рабочих матрацами и к размещению их по всем помещениям тюрьмы, заявляя, что он не намерен вести неприязненной политики. Или: «насильственное выселение с дач рабочих и других лиц так же недопустимо, как из квартир».

Аналогичные приказы и распоряжения следовали друг за другом. Их было, пожалуй, слишком много для расплачивавшихся за свои политические ошибки рабочих.

Реальная политика сводилась к арестам, к угрозам, к провокации.

Комитет стремился прежде всего к восстановлению частной собственности: к денационализации промышленных и торговых предприятий. В приказе от 14-го июня, т.-е. спустя всего 7 дней, после своего прихода, Комитет членов Учредительного Собрания заявил, что впредь до издания особого распоряжения о реквизированных Советской властью, все, захваченные дома, бани, гостинницы, номера, кинематографы необходимо передать в ведение самарского городского самоуправления».

Позднее Совету Народного Хозяйства поручено было подготовить сдачу фабрик и заводов прежним хозяевам, предварительно пригласив их на рассмотрение этого вопроса. И еще позднее Комитет начал уже недвусмысленно напирать на союзных рабочих, на рабочие организации, заме-

ния действительных представителей пролетариата своими ставленниками, или прямо заводчиками и фабрикантами.

К жизни был вызван Промышленный Совет, по преимуществу из фабрикантов, заводчиков и купцов, коим поручалось поднять производство. Отношение его к рабочим союзам, конечно, было орицательным.

25-го июня выпущен был приказ об учреждении кассы безработных, в управление которой вводилось следующее представительство:

«Орган управления кассой безработных,—сообщал приказ,—состоит из 12 членов, при чем места распределяются так: 4 представителя от больничной кассы, 2 от совета профессиональных союзов, 1 от городского самоуправления, 1 от земства, 1 от правительства и 3 от предпринимателей».

В лучшем случае это возможно считать с внешней стороны паритетным началом; по существу в управление кассой ставились, главным образом, предприниматели и их ближайшие агенты (см. приказ № 49).

Весьма скоро Комитет начал запрещать и собрания,—сначала в полосе отчуждения жел. дор., а затем и в других местах. В городе собрания и митинги не запрещались, если их устраивали правые эсеры и меньшевики, но предварительно устроителям указывалось, что им должно говорить и чего не должно.

В первые дни по занятии Самары чехо-словаками, перед самарским революционном пролетариатом стоял весьма трудный вопрос: что делать, и вообще делать-ли что-нибудь.

Этот вопрос дебатировался не раз.

Иващенковские рабочие, наиболее воинственные, не только склонялись в сторону активных выступлений, но и проявляли их. Ими взорвано, между прочим, в первые же дни власти Учредиловки несколько вагонов с патронами и др. взрывчатыми веществами; они пытались портить ж.-дорожные пути; они с трудом проводили, но проводили последовательно, итальянскую забастовку в предприятиях, изготовляющих военное снаряжение. Наконец, они перед приходом советских войск геройски восстали, поплатившись тысячами жизней самых лучших своих товарищей.

Самарский пролетариат имел меньше шансов на боевые выступления. Недостаток руководящих сил, с одной стороны, и агитация меньшевиков, вносившая развал в среду рабочих—с другой, полицейский режим Ребенды (комендант города)—с третьей,—все это делало невозможной непосредственно боевую политику. От восстания рабочие отнюдь не отказывались,—но они считали нужным поднять восстание лишь тогда, когда советские войска подойдут к Самаре. В обычное же время ими не исключалось политика легальных заявлений «левых рабочих» на публичных собраниях. Хотя, разумеется, и среди них много было противников умеренной политики. После много-

кратного обсуждения как быть, вопрос об активной борьбе был в сущности оставлен открытым.

В конце июня и в начале июля состоялась конференция рабочих. Меньшевики думали продемонстрировать поворот от большевизма к меньшевизму и потому охотно втягивали в конференцию всех, кого только можно втянуть.

Коммунисты некоторое время колебались: итти ли им на конференцию, но затем решили пойти под флагом левых беспартийных.

Этот шаг с нашей точки зрения был решающим в отношении дальнейшей линии поведения.

Классовый инстинкт подсказал негодующим элементам, что им нужно быть осторожными. Дальше беспартийные, т.-е. коммунисты, участвовали и в совдепе, и в исполкоме Совета, и даже в выборах в думу, хотя в последнюю своего списка не выставляли, а поддерживали кандидатов с.-д. интернационалистов.

Рабочая конференция по своему значению представляется весьма знаменательной. Левое крыло здесь ясно формулировало свое отношение к войне с Советской властью: «Мы не пойдем на гражданскую войну,—заявили «беспартийные»,— и сыновей своих не дадим... Нас при Николае гнули и теперь тоже хотят гнуть»...

Так формулировано было отношение рабочих к мобилизации.

Не менее ясно формулировано было и отношение к арестам.

Словом «левое крыло» не скрывало симпатий к Советской власти и отрицательного отношения к Комитету членов Учредительного Собрания. Но на конференции оно не в состоянии было резолютивно формулировать этого отношения. Для того требовался еще месяц. На заседаниях Совета «левое крыло» рабочих уже формулировало свои отношения.

От имени К-та членов Учредительного Собрания выскалался на конференции лидер учредильцев Вольский. Он заявил, что Самара—ближайший тыл, и потому здесь будет поддерживаться вся военная предусмотрительность. Рабочие, если им не нравится новая власть, «могут убираться в советскую республику, которая им так нравится, или должны подвергаться воздействию существующих законов и распоряжений».

Важно отметить также и то обстоятельство, что меньшевики оказались обезоруженными. Их собственных приверженцев было очень мало: их резолюции некому было принимать. Пока «левое крыло» посещало конференцию, она была сравнительно лодной, с того же времени, как «левое крыло» стало демонстративно уходить, конференция пустела, не стала собирать и 200 человек.

После конференции К-т членов Учредительного Собрания больше уже ни в какие непосредственные переговоры с рабо-

чими не вступал и никаких раз'яснений ему не давал, кроме частных выступлений отдельных его членов на митингах. А рабочие, в свою очередь, этих раз'яснений и не требовали.

Конференция выделила для созыва совета рабочих депутатов исполнительный комитет, который, проделав возложенные на него задачи, на 10 августа созвал первое заседание совета рабочих депутатов (от 82 предприятий около 300 человек).

При открытии Совета два лидера меньшевизма: Лепский и Кабцан (Алексей) попытались воздействовать на рабочих.

Но левое крыло рабочих явилось на заседание довольно уже организованным. Оно выдвинуло для возражений своего представителя и отнюдь не склонно было принимать сентенции меньшевизма за истины. «Советы рабочих депутатов,—заявил тов. Левитин,—или будут ничем, или должны быть всем. Об'ективные условия диктуют, что только советы могут быть властью, а не кто-либо другой. Стремления масс достаточно определенны. Они превращают везде советы в органы власти и не могут этого не делать, ибо советы рабочих депутатов суть единственно приемлемая форма власти, могущая стать на страже интересов рабочего класса. Никакие учредительные, никакие диктатуры иного порядка, кроме диктатуры пролетариата не могут быть приняты революционным классом рабочих, так как только советы могут закрепить за рабочими их революционные завоевания».

Когда меньшевик Кабцан предложил две формулировки о советах: а) совет—орган власти, и б) советы—независимые от власти органы сплочения пролетариата,—Левитин поставил вопрос, что собирается подсунуть Кабцан, говоря: «независимый от власти орган сплочения пролетариата»?

На заседании была принята резолюция меньшевиков следующего содержания:

«Совет рабочих депутатов, не участвуя в государственной власти и оставаясь совершенно независимым от нее органом, должен защищать интересы всего рабочего класса, сплачивая его в политической борьбе с его врагами и охраняя единство всего рабочего движения в целом».

Но против нее голосовали 59 человек из 163.

Вопрос о задачах совета рабочих депутатов указанная резолюция, в сущности, не исчерпала, так как в конце августа он снова был поставлен на обсуждение. После дебатов на этот раз появились две резолюции: меньшевика Лепского и коммуниста Соколова, при чем вторая была следующего содержания: от имени партии «беспартийных», «крайних левых».

«Самарский совет рабочих депутатов, обсуждая вопрос о целях и задачах Совета постановил: Принимая во внимание поход реакции, расчищающей дорогу военной диктатуре, Совет считает своим долгом для предотвращения ее провозгласить:

1) Всеобщее вооружение рабочих;

2) снятие военного положения;

3) немедленное прекращение политических арестов, обысков, расстрелов, самосудов и пр.;

4) немедленное освобождение из тюрьмы всех политических заключенных;

5) отстаивание всех декретов, изданных Совнаркомом, как-то: 8 часовой рабочий день, контроль рабочих над производством, страхование рабочих от болезни, безработицы, инвалидности за счёт предпринимателей и т. д.

6) Отстаивание постановления 3-го всероссийского с'езда о земле;

7) неприкосновенность личности и жилища, свободы слова, печати, собраний, стачек, профес. союзов и партийных организаций.

Превозглашенные выше лозунги Сов. Р. Депутатов Самары будут отстаивать всеми имеющимися у него средствами».

Голосование производилось два раза. Первый раз открытым голосованием была принята большинством 80 против 70 резолюция Лепского,—второй раз тайным голосованием—резолюция Соколова (больш.) 84 против 83.

В данном случае (в заседании 30 августа) уже сказалась сила сторонников Советской власти.

На митинге, на котором комитетчиками излагалась история учредиловского восстания, история весьма некрасивая для героев мятежа, Климушкин между прочим сказал: «По мере борьбы с большевиками мы убеждались более и более, что среди рабочих нельзя было найти для себя сил. Рабочие дошли до значительной степени разложения, распались на несколько лагарей и тяготели к большевизму. Рабочие не понимали, что разрушение промышленности и те подачки, которыми их приманивали большевики, ведут в конечном счете к гибели рабочих». И далее: «Рабочие нас совершенно не поддержали». А Брушвит добавляет: «Поддержка была только от крестьян, офицерства и чиновничества,—все остальные стояли в стороне».

После падения Казани и Симбирска правовое положение рабочих ухудшилось. На них и за ними решительно смотрели все и во все глаза, а прежде всего чешская охранка. Аресты и расстрелы усилились. И на-ряду с этим официальный отдел К-та членов Учредительного Собрания призывал рабочих в свои ряды, выпустил последнюю ложь о том, что большевизм и немцы—это одно и тоже, что они несут всю тяжесть капиталистического строя—военно-полевые суды за стачки и 12-ти часовой рабочий день.

Советские войска, однако, уже подходили к Самаре.

Наконец, пала Сызрань. Иващенковские рабочие, как мы раньше говорили, активно выступили против Народной армии. Их подавили и К-т растрелял самым жестоким образом сотни рабочих.

Комитет членов Учредительного Собрания, таким образом, от начала своего существования до конца был враждебно

настроенным по отношению к рабочим. Реформистские мероприятия его там, где они предпринимались, весьма слабо вязались с его общей политикой гонения на пролетариат. Эти мероприятия, не удовлетворяя рабочих, создавали только почву для буржуазных элементов бросать упреки по адресу меньшевиков и эсеров, что ими, как прямыми наследниками большевиков, навязывается патриотам-гражданам старая большевистская политика, от которой население стремится отмежеваться и должно отмежеваться, по их мнению.

Рабочие, напротив, ни минуты не колебались в том, что, допустив в первом периоде Советской власти политическую ошибку, они должны так или иначе содействовать восстановлению этой власти. На все приказы Комитета членов Учредительного Собрания, касающиеся положения рабочих, они смотрели как на замазывание сущности спора между пролетариатом и его классовыми противниками—буржуазией. Нелепо было устраивать какую-нибудь больничную кассу на паритетных началах, раз борьба между сторонами не могла уже иначе разрешиться, кроме как уничтожения одного классового противника другим.

Поскольку рабочие были сжаты учредиловцами и белым террором, постольку они вынуждены были отказаться от ярких активных выступлений. Но все, что им представлялось возможным сделать в целях оппозиции и протеста против чехословацкой авантюры, ими было сделано.

В период чехо-словацкой власти и власти Комитета членов У. С. пережить рабочим пришлось, как мы видели, не мало. Но они сумели пронести красное знамя коммунизма через весь буржуазно-учредиловский строй, сохранив его чистым, вопреки стараниям меньшевиков использовать это знамя для своих соглашательских целей.

И именно в этом заслуга рабочих. В этом значение их оппозиции.

Я. Андреев.

КРЕСТЬЯНСТВО и УЧРЕДИЛОВЩИНА.

I.

Крестьянство до июньского переворота.

Является самой жизнью проверенным и доказанным фактом, что русская революция подготовлялась, началась, протекала и протекает как определенно классовая, экономическая,—социальная революция. Таким же неоспоримым фактом является и то, что многие группы и слои русского общества нашей социальной революцией были застигнуты врасплох.

Наиболее растерянным и неподготовленным к революции оказалось крестьянство—самый большой по количеству трудовой общественный слой.

Причиной этому служат определенные об'ективные условия: 1) хотя и нищенский, но все же мелко-собственнический, экономический быт русского крестьянства, 2) всеобщее, в том числе и политическое, невежество трудящихся масс в России, как прямое следствие небывалого по своей кошмарности и дикости царистского режима, 3) экономическая оторванность деревни от города,—отсюда идейная оторванность крестьянства от пролетариата и пр.

Крестьянство к моменту революции было невежественно, неорганизовано и аполитично.

Защиту интересов крестьянства в целом взяла на себя интеллигенция. Она присвоила себе роль «спасительницы народа». Русская интеллигенция в массе своей шла под флагом так называемого «народничества». Народничество—это своеобразное разветвление утопического социализма. Особенно пышным цветом расцвело оно именно в России, вследствие ее экономической отсталости и невежества.

Политическим выразителем народнической интеллигенции явилась партия социалистов-революционеров (эсеров).

— Класс пролетариата и класс буржуазии,—говорила партия рабочих (большевики).—Интеллигенция и народ,—говорила партия эсеров. При чем «народ» понимался ею, как нечто единое, целое, неделимое—всеобобщающее. Это был неживой, несуществующий, мифический, интеллигентский народ. Мелкобуржуазная, по своей сущности, экономически невежественная партия эсеров никогда не могла выработать определенного классового самосознания и последовательной эконо-

мической программы: тут и восхваление существующей крестьянской общины, и, на основе ее, пропаганда первобытного коммунизма, и ни на чем не основанная вера в то, что можно затушевать классовые противоречия, замазать щели, примирить непримиримое, и социализация земли, и священное право частной собственности на фабрики и заводы и пр.

Политические идеалы партии эсеров также были далеки от действительности. Буржуазный характер революции: демократическая республика, всенародный, внеклассовый характер власти—вот перлы эсеровской политики. Все они направлены к тому, чтобы удовлетворить полностью межумочную, межклассовую, промежуточную группу—интеллигенцию, которая спасет «народ» и примирит пролетариат с буржуазией.

Вот с таким умственным и идейным багажем вступила партия эсеров в полосу социальных революций: без руля и без ветрил поплыла она по треволненному революционному морю, взявши на буксир все крестьянство в целом.

Вся наша революция до чехо-словацкого бунта характеризуется тем, что крестьянство, очутившись между двумя противоположными берегами, то идет на поводу у эсеров, и этим фактически усиливает позицию класса буржуазии, и революция тормозится, то примыкает к пролетариату, и социальная революция трудящихся расширяется и углубляется.

Февральские события 1917 г. умными государственными мужами мыслились, как политический переворот—не больше. У власти угнездились умеренные либералы кадетского покроя: князья Львовы, профессора Милюковы и миллионеры Терещенки. Но с первого же момента трудящиеся города и деревни, движимые классовым инстинктом, начали захватывать землю, фабрики и заводы. Вскоре буржуазии для обуздания «взбунтовавшихся рабов» понадобилась помощь мелкобуржуазных партий, главным образом, эсеровской, как наиболее сильной и многочисленной из них.

Эсеры, соединившись с буржуазией, на время потушили разгоревшиеся страсти.

Измученная, ограбленная, обескровленная четырехлетней войной, не понимающая себя, не знающая своих друзей и своих врагов—деревня на время утихомирилась и послушно пошла за успокоительным лозунгом Учредительного Собрания, которое всех рассудит, все сделает и всех всем наградит. Эта—полоса коалиции, соглашательства. Но трогательное согласие буржуазии и эсеров было нарушено их излишней воинственностью. После преступной Тарнопольской и Калишской катастрофы в июне 1917 г. крестьянство в шинелях—армия потребовала немедленного мира. Крестьянство в зипунах также отказывалось ждать «журавля в небе», в виде обетованной Учредиловки, после того, как неоднократно получало «синицу в руки», в виде карательных экспедиций Керенского, разгонов земельных комитетов и расстрелов крестьян...

В сущности, июньское поражение наших армий под Тарнополем было первым, наиболее дорого стоющим примером, доказавшим всем способным понимать, что национально-буржуазная политика отжила свой век.

Армия, крестьянство в массе своей переходит на сторону пролетариата. Опираясь на крестьянство, рабочие производят октябрьскую революцию, совместно с крестьянством свергают буржуазию и ее прислужников эсеров и начинают ломать национально-буржуазные формы общежития. Но вот буржуазная революция доведена до своего логического конца, буржуазная машина сломана, путь очищен,—должен начаться период организации, период творчества нового, коммунистического строя. Нужны и классовое самосознание, и трудовая революционная дисциплина, и самопожертвование как со стороны рабочих, так и со стороны крестьян.

Как раз в этот, особенно трудный для крестьянства, момент международная обстановка сгущается до самых крайних пределов: заключается неимоверно-тяжелый брестский мир. Сапог немецких империалистов грозит раздавить молодую советскую республику.

Перед сложностью и трудностью создавшихся положении, крестьянство снова растерялось,—оно охладевает к большевикам и начинает метаться из стороны в сторону. И вот, с одной стороны, усиливается влияние «крайне левых»—левых эсеров, максималистов, анархистов и пр. (в сущности также мелкобуржуазных партий), с другой—крестьянство начинает прислушиваться к голосу поднявших голову кулаков, белогвардейцев и эсеров, и даже участвовать в их восстаниях против Советской власти. Наконец, крестьянство отходит и от них и застывает, равнодушное ко всем и всему.

Момент перед чехо-словацким мятежом очень характерен для русской деревни. Он показал, что в сущности после октябрьской революции, как таковой, классового расслоения в деревне к тому времени еще не произошло. Поэтому период русской революции с октября 1917 г. по июнь 1918 г. можно охарактеризовать, как утверждение советского строя и пролетарской диктатуры в городах и подготовление октябрьской революции в деревне.

На одном из заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, незадолго до чехо-словацких событий, тов. Ленин в своем докладе сделал экономический и политический анализ деревни. Он пришел к заключению, что в деревне активным сторонником и защитником Советской власти является только беднейший слой крестьянства. Впечатления и отзывы многих членов нашей партии и советских работников, которым во время чехо-учредиловского господства приходилось скитаться по деревням, условия и характер самого чешского переворота и первоначальное отношение к нему крестьянства—лучше всего доказывают правильность этой мысли.

Положение крестьянства перед чехо-словацким мятежом можно охарактеризовать так: 1) бедное крестьянстео—деревенский пролетариат и полупролетариат—на стороне Советской власти, но, оторванный от города, почти неорганизованный, малочисленный и неопытный, он часто не знает, что ему делать, недостаточно понимает перспективу идущей на смену Советам диктатуры буржуазии, и недостаточно решительно защищает советский строй. 2) Трудовое крестьянство—нейтрально: оно не против Советской власти, но поддерживает ее постольку-поскольку и колеблется между беднотой и кулачеством. 3) Кулачество, притаившееся в октябре, начинает поднимать голову, и активно восставать против Советской власти. 4) Сельская интеллигенция, партийная и беспартийная, но одинаково политически невежественная, ослеплена иллюзиями «народовластия» и поддерживает кулаков.

И нужно было пережить кошмар чехо-белогвардейского господства, чтобы в деревне началась и произошла новая октябрьская революция. Чехо-белогвардейско-учредиловский период, при помощи казацкой плети и чешского штыка, вскрыл сокровенные пружины буржуазной диктатуры. Белогвардейцы, сами того не подозревая, явились лучшими пропагандистами социальной революции в деревне. В огне белого террора деревня расслоилась, каждая группа крестьянства осознала себя и встала на свое место. После свержения учредиловцев, деревня встала уже твердо и определенно на советские рельсы и социальная революция усилилась во много раз.

Чехо-учредиловское господство послужило кровавым уроком для трудового крестьянства. Четырехмесячный кошмар учредиловщины воочию показал трудовому крестьянству, что дальнейшее колебание грозит полным восстановлением прежнего царского строя, и что единственно выгодным для крестьянства выходом является активная борьба за Советскую власть, за коммунистический строй в союзе и под руководством пролетариата.

II.

Июньский переворот в деревне.

Властью, которая могла бы удоблетворить мелкособственническое трудовое крестьянство в рассматриваемый нами период могла быть лишь такая власть, которая, сохраняя вполностью все социальные завоевания октябрьской революции, обеспечила бы деревне немедленно порядок, покой и благосостояние.

И внутреннее и международное положение было таково, что такой власти быть не могло, и такой властью меньше всего, конечно, могла быть пришедшая на смену Советской власти, по воле международной буржуазии, горсть чехо-бело-учредиловцев.

Партия эсеров в глазах крестьянства была окончательно скомпрометирована уже во времена керенщины. И крестьянство

янство, хотя и охладевши к советам, меньше всего, конечно, хотела снова начать танцовать от печки, снова повторять, слишком дорого стоющие, опыты соглашательства, расплачиваясь за них своею кровью и своим благосостоянием.

Не давая успокоения деревне, продолжая гражданскую войну, новая власть, кроме того, еще создала угрозу, что и ранее добытые крестьянами при помощи Советской власти завоевания: земля, имения и пр. могут рухнуть под напором кулаков и помещиков.

Поэтому вполне понятным является тот факт, что Комуч, захвативший власть в городе силою чешских штыков, должен был и в селах и в деревнях губернии утверждать свою власть силою этих же чешских штыков и казацких нагаек.

Насильственное установление власти Комитета Учредилки в деревне было более легким, чем в городе.

При чем, здесь необходимо отметить два периода: 1) промежуток непосредственно после свержения советов до об'явления принудительной мобилизации в Народную армию—это период непротивления, полупризнания, пассивного сопротивления, и 2) когда учредиловщина установилась в деревне характеризуется расслоением деревни, гражданской войной классов в деревне и частичными попытками со стороны крестьянства активно свергнуть гнет учредиловщины.

Правда, были факты определенного отказа от новой власти целыми волостями и в первый период.

Наприм.: в № 38 «В. Уч.» напечатана были следующая заметка: «В Комитет членов представлен протокол, что население Больше-Черниговской волости из'явило желание остаться при волостном совете крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, поэтому земство там до сих пор не образовано». Но такие факты нужно рассматривать, как единичные: в общем же, в силу своей нейтральности и безразличия, охватившего деревню, крестьяне на первых порах активно не противодействовали насаждению новой власти.

Зато пассивное сопротивление было довольно упорным.

Переворот в Самаре произошел 8-го июня, а «В. Д.» от 26 июня сообщает, что в посаде Сергиевск, Бугур. у., функционирует еще Советская власть, хотя посад находится недалеко от Самары и соединяется ветвью железной дороги.

Корреспонденция из села Большой-Каменки, Самар. у., говорит: «Несмотря на самарские события, наши большевики держатся крепко. Сейчас они занимаются укреплением своей власти при помощи бесплатной раздачи беднякам хлеба. На собраниях большевики заявляют, что самарские события—это временный праздник контр-революционеров».

Это—сообщение от 20-го июня, село же расположено от Самары по большому тракту в 50—60 верстах. Заметок и корреспонденций о том, что «земство еще не установлено», «земство не функционирует», «держится еще советская власть» имеется множество.

Они тянутся в июньских, июльских и даже августовских номерах всевозможных учредиловских газет.

Власть Комитета прививалась к деревне туго. Это явление становится еще более характерным, если принять во внимание, что в это же время по губернии раз'езжали карательные отряды из офицеров, чехов и казаков для восстановления власти.

«По губернии в настоящее время раз'езжает отряд инструкторов-агитаторов от Народной армии, задача которого: свержение Советской власти в селах и деревнях, аресты советских работников, восстановление земств, организация охраны на местах и привлечение населения в ряды добровольческой армии» («В. Д.» 26 июня).

Недостатка в энергии у карательных отрядов не было—тысячи арестованных крестьян, заполнивших уездные арестные дома и тюрьмы и Самарскую губернскую тюрьму, служат лучшим доказательством тому.

Но все же дело насаждения «народовластия» в губернии шло очень медленно. И Комуч вынужден был прибегать к другим мерам: в уезды для установления и укрепления власти Учредилки командировались в большом количестве эсеровские инструктора, агитаторы и даже члены Учредительного Собрания.

Но вот—плохо или хорошо—новая власть водворилась по всей губернии.

Что это за власть? Как отнеслось к ней крестьянство?

Воцарившись во взятой чехами Самаре, Комуч рекламировал себя широко и нахально. Приказом № 1 «демократический» Комуч дарует манифест о восстановлении всех гражданских свобод, якобы попранных большевиками.

Следствием этого «демократического» приказа были: открытие всевозможных офицерских собраний и клубов, союзов георгиевских кавалеров, кадетско-монархического студенческого клуба и пр. Наконец, на Дворянской улице, в самом центре города, закрасовалась вывеска: «Губернский комитет партии Народной Свободы».

Вышел знаменитый «Волжский День», не менее знаменитое «Волжское Слово», «Наш День»—прогрессивно-монархическая газета—и пр. учредиловская пресса.

Не лазая в карман за словом, не жалея бумаги, демократические писаки занялись красивыми излияниями на тему: свобода, братство и равенство для... всей буржуазии.

Члены Комитета, передав полностью скучную «государственную» работу своим друзьям—кадетам и черносотенному офицерству, начали гастролировать на бесконечных митингах, собраниях, банкетах, праздниках народов и пр. и пр. Праздник, праздник, праздник без конца... И с радости митинги, и с горя—митинги, победа—банкет, поражение—праздник народов. И сколько «работы» было сделано учредиловцами за 4-х месячный период своего комучения!

Сколько митингов... сколько прекрасных речей, сколько прочувственных слез о «растерзанной родине», о «немецко-большевистском позоре», о «попранной свободе», о «нарушенном братстве... с торгово-промышленниками, о «восстановлении в правах» всех классов, о «равенстве», для достижения которого была избрана комиссия по денационализации и пр. и пр.

Я ни на иоту не ошибусь и не погрешу, если скажу, что весь период комучения в городе состоял из двух составных частей: 1) разгул эсеровского словоблудия, 2) разгул кадетско-монархического действия.

В силу этой шумихи, рекламы—буффонады, которую поднял вокруг себя Комуч, доверчивым и чувствительным людям стало казаться, что чудеса возможны и в наши времена; что труп умершей Учредилки, окропленный живой водой эсеровских митинговых речей, воистину воскрес. И, по крайней мере, на самых первых порах, даже рабочие поддались дурману, и за светлым эсеровским туманом не ясно различали черное лицо буржуазной диктатуры.

Конечно, туман скоро рассеялся,—но все же такой момент был.

В деревне не было митингов, собраний, банкетов, праздников народов; учредиловские газеты туда мало доходили, зато с первого же момента как из рога изобилия посыпались на деревню экзекуции, карательные отряды, расправы кулаков, притязания помещиков, попытки захвата ими земель, имений и пр.

В деревне кулацко-помещичьий реставраторский характер новой власти с первого же момента выявился. Определение и линия поведения в этом отношении наметилась более твердо. Ведь с деревней можно не церемониться.

И деревня была отдана на поток и разграбление кулакам.

Комучу не удалось блеснуть перед деревней своей демократичностью. Мало того—деревня ничего не знала о нем. Это видно из анкеты, которую разослал по губернии эсеровский совет крестьянских депутатов. В этой анкете на вопрос: что знаете о Комуче—крестьяне, крестьянские сходы и собрания в один голос отвечали—«ничего», «почти ничего» и т. п.

Таковы ответы: общества «Ясная Поляна» (Николаевский у.), Бобровский сельский сход (Бузулукский у.), Коровинский сельский сход (Бугурусланский у.), Федоровский сельский сход (Самарский у.), Мулловский сельский сход (Ставропольский у.) и пр. и пр.

При таком положении дел, конечно, о какой бы то ни было поддержке Комуча, доверии к нему со стороны крестьянства смешно и нелепо было бы говорить.

И Комуч и эсеры знали и чувствовали это.

Представители Комуча, как заправские авантюристы, недвусмысленно заявляли, что на пролетариат они не опираются

ся, так как он «не оправдал надежды», на крестьянство они не рассчитывают, так как оно заражено и развращено большевизмом, что главная их опора и надежда—«чехо-словацкие революционные войска» и «доблестные союзники».

Спрашивается, для чего и кого в таком случае говорили и писали эсеры? Кого хотели обмануть присяжные эсеровские болтуны, призывая крестьянство к поддержке Комуча?

В глубине души все они сознавали, что у Комуча нет и не может быть опоры в трудовом крестьянстве, что все их лозунги, статьи и речи—это слова, бросаемые в воздух.

В № 1—от 4-го октября—газеты центрального комитета парти иэсеров «Дело Народа» мы читаем любопытное признание: «Крестьяне и рабочие, может быть, и слышат наши слова, но плохо им верят, потому что не чувствуют, что мы с ними. Дела наши не дают им этого почувствовать».

Другой разоткровенничавшийся эсер в № 45 «В. Уч.» в передовой статье пишет: «Может быть—это личная иллюзия, но все же я зову, зову на помощь и поддержку Комитета». Совершенно верно,—скажем мы,—иллюзия, преступная, контрреволюционная иллюзия. И самое ужасное разочарование постигнет маниловца, вздумавшего в силу своего политического невежества звать на поддержку авантюристов, ибо еще Писарев давным давно сказал: «слова и иллюзии гибнут, факты остаются».

В чем же фактически, об'ективно, сказался период комучения в деревне?

Разгул монархической военщины, помещичья-кулацкая диктатура—вот что, вольно или невольно (для истории это безразлично) подарили эсеры трудовой деревне.

Приведем несколько примеров из газет самих же учредиловцев.

«Богачи-кулаки, которые во все время революции мечтали о возвращении «доброго» старого времени, вздохнули и вообразили, что новая власть есть защитница только их интересов. Рассуждая так, они немедленно после ухода большевиков собрали небольшой сход (в 50—60 чел.) и сделали пополнение гласных волостного земства из своей среды. Противники их, бедные крестьяне, ходят и ждут не дождутся, когда вернутся большевики. Средний крестьянин, который при Советской власти был соединен с большевиками, в настоящее время стал во враждебное отношение к ним.

«Богачи это великолепно понимают, стараясь правдой и неправдой причислить их к большевикам» (Сосновка, Бугурусланского у. «В. Уч. № 47).

«Мелкие собственники поняли переворот, как возврат к старому, и стали к этому готовиться. Начались преследования бедных, начались доносы в уезд, вражда. Наконец, кучка деревенских кулаков пыталась учинить самосуд и некоторых побили» (дер. Березовая опушка, Самарского у.).

«Отрубщики всеми силами защищают самостоятельность своих карт» («Волжское Слово» 21 сентября).

В том же номере «В. С.» имеется сведение из Ставрополя. «До последнего времени продовольственная управа снабжала граждан солью, принадлежащей местному купцу и городскому голове Парфенову, взятой у него на учет. В настоящее время Парфенов самым решительным образом воспротивился продаже своей соли, и население лишилось этого продукта».

В «Волжском Дне» от 28 июня помещена следующая заметка из с. Бобровая Опушка, Самарского уезда.

«Держатели хлеба сжалились над голодающими и дали им хлеба, но не за деньги, а за скот, так как бедным его кормить все равно было нечем... Во время «диктатуры пролетариата» у держателей хлеба был отобран и скот, взятый за хлеб, и хлеб. Теперь эти лишенные собственного хлеба и благоприобретенного скота считают себя обиженными и требуют возвращения скота и денег за реквизированный в дни большевиков хлеб».

На Самарском уездном крестьянском с'езде в докладе по земельному вопросу Яковлев говорит:

«Работа земельных комитетов крайне трудна. Помещики отказываются выполнить приказ земельного комитета о доставлении всех планов и документов на землю.

«Идет спешная продажа имений иностранным компаниям. На-днях только одно из крупнейших имений продано французской кампанией за 12 миллионов рублей».

«10-го сентября за № 2790 в Бузулукскую уездную управу пришел протокол о том, что землевладелец Ф. Н. Попов производит самовольную продажу сельско-хозяйственного инвентаря, принятого на учет волостной земской управой: им продана молотильная машина гражданам села Ромашкина»...

Комментарии, я думаю, излишни: приведенные факты говорят сами за себя.

Наконец, даже сами учредиловцы принуждены были обратить внимание на разыгравшуюся кулацко-помещичью вакханалию. В «В. С.» за 21-е сентября напечатан следующий циркуляр к волостным земствам Бугурусланского уезда.

«По сведениям, поступившим в управление ведомством внутренних дел, в некоторые местности являются помещики и требуют не только возвращения живого и мертвого инвентаря, но даже и своих земель. Согласно предписания управляющего ведомством, сообщаю вам, что все подобные требования явно незаконны и исполнению не подлежат.

Бугурусланский уполномоченный К. Ч. У. С. Ф. Громенко».

Конечно, приказы Комуча и циркуляры учредиловских губернаторов оставались приказами, клочками бумаги, и политика порабощения трудовой деревни кулаками и помещиками от этого не изменялась ни на иоту.

О том, как расправлялась монархическая военщина с крестьянами, целыми деревнями и селами, нежелающими подчи-

няться внедряемому режиму, узнаем ниже из докладов делегатов на крестьянских с'ездах.

Реставраторские попытки богатых собственников и крупных хищников деревни на самых первых порах уже в достаточной степени раскалили почву под ногами крестьянства и дали ряд осязательных примеров, по которым крестьянство могло вполне определить облик новой власти, именно так, как только можно и должно ее понимать. «Вернулся старый режим»—вот единодушное заключение трудовой деревни, подразумевающей под старым режимом хозяйничанье буржуев, кулаков и помещиков и угнетение бедноты и трудящихся элементов деревни.

Хотя «старого режима» сами эсеры и не хотят, это не важно, ничего кроме него эсеры фактически деревне дать не могут,—это понимают все, кроме... самих эсеров.

И эсеровские ораторы, агитаторы и партийные работники, в изобилии раз'езжавшие по деревням, чтобы порассуждать с мужичком о прелестях народовластия, диву давались и становились в тупик:—что стало с «народом?» Про «народовластие» и слушать не хотят: молчат, стонут, а если заговорят, то великое, всероссийское, всенародное прямое, равное, тайное и пр. Учредительное Собрание называют «старым режимом»...

Вот, например, что услышал один из таких идолопоклонников народовластия от крестьян Старо-Буяновской волости, Самарского уезда:

«Власть по свержению большевиков взяла буржуазия, наняла чехо-словаков и казаков, которые, раз'езжая по селам, производят всевозможные экзекуции. Арестованных крестьян, не доводя до Самары, расстреливают»...

Конечно, защитник народовластия, услышав такие вещи, не постарался проверить и убедиться в правильности их, и по долгу службы назвал их просто «слухами», провокацией, которую якобы пускают большевики в «народ», чтобы подкопаться под «народовластие». Если бы он взял на себя труд проверить, то он убедился бы, что это не слухи, а реальная действительность, что 14-ть крестьян Петропавловской волости были именно недовезены до Самары карательным отрядом казаков, что часть из них была засечена до смерти нагайками в арестном доме в с. Красный Яр, другая расстреляна по дороге от Семейкина в Самару. При желании он мог бы даже увидеть могли расстрелянных товарищей-крестьян... но цитирую дальше:

«Точно такие же слухи, только в большем размере и с большей пылкостью, услышал я в Елховской волости, где большинство населения относится к Комитету ч. У. С. безразлично, очень немногие отнеслись с большим доверием и сочувствием» («В. Уч.» от 3 сентября).

Кто это «немногие» мы знаем: это—не беднота и не среднее трудовое крестьянство.

«Наблюдается также, что большая часть трудового крестьянства к переживаемому историческому моменту относится совершенно безразлично»—говорится о той же Елховке в № 38 «В. Уч.» в докладе начальника милиции 1-го участка Самарского уезда.

«Необходимо усилить и улучшить агитацию со стороны существующей власти»—заканчивает докладчик.

Такое глубокомысленное заключение делают все эсеровские ораторы и политики. Эсеры, как это и полагается им, неспособны проникать вглубь вещей и учитывать об'ективно материальные пружины жизни. Все подобные «ненормальности» в деревне об'ясняли темнотой и невежественностью крестьянских масс, их неспособностью проникнуться «идеями» народовластия.

У них был один рецепт, одно лекарство, панацея от всех зол и напастей,—это агитация. При помощи агитации они лечили «больную деревню». Где же было их тусклым интеллигентским взорам пронизать гущу общественных фактов, и за мифическим народом увидеть реально существующие классовые противоречия, которые нельзя устранить при помощи эсеровской агитации, кстати сказать упростившейся до... чешского штыка и казацкой нагайки.

Мы видели уже выше, что причины отрицательного отношения деревни к Комучу были совершенно другого порядка: определенные экономическо-политические условия помещицко-кулацкого засилья и разгула монархической военщины, которая особенно усилилась об'явлением принудительной мобилизации в Народную армию. Причина заключалась в том, что эсеры бросили деревню в об'ятия классового врага трудящихся.

Но сами эсеры или не могли, или не хотели понять этого. Правда, наиболее честные, искренние и чуткие из них уже начали это понимать.

В одном из номеров «В. Уч.» от 24-го сентября в передовой статье «Народ и мы», туманной и беспочвенной, как вся эсеровская идеология вообще, эсер, С. Волков делает признания, убийственные для своей партии:

«В дни тяжелых испытаний... мы приходим в растерянность, оторопелые начинаем метаться туда и сюда по сторонам, теряем под собой почву и слишком забываем все наши прежние чувства, мысли, построения, перспективы, пути жизни,—и как растерянное, ошалелое стадо бросаемся врассыпную, несемся куда-то в новую неизведанную даль, проклинаем себя и других за все, что мы думали, чувствовали, и проклинаем все, за что страдали. И в эти сумеречные наши дни, когда в душе наступают потемки, мы, слабые душой, готовы поносить больше всего того, на ком мы строили цель своих рассуждений, выводов, планов будущего, и кто по нашему обманул наши ожидания, обманул и наши представления о нем, «оказался не на высоте положения». Мы тогда валим все на того бедного Макара, которого мы сами не знали,

не знали, не попытались узнать, и о котором судили лишь по наслышке и по нашим случайным, мимолетно-легкомысленным наблюдениям.

«Макар—это наш русский народ—мужик.

«Мы готовы тогда его проклинать, сгущать все отрицательные его стороны, краски. Мы сами уходим подальше от него в прекрасное далеко.

«Так было и так сейчас».

Дальше автор говорит, что для «них» настала было весна во время февральской революции, «они» (т. е. эсеры) вспомнили о народе, устремились к нему, стали о нем говорить, носиться с мужиком. Это было правильно...

«Но вот наступила октябрьская осень революции, приходят большевики и вносят в деревню «раскол, разброд, хаос, анархию».

«А мы?».

«Мы постепенно стали отходить от деревни, от мужичка, проучивать его, махать рукой с безнадежностью. Мы вообще стали терять веру в лучшее будущее. Серым, тусклым, беспросветным казалось оно.

«И вдруг разорвались тучи, брызнули лучи света, пришло новое солнце, не наше, чужое, но оно засветило тепло и ярко, оно принесло новую весну, новое лето...

«Пришли чехи, принесли с собой свободу.

«И мы устремились к ним.

«А наш народ? Мы его забыли, мы уже отвернулись от него.

«Мы перестали в него верить, не надеемся на него. Мы стали на него смотреть снова, как раньше, как на дикого зверя, который не понимает, не знает своей судьбы, и не сумеет отстоять свою свободу».

Насколько эсеры отвернулись от крестьянства и бросили его в зверские об'ятия буржуазии, особенно выяснилось во втором периоде учредиловщины, когда Комуч решил образовать Народную армию по способу принудительной мобилизации.

К рассмотрению этого периода я и перехожу.

III.

Крестьянство и народная армия.

«Приказ № 64

Комитета Членов Всероссийского Учредительного Собрания.

Самара, 30 июня 1919 года.

«Именем народа: именем всенародного, Всероссийского Учредительного Собрания для борьбы с предателями России, свободы и революции, в полном сознании тяжкой перед народом ответственности, об'являем, диктуемый государственной необходимостью, призыв в ряды Народной армии во всех местностях, находящихся под властью Комитета членов Все-

российского Учредительного Собрания, всего мужского населения, родившегося в 1897 и ~~1898~~ годах и в мере действительной надобности офицеров и военных чиновников, состоявших ранее в частях войск, войсковых штабах и управлениях на действительной службе, а также в запасе. Н 1898

«Время и порядок призыва приказываем определить главному военному штабу, которому и приступить к его проведению в срочном порядке.

«Члены Комитета: Вольский, Брушвит, Белозеров, Климушкин, Нестеров.

Управляющий делами Я. Дворжец».

Вот исторический документ, которым Комуч сделал попытку вовлечь в борьбу с Советской властью все крестьянство в целом, и этим подготовил свою гибель.

Еще до издания этого приказа Комуч—в лице Брушвита, Климушкина, Фортунатова—неоднократно обращался к крестьянам Самарской губернии с воззваниями, ярко погромными по своему характеру. В одном из них говорится:

«Граждане—крестьяне!

«Власть, давившая вас в течение целого полугода, обманывавшая вас на каждом шагу, сулившая вам хлеб, мир и свободу, но грабившая с ружьем ваш хлеб, травившая вас друг против друга, разжигавшая страсти безумной гражданской войны, предавшая ваше достояние немецким завоевателям, поругавшая честь великого русского народа преступлением в Бресте, вместо свободы, угрожавшая за всякий неугодный ей поступок, и даже за всякое неугодное ей слово расстрелом на месте... это власть проходимцев и предателей кончилась.

«Граждане—крестьяне! немедленно организуйте свои силы; составляйте отряды, вооружайте их имеющимся у вас оружием... Сметайте всюду без остатка наемников большевистского самовластия.

«Да здравствуют наши кровные братья—чехо-словаки, сербы и все славяне».

В вопросе о борьбе с рабочими и крестьянами, чреватой самыми серьезными, крайне реакционными последствиями, Комуч проявил «необыкновенную легкость в мыслях», достойную знаменитого Гоголевского героя Ивана Александровича Хлестакова из комедии «Ревизор». Ужасающее легкомыслие учредиловцев в вопросе о Народной армии может сравняться разве только с преступностью их 4-х месячной авантюры вообще.

Член учредилки Белозеров в докладе на Бугурусланском уездном крестьянском с'езде так об'ясняет цель создания Народной армии:

«Чтобы трудовому крестьянству снова не сели на шею большевики и немцы, Комитет членов У. С. решил организовать армию...

«Войну с большевиками я не отличаю от войны с немцами, ибо немец и большевик—одно и тоже. Если не хотите,

чтобы вас грабили большевики—помогайте организовать армию для борьбы с немцами».

Какую бы учредиловскую газету того периода вы не взяли, в каждом номере вы найдете истерические вопли о том, что «большевики продались немцам, что Красная армия состоит из одних «мадьяр, латышей и немцев».

Чем же это об'яснялось? Идиотизмом, узколобием и тупоумием мелкобуржуазной прессы и мелкобуржуазных политиков? Или это была сознательная и нахальная ложь, как один из самых грязных приемов политической борьбы со стороны мелких и крупных собственников против пролетариата города и деревни?

Мне кажется—и то и другое.

Есть особый сорт людей, так называемых умных дураков. История показала, что партия эсеров в большинстве своем состояла из таких умных дураков.

Именно на этом вопросе о войне и мире раскроила себе лоб эта, некогда славная партия, да не только она одна, но и все народнические и мелкобуржуазные партии вообще. Именно здесь с обязательной четкостью и ясностью проявилась беспочвенность, политическое невежество и абсолютное неуменье разобраться в сложности создавшейся международной обстановки всех мелкобуржуазных партий от крайне правых (эсеры, меньшевики и проч.) до крайне левых (левые эсеры, максималисты, анархисты и пр.).

Были учредиловцы, искренне верящие в «немецко-большевистский союз Вильгельма и Ленина», были люди, которые в диком озлоблении против большевиков не отдавали себе отчета в том, что они говорят, пишут и делают, ибо психологически и идейно период учредиловщины характеризуется мелкособственническим разгулом и умопомрачением, приведшим за собою разгул царских генералов и крупных банкиров, фабрикантов и помещиков в Сибири.

Но не нужно забывать также и того, что период комучения отличается от периода керенщины тем, что если керенщина была расцветом эсерства, то комучение было его окончательным увяданием, предсмертной агонией. Над готовым разложиться трупом всегда в изобилии вьется черное воронье и стервятники. И такого воронья, таких стервятников в партии эсеров в рассматриваемый нами период было очень много; эти люди, состоя в рядах партии, прикрываясь лозунгом Учредилки, знали, что они делают.

Они в полном сознании готовили русскому народу буржуазно-монархическую реставрацию (достаточно вспомнить хотя бы пресловутый «Союз Возрождения», в который входили эсеры). И Комуч—официальный представитель власти и выразитель народоправства—с самого первого момента своего возникновения до самого последнего мига своей естественной смерти носил ярко определенную авантюристическую окраску.

Авантюристы знали, что поднять на борьбу трудовую деревню с большевиками невозможно. Поэтому им нужно было, и они сознательно делали, эту подтасовку с заменой большевика немцем. Пущены были в ход средства царской романовской войны: учредиловцы старались разжечь национально-шовинистическую ненависть к «немцу», чтобы бросить крестьянство в лапы японских, французских, американских и пр. империалистов.

Можно было видеть и тогда, что это покушение с негодными средствами осуждено на безнадежную гибель. Как известно, 4-й Всероссийский с'езд Советов подавляющим большинством высказался за мир с немцами, 6-й с'езд Советов Самарской губернии единогласно высказался за мир. Эти с'езды уже достаточно ясно показали мнение крестьянства о войне. Определенно крестьяне больше не желали быть серой скотинкой, не желали грабительской войны, под каким бы соусом она им ни приподносилась. И во время учредиловцев мнение крестьянства осталось тем же. Там, где учредиловцы давали возможность крестьянству высказаться, оно единодушно заявляло о своем абсолютном нежелании воевать ни против большевиков, ни против немцев.

В анкéте, разосланной эсеровским Советом Крестьянских Депутатов на вопрос: нужно ли воевать с немцами—читаем следующие ответы:

Аделаидовский сельский сход (Бугурусланского уезда)—«Война с Германией и вообще война нежелательна». Васильевский сельский сход (Бугурусланского уезда)—«война с немцами нежелательна». («В. Уч.» № 50). Бобровский сельский сход (Бузулукского уезда)—«Если мы не будем воевать, то и немецкие солдаты не будут брать наши территории». («В. Уч.» № 49).

Итак, шовинизм, несмотря на все старания, разжечь не удалось. Вести активную вооруженную борьбу против большевиков трудовое крестьянство отказалось. Рабочие были, понятно, на стороне Советов.

При таком положени дела единственным честным выходом для учредиловцев, очутившихся в воздухе, был отказ от борьбы с Советской властью.

Но для того, чтобы отказаться от борьбы против рабочих и крестьян, у учредиловцев не было ни совести, ни храбрости, ни желания, несмотря на неоднократные требования рабочей конференции, уездного и губернского крестьянских с'ездов. Сказавший «а», должен сказать «б»,—и зарвавшиеся авантюристы, зная настроение крестьянства, сознательно пошли на преступление, понадеявшись на чешские штыки и казацкие нагайки. При помощи чехов и казаков, силой они хотели заставить крестьян воевать против большевиков.

Начались кошмарные, жуткие, кровавые дни мобилизации. Беззащитная, беспомощная, безоружная деревня наводнилась чешскими, казацкими и офицерскими отрядами для производства мобилизации. Комучем заблаговременно был из-

дан приказ № 43 о военном положении, в котором говорилось, что граждане подлежат военному суду за следующие преступления:

«За восстания, подготовления и подстрекательство к восстанию против существующей власти Учредительного Собрания и против властей им поставленных, а равно за всякие сопротивления им».

Несмотря на это, крестьянство губернии отказывалось дать новобранцев.

«В Елховской волости... на сельском собрании решили не дать призванных солдат» («В. Уч.», 3 сентября).

«Призывные Тростянской волости, Самарского уезда не желают итти в Народную армию» («Земля и Воля», 5 сентября).

Такие постановления выносились почти в каждой волости. Положение волостных управ на местах было очень затруднительное. В номере 29 «Нашего Дня» читаем следующую заметку: «Во Владимировке (Николаевского уезда) местные власти боятся даже отправить призывные списки: им за это грозят местью».

А высшая власть требовала немедленного представления новобранцев. Приходилось применять домашние меры, т.-е. порку и каталашку.

Но результаты были слабые. В № 38 «В. Уч.» читаем:

«С. Чекалино, Самарского уезда. Принимаемые домашние меры к отправке новобранцев в Самару к особенно широким результатам покуда не привели».

И дальше из с. Красный-Яр, того же уезда.

«Новобранцы до сего времени от призыва уклонялись, но принятыми мерами воздействия удалось большую часть новобранцев из Каменки и Старо-Буянской волости отправить в Самару. Много новобранцев скрывается в лесах и на своих и чужих полях, почему собрать всех не имеется никакой физической возможности».

Новобранцы поступали слабо и при всяком удобном случае снова разбегались по домам.

Демократическая власть Комуча ответила на это жестокими мерами: началась расправа, порка, аресты, расстрелы за противодействия мобилизации и за агитацию против призыва в Народную армию. Крестьяне, в свою очередь, ответили на это или затаенной ненавистью и пассивным сопротивлением, или открытыми восстаниями.

Вот что читаем о Бузулукском уезде в «Нашем Дне» (№ 32).

«Из уезда приходят неутешительные вести по отношению призыва в Народную армию. Призыв проходит, к стыду нашему, туго; местами имели место открытые возмущения. В селе Сухоречке (7 вер. от города) выстрелом из револьвера опасно ранен член Комитета У. С. гр. Цодиков, прибывший туда, чтобы разъяснить крестьянам и убедить в необходимости итти в Народную армию».

Учредиловцы решили кровью и железом подавить восставшую деревню. Представитель Комуча господин Климушкин в заседани городской думы говорит: «Всякие попытки к восстанию должны подавляться самыми крутыми мерами. Сейчас вырабатывается положение о военно-полевом суде, которое будет опубликовано в ближайшие дни» («В. С.» 15 сентября).

Как расправлялись с некоторыми крестьянами, как карательными отрядами выжигались целые деревни, можно видеть из следующего документа:

«Бузулукский уполномоченный К. Ч. У. С. доводит до сведения губернского уполномоченного, что при об'явлении набора в Бузулукском уезде некоторые из волостей не пожелали дать новобранцев, вследствие чего по отношению к последним были применены репрессивные меры; при стрельбе карательного отряда произошли пожары, и причинены убытки некоторым крестьянам, быть может невинным».

Интересно дальше решение учредительского губернатора по ходатайству пострадавших от пожара крестьян:

«Признавая всецело виновными в этом сельские общества, оказавшие сопротивление существующей власти У. С., Бузулукский уполномоченный полагает, что возмещение расходов пострадавших отнести за счет тех сельских обществ, которые вынесли постановление о невысылке новобранцев».

О расстрелах и самосудах, о зверствах и насилиях, которые чинили офицерско-казацкие и чешские карательные отряды в деревнях, учредиловские газеты умалчивали. А между том, во всех углах губернии происходили кошмарные кровавые драмы.

Об одном из таких кошмаров рассказал один крестьянин, арестованный карательным отрядом и представленный в самарскую тюрьму.

«В начале июля к нам в село Большую-Каменку приехал из села Красный-Яр начальник милиции с шестью чехами, арестовали нас, семерых советчиков, и хотели увезти. Были уже поданы подводы, чтобы везти нас; сбежалось все село, бабы ударили в колокол. Нас, крестьян, освободили из арестантки и сказали, чтобы мы шли по домам.

«Чехов обезоружили, потом возвратили им оружие и сказали, чтобы убирались по добру по здорову. Мобилизованные ворвались в здание волостной управы и порвали списки призывных. Тут же об'явили сход, на котором вынесли приговор, что все село как один человек ручается за нас семерых, как за лучших и честных людей и послали приговор в Самару.

«Чехи и милиционеры уехали в село Хорошенькое. Там им удалось арестовать врасплох троих и увезти в Красный-Яр. Но вскоре все село с женщинами, детьми и стариками, вооружившись кто чем попало, двинулись к Красному-Яру, чтобы выручить арестованных товарищей. Они освободили аре-

стованых, но старший милиционер сделал выстрел в толпу, началась стрельба,—милиционера ранили. Через неделю уполномоченный Комуча Курсков выслал отряд казаков в 100 человек для усмирения наших сел. Казаки заехали сначала в Хорошенку.

«Многих выпороли. Троих снова арестовали и увели с собой. Ночевали казаки в Раковском женском монастыре, где было гнездо контр-революции. Из монастыря они утром явились к нам в Каменку. Арестовали и высекли до полусмерти солдатку Варвару Козину.

«Арестовали нас 5 человек, 10 человек казаков повезли нас в Красный-Яр. Остальной отряд в 90 человек направился в Елховскую волость, захватив с собой нашего каменского красноармейца Ивана Батаева. Как только выехали из села, то за каменским лесом растреляли нашего Батаева и троих хорошенских,—двух братьев Цикиных и В. Соколова,—и бросили в овраг. В Елховской волости тоже секли и расстреливали крестьян. Потом казаки переехали в Петропавловскую волость. Секли, расстреляли уездного комиссара Федорова и еще многих, а 14 крестьян Петропавловской волости арестовали и привезли в Красный-Яр, где мы с ними встретились в арестном дому.

«Они были не биты, мы же валялись на полу чуть живы. От Тухловки до Красного-Яра (12 верст) нас безостанову били нагайками. Переночевали. Утром пришли казаки, вывели петропавловских и начали быть нагайками в здании волостной управы. Некоторым выбили глаза, проломили носы. Поднялся крик, стон. Сбежались красноярские мужики и стали просить казаков прекратить убийство, а то многие бабы упали без чувств, у некоторых получились выкидыши. Тогда казаки посадили петропавловских в автомобиль и увезли в Самару. По дороге от Семейкина до Самары в оврагах их расстреливали. Не могу сказать: всех расстреляли, или нет. Нас начальник милиции не дал казакам, и на следующий день отпустил. Нас отвезли в Каменскую больницу, где мы пролежали больше недели. Когда мы выписались из больницы, нас снова арестовали и привезли вот сюда в Самарскую тюрьму».

Когда пишущему эти строки удалось бежать из тюрьмы, он поинтересовался проверить рассказ своего односельчанина-крестьянина. Удалось установить, что все рассказанные факты действительно имели место. Расстреляны: в селе Хорошенке 3 чел.: матрос, Д. Цыкин, крестьянин Цыкин и крестьянин В. Соколов; в селе Б.-Каменка кр. Иван Батаев; в Петропавловской волости 7 крестьян: двое Правоторовых, двое Барцевых, Гульченков, Е. В. Федоров и Погодин. Всего казацким карательным отрядом было расстреляно в этот раз 27 кр. Выпороты в одной Петропавловской волости 35 крестьян.

Крестьянские с'езды, созванные учредиловцами, показали, что то же самое творилось по всей Самарской губернии.

IV.

Крестьянские с'езды.

По мере того, как чехи, превосходившую Красную армию численностью и боеспособностью, «очищли от большевиков» Самарскую губернию, учредиловцы созывали крестьянские с'езды, сначала уездные, а потом губернский, надеясь при помощи их опереться на широкие слои крестьянства.

6-го июля происходил Самарский уездный с'езд, 12 июля открылся Бугурусланский уездный с'езд в Самаре. К тому же времени относятся крестьянские с'езды в остальных уездных городах.

Отчетов об уездных с'ездах в учредиловских газетах не давалось. По тем случайным заметкам и резолюциям, которые помещались в газетах, приходится заключить, что с'езды носили неопределенный характер в виду того, что они протекали в то время, когда положение на местах было мятущимся и неопределенным.

Но ко времени открытия губернского крестьянского с'езда положение уже достаточно выяснилось, помещичье-кулацкий режим уже достаточно окреп, а при проведении мобилизации чешско-казацко-офицерский «демократизм» особенно показал себя. В расслоившейся деревне произошел определенный перелом в сторону Советской власти. В этом отношении очень характерно сообщение из Липовской волости («В. Уч.» 16 авг.).

«Несмотря на страдное время по деревне собираются сходы, на которых выносятся большевистские резолюции... Призыв 2 годов идет довольно слабо. Некоторые рекрута до сих пор находятся дома. Немногим лучше в этом отношении и в соседней Чистовской волости».

Относительно крестьянских с'ездов при учредиловцах необходимо сказать вообще: истинного лица революционной деревни мы на них не увидим; потому что активный, революционный элемент—беднота не могла иметь, и не имела, на них представительства. С'езды состояли из трудового крестьянства с значительной дозой определенного кулачества, которое, как активный элемент, и вело с'езды за собою.

Тем более характерным и показательным для нас является Самарский губернский крестьянский с'езд, происходивший с 16 по 24 сентября 1918 г.

На с'езде присутствовало 230 делегатов.

Насколько важное значение придавали этому с'езду сами эсэры видно из речи председателя Губ. Совета Крестьянских Депутатов Определеннова при открытии:

«Раньше мы думали, что пролетариат будет на высоте призвания. что он поддержит крестьянство в его борьбе с большевистским рабством. Но теперь почти все эти надежды рухнули. Теперь все надежды возлагаются на крестьянство, на одно единственное здоровое ядро государственности». («В. Уч.» № 58).

Оправдал ли с'езд «государственные» надежды эсеров?

Это выяснилось с первого же момента. Эсеры выдвинули кандидатом в председатели некоего Бунтаря. С'езд провалил кандидатуру и избрал крестьянина Самойлова.

Насколько крестьянство губернии было задавлено белым террором чехо-учредиловцев видно из того, что с'езд прежде всего потребовал неприкосновенности личности.

«Самойлов... говорит, что с'езду необходимо заручиться гарантией неприкосновенности личности делегатов, дабы каждый мог говорить свободно, не боясь ответственности за свои, быть может, неумелые мужицкие речи». («В. Уч.» № 58).

При помощи обструкции эсеры поднимают вопрос о переизбрании председателя, производят на с'езд давление и проводят своего кандидата. На следующем заседании 17 сентября снова вносится внеочередное заявление—принять меры гарантировать делегатов с'езда неприкосновенность личности и полную свободу слова на с'езде». («В. Уч.» № 59). Гарантии были обещаны, и с'езд приступил к заслушанию докладов с мест.

Доклады с мест—это сплошной кошмар, в который бросили деревню эсеры, под видом Учр. Собрания и народовластия. Из докладов так же видно, что призыв в Народную армию, несмотря на репрессии, не удался.

Цитирую по газете «Народ» (отчет о с'езде 19 сентября).

«Представитель Миролюбовской волости жалуется на карательный отряд сотника Николаева, который приказал возвратить землю и имущество, бывшие на учете, прежнему владельцу, при чем на протесты граждан сказал:

«Помри и исполни». Вследствие того, призыв не прошел. Тот же депутат указывает на то, что казаки увезли весь лес. Он в подтверждение своих слов указывает на протокол.

«Представитель Графской волости жалуется на расстрелы и аресты... И добавляет, что волость не хочет давать солдат до тех пор, пока не расследуют дело. При этом заявляют —казаки ссылаются на Комитет членов У. С. и действуют его именем».

«Вследствие арестов карательным отрядом граждан по одному только подозрению,—сообщает представитель Погроминской волости, Бузулукского уезда,—граждане обещаются не давать новобранцев»...

И горечью отзывается доклад представителя села Абрышкина, Кузьминской волости, о порке новобранцев 28 августа.

«Перепороли и подписчиков приговора. По 20 ударов всем, а мне, инвалиду, только 5».

«Представитель Сорочинской волости прямо таки беспомощен разобраться во всем, что у них происходит. Сплошной крик и жалоба—его несвязная речь. Аресты, расстрелы, обвинение Народной армии».

И дальше («В. Уч.» № 59).

«Бугульминский уезд, Поповская волость. — Докладчик читает сокращенно наказ, где указывается, что новая власть стала пускать в ход нагайки, что крайне озлобляет крестьянство. Добринская волость: Мобилизованных выпроводила при помощи вооруженных отрядов».

«Бугурусланский уезд. Ефимо-Зыковская волость. Мобилизованных взяли с помощью отряда. Еманкаевская волость. Мобилизация почти не прошла: крестьяне не хотят воевать друг с другом... Большое неудовольствие вызывает то, что теперь нельзя стало свободно говорить, в деревне развивается шпионаж, доносы и аресты по доносам».

«Натальинская волость. Мобилизованные, несмотря на постановление сельских сходов, не пошли. Приехал вооруженный отряд, произошло кровавое столкновение, в результате —2 жертвы. После этого у нас остался какой-то офицер, который обращался жестоко, порол при всем сходе, при чем собственноручно побил церковного старосту, заставлял стариков маршировать. Наконец, один крестьянин не вытерпел и убил этого изверга. Приехал второй карательный отряд. Крестьяне дело уладили. Но вот вскоре приехал третий отряд с целью мобилизовать лошадей. Начальник отряда брал взятки, а кто не давал, того с лошадьми отправлял к коменданту ст. Абдулино».

«Троцкая волость. Мобилизация не прошла. Трое было ушли, но двое вскоре вернулись. Крестьяне не хотят вести партийную войну. Шаров задает докладчику вопрос: «Как смотрят наши крестьяне на Брестский мир с немцами». Докладчик.—У нас о нем не знают. Мы знаем только то, что у нас производятся беспощадные аресты, арестуют за одно слово».

И т. д. и т. д.—во всех уездах одно и тоже. И даже эсеровский корреспондент по выслушании всех докладов с мест делает вывод: «Жутко слушать; рисуется перед глазами деревня, охваченная ужасом, непонимающая, сбитая с толку» («Народ»).

Страстные и продолжительные прения на с'езде вызвал вопрос о текущем моменте. Он ставился на обсуждение два раза, первый раз выступал Чернов. Привожу выдержку из вторичного обсуждения резолюции доверия Комучу («В. Уч.» № 60).

«С большой речью выступает член У. С. П. Д. Климушкин... После речи Климушкина были поданы записки с вопросами: 1) Нельзя-ли заключить мир с большевиками. 2) Помогают-ли нам союзники и чем именно? На первый вопрос Климушкин ответил, что если большевики сложат оружие и признают власть У. С., то лучшего нечего и желать. К сожалению, они идут не с нами, а с немцами, мадьярами и латышами. На них не только не действуют слова, но их нельзя, как вы видете, убедить даже пушками и штыками. Что же касается союзников, то они обещали нам помогать войска-

ми, оружием и деньгами. Нет сомнения, что они это обещание исполнят».

Короткие речи делегатов крестьян, в противовес пространным речам учредилки, не отличились воинственностью и клонились не в пользу Комуча.

«Седов предлагает с'езду просить членов У. С. попытаться войти в соглашение с большевиками и положить конец гражданской войне».

Филатов. «Мне волость наказала спросить здесь стоящих у власти социалистов-революционеров—по чьему распоряжению производятся в нашей волости экзекуции над крестьянами?..»

Евстраков говорит,—что не к войне надо звать людей, а к миру.

«Степанов. Нельзя было исключить из У. С. всех инакомыслящих, как это поставлено по отношению левых эсеров, большевиков и других. Вопрос же о продолжении этой гражданской войны должен решиться референдумом, а до тех пор, пока мы в этом вопросе не узнаем мнение всего народа, мы не имеем нравственного права голосовать за предлагаемую резолюцию».

Боясь, чтобы резолюция доверия Комучу не провалились, эсеры поспешили пригласить представителей чехов и «союзников». После речей доктора Влассака, француза Жано и пр., была поставлена на голосование резолюция. Делегаты крестьяне настаивали на закрытой баллатировке, эсеры настояли на открытом голосовании. Результаты голосования показательны: 136 голосов за, 33—против и 61—воздержавшихся.

Почти половина делегатов с'езда, прямо или косвенно, но определенно были против Комуча и учредилки. Можно с уверенностью сказать, что многие голосовали «за» из боязни за «неприкосновенность личности», о которой так упорно говорили крестьяне при открытии с'езда.

Губернский крестьянский с'езд обманул надежды эсеров. Призыв Народной армии не удался. Большевики брали один город за другим. Создалось безвыходное, безнадежное для эсеров положение. Особенно это было заметно на положении земств,—этих «демократических органов самоуправления и народовластия на местах». Эти мертвые учреждения не пользовались никаким доверием, никакой поддержкой крестьянства, и, ненужные и никчемные, влачили жалкое существование.

В «В. Уч.» № 34 читаем следующий циркуляр уполномоченного по Самарскому уезду: «По имеющимся у меня сведениям во многих местностях Сам. у. до сих пор не работают в полном составе волостные земские управы... В результате многие распоряжения власти... выполняются очень медленно, или остаются вовсе не выполненными».

«Народное просвещение замерло».

«В Белебеевском земстве не имеется средств. Учителям народных училищ не выдано жалование за июнь, июль и

август. Положение учителей безвыходное. Выехать на места службы и начать занятия в школах они не могут». («В. Уч.» от 6 сентября).

Народное хозяйство развалилось по швам. Вот сообщение из Петровской волости от 4-го сентября:

«Не имеется денег даже на покупку канцелярских принадлежностей. Жалование служащим давно не плачено, и не далеко то время, когда служащие вынуждены покинуть свои места... В населении царит безразличие к такому тяжелому положению своей волостной управы... Если в ближайшем будущем денежных средств не поступит, то волостная управа с 24 августа прекращает свои функции и вешает на двери помещения замок».

В тех немногих местах, где земства функционировали, они вели определенно кулацкую политику. Образчик деятельности Бугурусланского земства приводится в № 45 «В. Уч.».

«Все сады в уезде было предложено через союз посевщиков взять в ведение их владельцев. И также делались предписания о возврате мельниц владельцам. К правильному же учету экономий до сих пор не приступлено».

«Кошкинская районная земская управа сообщает Сам. уездному продотделу, что с об'явлением вольной продажи хлеба, рыночные цены на муку установились от 30—75 руб. за пуд. В виду этого волостные продовольственные управы прекратили отпуск муки беженцам, инвалидам, рабочим и беднейшему населению, которым до этого времени выдавалась мука по доступным для них ценам».

Комуч умер своей естественной смертью. Он свершил в «пределах земных, все земное». Он выполнил свое историческое назначение: перекинул мост к буржуазно-монархической диктатуре и стал ненужным даже своему хозяину—мировой буржуазии. Колчак, детище учредиловщины, разогнал Комуч, арестовал и расстрелял многих членов учредилки. Остальные, подавленные, смятенные, с печатью Каина на лбах, бежали в «совдепию», ища помощи и защиты под великим знаменем Советов, у партии коммунистов-большевиков, на борьбу с которыми они еще так недавно звали и гнали чешскими штыками и казацкими нагайками крестьянство, разжигая его мелкособственнические инстинкты.

Расслоился, рассосался наиболее инертный и консервативный мелкособственнический класс, умерла некогда славная партия эсеров.

И вместе с нею ушла в вечность целая полоса истории, полоса преступного соглашательства, когда мелкий собственник, в потугах встать на самостоятельные ноги, идет послушно на поводу у банкиров по старой, проторенной дороге и сам надевает на себя вековое буржуазно-капиталистическое ярмо.

Трудовое крестьянство оторвалось от своих непрошенных вожаков, примкнуло к пролетариату,—и после 4 месячного кошмара над деревней взошло, наконец, красное рабоче-крестьянское солнце.

Урок учредиловщины многому научил трудовое крестьянство, он раскалил докрасна почву под ногами крестьянства,—и оно становится уже активным защитником социальной революции и коммунистического строя.

Мы потеряли тысячи лучших товарищей и борцов,—пролетариев, растерзанных, растрелянных, убитых, заморенных и сгноенных в тюрьмах чехо-учредиловцами,—но мы приобрели миллионы трудового крестьянства.

Мы не обольщаемся, мы прямо и открыто смотрим действительности в глаза и трезво учитываем об'ективные законы революции и жизни.

На красное рабоче-крестьянское солнце не раз еще могут надвинуться черные тучи. Может быть, пролетарской коммунистической революции придется снова пережить особенно тяжелые моменты, в которые трудовое крестьянство, уставши и поддавшись чуждым и враждебным для него влиянием, может снова отойти от нас.

Но если случится, это будет только мигом в процессе победного исторического шествия пролетариата. Трудовое крестьянство может отойти, чтобы вновь соединиться с пролетариатом.

И уже не примкнуть, а уже слиться, спаяться с ним в один мускул, в одну плоть и кровь,—стать единым телом и душой.

Это будет мигом окончательного торжества. Это будет воплощением в жизнь братства, равенства и свободы на земле, о которых прежде в простоте и чистоте душевной грезили эсеровские герои и которые эсеровские авантюристы и мещане так грязно и позорно продали теперь.

Алексей Дорогойченко.

ОЧЕРКИ и ВОСПОМИНА́НИЯ.

Военные операции против чехо-словаков.

Организация победы.

В то время как войска на фронте терпели неудачи—в тылу кипела лихорадочная работа по подготовке резервов. Почти каждый город формировал полки. Партия бросила туда лучших своих членов.

Были пущены в ход все средства агитации и революционного принуждения. Стала укрепляться военная дисциплина; создавались кадры опытного комсостава и начались первые мобилизации.

20-го июля был об'явлен первый призыв. Сначала были мобилизованы рабочие в городах, потом мобилизация распространилась и на крестьян; были призваны сначала унтер-офицеры, а потом и офицеры. С первым командиром спецом появился и первый комиссар. Из партизанской,—состоявшей из массы мелких отрядов,—наша армия начала быстро перестраиваться в регулярную военную силу, с опытным комсоставом, об'единенную единым командованием.

Оправившись от понесенных ударов, реорганизовавшись и пополнившись, наша армия быстро окрепла и начала бить врага.

Ликвидация чехо-словацкой авантюры.

В начале июля первая революционная армия под командой т. Тухачевского начинает движение на восток.

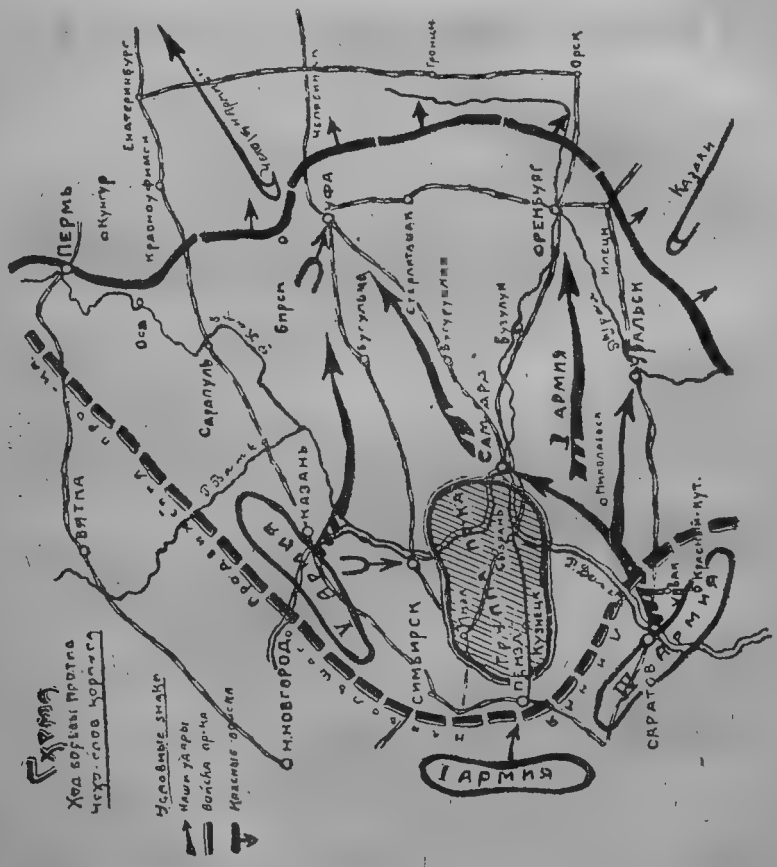
12-го июля доблестная железная дивизия Гая, после упорного боя, взяла Симбирск. Борьба за Симбирск длилась 3 дня.

Около этого времени через фронт противника прорвалась к нам дивизия под командой т. Блюхера. Она прошла 1500 верст хребтами южного Урала, выдержала до 20 жарких боев; разбила противника под Уфой, прорвала его фронт между станциями Макшиноры и Кудеевкой; обратила в бегство польские легионы, 6-ой чехо-словацкий и 13 и 14 уфимские полки, забрав у врага артиллерию и пехоту.

10-го сентября красными частями была взята Казань, при чем нашему успеху под Казанью значительно содействовала работа нашей доблестной речной флотилии, наспех организованной из легких миноносцев, приведенных из Балтийского

моря, и буксиров, вооруженных артиллерией и слегка забронированных.

Базируясь на г. Самару и пути в Сибирь, противник начал концентрировать свои силы в районе Самары—Кузнецка —Инзы—к югу от Симбирска. Для ликвидации этих сил с нашей стороны направляются три армии: 5-ая армия со стороны г. Казани вдоль Волги, 1-ая армия с запада и 4-ая армия со стороны Саратова.



После взятия г. Симбирска 1 револ. армия, следуя по пятам врага, ведет наступление на Сызрань и взяла его 3-го октября без бея, т. к. белогвардейцы и чехи, узнав о приближении красных войск, бежали из города. При отступлении неприятелем был взорван Александровский мост.

Для удара во фланг и тыл группе противника, 4-ой армии было приказано развить стремительный удар с юга.

Маневр удается и наши части после продолжительных и ожесточенных боев сбивают противника и приближаются к г. Самаре.

8 отября в город вступили части 4-ой армии, а затем части 1-ой армии.

Так завершилось полное очищение правого берега Волги от противника. Теперь вся Волга была в руках Советской власти и началась сквозная навигация.

Почти одновременно со взятием Самары частями 5-ой армии была взята Бугульма. В связи с этим 1-ой армии было приказано наступать на Бугуруслан.

После отступления от Самары противник сосредоточивается в районе Уфы. Чтобы врезаться могучим клином в основную оборонительную линию неприятеля: Екатеринбург—Челябинск—Троицк—Оренбург, красные части продолжают энергичное наступление и преследуют противника до подступов к Уфе, которая является важным стратегическим ж.-д. узлом.

30 декабря у подступов к Уфе идет упорный бой. Противник не выдержал удара и отступил к самому городу, а на другой день, 31-го декабря, поспешно покинул город.

22 января нами взят Оренбург и наши войска соединились с красными туркестанскими войсками. Растрепанные в конец «Народная армия» с чехо-словацким корпусом бегут в Уральские горы.

Этими событиями и заканчивается **первый, чехо-эсеровский,** период войны на востоке, увенчавший вечной славой великие подвиги и жертвы первой в мире пролетарской армии.

Но в глубине Сибири, под прикрытием чехо-эсеровских штыков, собиралась новая и более грозная туча—подчища адмирала Колчака.

Н. Русанов.

БОРЬБА с ЧЕХАМИ.

В конце мая и в начале июня 18 г. в клубе коммунистов по Заводской ул. жизнь кипела как в улье. И в зале и на улице происходили беспрерывные митинги, на которых решали умереть, но не сдаваться. Здесь же происходило формирование различных отрядов, беспрерывно в очередь выдавали обмундирование, оружие, боевые и съестные припасы. Отсюда же прямо отправлялись на назначенные посты, на позиции (тогда наши силы были сосредоточены на ст. Липяги).

6-го июня, часов в пять вечера, в клуб явились с завязанными глазами два парламентера от командующего чехо-словацкими бандами, с предложением выслать с нашей стороны представителей для переговоров на ст. Иващенково (Троцк). Предложение было принято. Решено было послать трех представителей с наказом: ни в коем случае не вести переговоров о сдаче Самары без боя. Наши представители с парламентерами противника отправились на паровозе в лагерь врагов. Там им прямо заявили: «Вы должны сдать Самару, в противном случае вы будете задержаны, а Самару мы все равно ночью возьмем».

Нашим представителям выбора не было. Тогда они попросили, чтобы им дали час на размышление, и использовали это время для того, чтобы как можно скорее добраться до своего паровоза и ускользнуть из Иващенкова.

А враги в это время двинулись на Самару, и всей своей массой обрушились на горсточку неорганизованных и не обученных военному делу коммунаров-интернационалистов, т. к. в клубе формировались отряды из всех национальностей: поляков, австрийцев, китайцев, а самый большой отряд был из мадьяр (более 300 человек). После боев у ст. Липягов и Кряжа почти все погибли, и вместе с пригнаными из Уфы, Оренбурга и Симбирска оставалось всего борцов за революцию около двух с половиной тыс.

7-го июня, рано утром, мы были охвачены кольцом с трех сторон и обстреляны из орудий броне-поездов, пулеметов, винтовок. Оставшиеся в живых были отрезаны от железной дор. и им пришлось побросать все, включительно до нижнего белья и переправляться вплавь через разлившиеся реки и озера. Многие погибли во время этой переправы. Нам сообщили, что на-

ши товарищ i разбиты и переправляются через Самарку. Мы бросились на берег, чтобы дать помощь им. То, что мы увидели, было ужасно. По широкому водному пространству плыли группами и в одиночку люди. Ослабевшие хватались за более сильных и вместе погибали. Нам приходилось брать у владельцев лодки с бою, чтобы спасти своих товарищей.

Когда я, напрягши все силы, стащил лодку на воду, к моему счастью в лодке оказалась широкая деревянная лопатка, которой и пришлось работать вместо весел. Подплыв к четырем товарищам, плывшим близко один от другого, я дал возможность двум из них схватиться за борт лодки, а третьему протянул лопатку, за которую он схватился. Четвертый же был отнесен водой в сторону и начал тонуть. При всем моем желании мне не удалось направить лодку к погибающему товарищу, и он утонул на наших глазах. Последний раз он закричал нам: «Погибаем, а вы, оставшиеся в живых, не сдавайтесь»!—и его не стало видно.

В это время на улицах Самары многолюдная гидра контрреволюции шумела, гудела и сигнализировала открыто, сидя и стоя на крышах. Готовая проглотить нас, она боялась высунуть голову на Заводскую, где оставался последний оплот революции—клуб коммунистов.

7-го наш главный штаб эвакуировался в Симбирск, но в клубе оставались последние коммунисты—защищаться до последней капли крови. Среди них был Масленников, апостол коммунистов, как его тогда называли в шутку.

В ночь на 8-е июня мне с 20-ю товарищами было поручено с одной трехдюймовкой и одним пулеметом занять гору за кладбищем и берег реки Самарки против кирпичного завода, где предполагалась переправа чехов. Вновь избранным штабом было решено занять новые позиции у желдорожного моста, где возможно было дольше продержаться в ожидании подкреплений.

Но только-что мы уставили свою трехдюймовку, как были замечены врагом. По нас стали стрелять и нам пришлось переменить позицию. В это время со стороны поселка Н.-Оренбурга желдорожники и пр. граждане, собранные набатом, громадной толпой шли на нас. Они стали грозить смертью, в случае, если мы не уйдем с позиций. Мы направили свои винтовки на толпу и категорически потребовали—разойтись. Но предводитель толпы, с умыслом окруженный детьми, постепенно подвигался вперед и только тогда, когда я направил на него свою винтовку, а отряду скомандовал на прицел,—толпа отступила и сползла под гору. Оставив при орудии 12 чел., я с остальными спустился на берег Самарки и занял там назначенную позицию, где мы и простояли до 3 час. утра, когда нас сменили приехавшие из Уфы товарищи. В это время со стороны чешских банд началось наступление на желдорожный мост. Товарищи-коммунары, занимавшие мост, оказались между двух огней. Спереди чехи, а сзади свои доморощенные предатели, засевшие и

находившиеся вблизи построек, откуда они могли расстреливать нас на выбор.

Мы, идя по городу в клуб, слышали беспорядочную стрельбу в направлении желдорожного моста.

В клубе я увидел тов. Куйбышева, который вернулся из Симбирска--узнать как идут дела--и теперь уходили на пароход. Оставшиеся в клубе все еще не хотели думать о своем спасении. Там оставалось всего около 50 чел. Хотели было мобилизовать товарищей из союза металлисотв, но там остался только один секретарь—т. Яшин.

Нам сообщили, что со стороны Троицкой ул., от базара, идут толпы народа к клубу. Мы поняли, что настала наша последняя минута и что нас эта кровожадная толпа растерзает. Некоторые товарищи начали призывать к борьбе, крича: «умрем, а не сдадимся». Один из товарищей, умевший управлять пулеметом, высунулся из окна, но тут же был убит наповал. Я скомандовал тогда нести пулемет к воротам, а сам выбежал на улицу с винтовкой. Несколько выстрелов в толпу—и она заволновалась и поспешно очистила улицу. В это время товарищи вынесли 3 пулемета. Чехи еще не появлялись. Пока одни товарищи устанавливали пулеметы и вставляли ленты, другие стреляли из винтовок. Скоро начался обстрел клуба. Со стороны площади показался человек в кожаной тужурке. Он махал фуруажкой и что-то кричал. Когда он подбежал ближе, было слышно: держитесь, идет помощь. Выстрел скосил его на месте. Я видел стрелявшего, он быстро спратался за мусорный ящик у трамвайного столба. Были выстрелы из-за углов Троицкой и Соборной ул. Когда на минутку прекращалась стрельба, мы забирали с улицы в клуб раненых. С конца Заводской и по поперечным улицам показались люди в шинелях. Я понял, что это чехи--и пулемет наш заработал. Чехи скрылись. Я взял винтовку и начал обстреливать углы. Из ворот начали выбегать товарищи и по моему указанию стали скрываться за угол Николаевской ул. Мне передавали заряженные винтовки и я не переставал обстреливать углы. Но вот раздался орудийный выстрел со стороны Самарки. Первый снаряд попал в кооперативный банк (ур. Соборной). И в то же время из-за угла Николаевской ул. показались два человека. Один был сбит моим выстрелом, другой—скрылся. Второй орудийный снаряд попал уже в здание клуба. И опять из-за угла показался с винтовкой человек. Я тогда погнался за ним. Послышался выстрел из винтовки и я почувствовал толчек в руку. Обернулся и увидел, что в меня еще целят. Мой выстрел предупредил его, и стрелявший упал. Это был чех. Тут уж я понял, что бежать было некуда. Обстреляв углы Троицкой и Соборной ул., я быстро побежал в клуб. По мне опять начали стрелять. Прибежал, лег к пулемету. На конце Заводской, у Самарки, показалась кучка людей. Я направил было на них пулемет, но почувствовал, что с моей рукой что-то неладно. И я только теперь заметил, что ранен. В это время снаряд ударил в трамвайную линию против

ворот клуба и на меня посыпались стекло и штукатурка. Употребив нечеловеческие усилия, я ногой и здоровой рукой направил кое-как пулемет и начал стрелять. Но пули посыпались куда попало и я понял, что все кончено. Вынув затворы,—причем я окончательно сломал свою раненую руку,—я вошел во двор клуба. Во дворе один из товарищей помог мне снять с себя патронташи и шинель и я побежал наверх, где был перевязочный пункт. Там собралось несколько товарищей и Масленников был среди них. Происходил спор: продолжать борьбу или сдаться. Я закричал им: «Товарищи, все кончено. Пока нас самарские бандиты не перерезали, берите белый флаг и сдавайтесь». Тогда т. Масленникову дали белый флаг и он вышел на улицу. Многие товарищи, в том числе Теплов, Курулов и др., всего около 40 человек, во время перестрелки скрылись по крыше соседнего дома. В клуб вошло несколько чешских солдат, один офицер и молодой человек из Красного Креста. Войдя в комнату к раненым, офицер спросил: «есть тут кто из комиссаров». Молодой человек из Кр. Кр. ответил, что он знает всех комиссаров и что тут нет ни одного. Раненых было человек 10. Я был признан легко раненым и, за неимением перевозочных средств, мне было разрешено итти пешком в лазарет за кладбище. Выходя из клуба, я думал, что толпа меня разорвет, но меня приняли за вольного раненого, т. к. на мне был летний серый костюм. С грязным лицом, с надвинутой на глаза фуражкой я дошел до дому, где жил. Но мне встрелилась знакомая женщина и сказала: «Тов. Смирнов, уходи. У вас во дворе обыск, чехи ищут тебя». Я тогда повернулся и отправился к вокзалу. Навстречу попалось пять человек чехов. Спросили меня куда я иду и откуда... И один пошел со мной. У вокзала я увидел автомобиль Красного Креста и около него молодую барышню, которая предложила мне сесть в автомобиль, чтобы доехать до лазарета. «По линии идут самосуды и вас могут растерзать»—сказала она. Поместили меня в лазарет № 14 и записали красногвардейцем.

Ежедневно чехи, руководимые эсеро-меньшевиками, производили обыски. Я попросил няню своей палаты, чтобы она при обысках говорила, что я тяжело ранен и меня нельзя беспокоить. Лежа в госпитале, я видел из окна, как проводили целые толпы пленных. В толпе были женщины и даже дети лет 12—14, военно-пленные мадьяры и австрийцы. 3 дня подряд шли и шли за Самарку эти несчастные жертвы, «демократической» эсеро-меньшевистской учредилки. 13 июня нас перевели на Соборную ул. в здание бывш. гимназии. Там к нам были присланы раненые белогвардейцы из-под Сызрани. Они относились к нам в большинстве случаев враждебно.

12 июля жена передала мне, что из Симбирска приехали товарищи и скоро опять уедут. Я тогда сговорился с ними через жену, чтобы они взяли меня с собой. Товарищи согласились, я отправился в назначенный срок в с. Рождествено, где была приготовлена тройка лошадей. Товарищи приезжали в

Самару в качестве разведчиков. Отправились мы на с. Жигули. Но, не доезжая села версты 4, мы узнали от рабочего трубочного завода, что Жигули заняты чехами и что вчера там был расстрелян один разведчик. Это как раз был товарищ, уехавший раньше нас на один день. Мне пришлось вернуться в лазарет, т. к. рука моя, забинтованная в гипс, страшно болела.

18-го июля нас перевели на пересылку в лазарет около вокзала. Мы были назначены в Тоцкий лагерь. Вскоре мне удалось бежать из Самары в Ставрополь, а оттуда с большими трудностями—к красным.

Смирнов.

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО.

В плену.

Незаметно пробираюсь по Уральской улице... На одном из перекрестков меня нагоняет чех.

— Документы,—спрашивает он.

Я показываю ему случайно оказавшуюся паспортную книжку. Чех с недоумением перелистывает книжку, и, оглядываясь кругом, ищет человека, который указал на меня.

— Люди сказали, что вы комиссар. Идемте в штаб.

Я чувствую, что всякие разговоры тут излишни, и, сопровождаемый сотнями любопытных взглядов, следую за ним.

Меня ведут к железной дороге. У линии гудит толпа. Увидя меня, они бросаются навстречу с дикими, злобными криками:

— Ага, комиссар... Попался. Бей его, бей... Вот тебе за автомобили, вот тебе за голодуху... вот...

Десятки рук тянутся ко мне. Несколько ударов в голову, сильный удар прикладом в живот—и я падаю на землю.

Настроение толпы передается чехам, не трогавшим до сих пор меня.

— Вставай...—орет один из них, продолжая бить прикладом.

Чувствую, что это конец, и сам начинаю просить чехов, как можно скорее меня расстрелять. Но вместо этого удары продолжают сыпаться; кто-то топчет ногами.

— Ростшеличь... Ростешеличь!.. расстрелять по-чешски,— требует подошедшая группа чехов. Уж дула нескольких винтовок угрожающе наводятся на меня, но они отводятся по приказу подошедшего офицера.

— Кто это?—спрашивает он.

— Комиссар...—отвечают провожатые.

Офицер отдает строгий приказ отвести меня в штаб дивизии.

— Нужно допросить, а расстрелять мы всегда успеем,— добавляет он.

Меня ведут по линии на мост. По обеим сторонам моста валяются трупы красногвардейцев... Солдаты исполнили на этот раз приказание офицера и не трогали меня больше, но

встречная группа чехов снова хочет вырвать меня из рук их и расстрелять. Завязывается спор...

Ограничиваются в конце тем, что снова бьют прикладами до тех пор, пока на мосту не показывается новая группа. Впереди высокая, хорошо знакомая фигура. Это Брушвит. За ним следует несколько чешских офицеров. Это штаб входил в Самару. Шествие замыкал председатель Иващенковского Совета Неверов.

— Это комиссар, который приезжал с паровозом в Иващенково за нефтью,—крикнул по моему адресу Неверов.

— Ага, так вот ты кто.

На меня было снова посыпались побои, но вновь подошедший офицер снова приказал отвести меня в штаб.

Некоторое время я пролежал на земле, будучи не в силах больше двигаться. Когда меня подняли, передо мною издалека предстал город, представлявший из себя жуткую картину.

Громадные языки пламени прорывали густой, черный дым. Горела мельница...

Подталкиваемого прикладами меня повели по направлению ст. Кряж, где передали коменданту.

Недалеко от станции находилось большое количество пленных красногвардейцев, но к ним не пустили, а посадили в небольшую станционную комнату, где уже сидело несколько человек по подозрению в «комиссарстве». Привели к нам также китайца—красногвардейца.

Бедняга совершенно не понимал русского языка, и никак не мог ответить на вопросы чехов. Продержав его с нами десять минут, они сняли с него шинель и сапоги и под предлогом, что у него нашли разрывную пулю, повели его к расстрелу.

Вскоре к нам привели тов. Масленникова.

Он был без шляпы и без очков, которые ему разбили при избиении. Из носа лилась кровь, окрасившая всю его одежду.

Очутившись в комнатке, он устало опустился на скамейку.

Тов. Масленников рассказал нам о последних минутах клуба.

Когда клуб был окружен и выяснилось безвыходное положение находившихся при нем защитников, часть из них старалась спастись бегством. Участь их неизвестна. Чтобы предотвратить излишнее кровопролитие, т. Масленников вышел на улицу с белым флагом, заявил, что клуб готов сдаться чехам, при условии, если последние оградят пленников от насилия толпы. Один из начальствующих чехов обещал, после чего все вышли на улицу. Их повели к вокзалу. Несмотря на обещание, что никакие издевательства не будут допущены, тов. Масленникова заставляли всю дорогу нести белый флаг, а иногда его вырывали и били древком. Подходя к железной линии, толпа накинулась на тов. Масленникова, избивая его на всем пути. Один из принимавших участие в избиении, ударяя его, все время твердил:

— Вот тебе за то, что ты не дал мне разрешение на торговлю фруктами.

Тов. Масленников вспомнил затем, что негодяй, бывший его, приходил к нему за разрешением, но он должен был ему отказать ввиду эпидемии. Исполком запретил торговлю сырыми фруктами на улицах.

Так мелкие торговцы, спекулянты и вся дикая черная муть праздновала свое «освобождение» от большевиков.

После тов. Масленникова к нам привели тов. Бакаева.

Он был арестован на Волге, по указанию некоторых лесопромышленников, в момент, когда он отдавал последние распоряжения относительно баржи с нефтью, которую необходимо было как можно скорее выкачать.

Тов. Бакаев, ввиде исключения, счастливо избег самосуда в момент, когда его вели мимо железнодорожной линии.

Трудно описать все издевательства, которые перенесены были нами во время пребывания на ст. «Кряж». Часто к нам врывались озверелые люди, издевались над нами, угощая нас побоями, и только по отношению к тов. Масленникову они держали себя более или менее корректно. Его серьезный, немного патриархальный вид вызывал у них некоторую долю уважения.

Раз только ворвался какой-то чешский офицер и начал словесно издеваться над нами. Некоторые из нас вступили с ним в спор, но он все время почему-то смотрел в сторону тов. Масленникова, желая его спровоцировать.

— Кто вы такой?—спросил он вдруг.

— Я—председатель Самарского Исполкома.

— Вы жид?

— Я великоросс.

— Жид из Великороссии?

— Я уж сказал вам: я великоросс.

— Сколько же вы получили от Германии?

Тов. Масленников презрительно взглянул на него, не удостаивая больше ответом. Но тот не отставал от него.

— Раз вы председатель Совета—вы жид. Ленин и Троцкий жиды. Разве вы не знаете, что они продали Россию за немецкие миллионы?

На этот раз тов. Масленников не вытерпил и крикнул:

— Вы лжете...с!..

— Молчать!—напустился было тот на тов. Масленникова, но вступивший караул прекратил издевательство.

К нам являлись также с угрозами чешские шпионы и предатели. Мы уже начали привыкать понемногу ко всяким угрозам, старались не обращать на них внимания и не вступать в пререкания.

Одного плюгавенького человечка, называвшего себя «эсдеком», это особенно бесило и он старался подзадорить нас рассказами о своих похождениях.

— В четверг,—рассказывал он,—я на лодке переехал из-за-Самарки в город. Я побывал на Хлебной площади, у моста и в других местах, где находились советская артиллерия и пулеметы. Порасспросив и высмотрев все как следует, я таким же манером, как приехал, вернулся к чехам.

— Чтож тебя повсюду свободно пропускали,—любопытствуют чехи-караульные.

— Конечно,—улыбается он, вынимая из кармана бумажки.—Вот мандат от Совета, а вот и пропуск от чешского штаба. Понимаете?..

Чехи, конечно, понимают, в свою очередь смеются, хотя и не скрывают своего презрения к нему.

— Я,—продолжает плюгавенький человечек,—оренбургский казак и завтра еду к казакам, чтобы завязать между ними и чехами постоянную связь.

И когда кто-то из чехов не особенно лестно отозвался о казаках, плюгавенький человечек, приняв горделивую позу, с пафосом заявил:

— Не думайте, что мы, казаки, старый режим защищаем. У нас много социалистов. Вы знаете, кто я?—спросил он вдруг, обращаясь к нам.

—Я—меньшевик.

Помню, что тов. Масленников, лежавший рядом со мной на полу, еще не вполне оправившийся от побоев, на этот раз вместе со мною расхохотался.

Во время нашего пленения нам пришлось встретиться с заложниками, взятыми в Пензе и Сызрани. Некоторые из них были впоследствии расстреляны.

Один из них:

Тов. Либерсон.

Ему было всего 20—22 года.

Бурные порывы и необыкновенная доброта уживались в его сердце. В разговорах с ним сказывалась глубокая начитанность, большая эрудиция и уменье разбираться в самых сложных теоритических вопросах.

Он был членом партии коммунистов и до захвата Пензы, состоял секретарем тамошнего Губисполкома. Следом за ним все время ехал его отец, который в Самаре особенно усиленно хлопотал об освобождении сына, и добился даже вмешательства представителя французской миссии.

Не желая его освободить, чешский Исполком выдвинул вдруг против него обвинение, что он стрелял будто бы по ним из пулемета.

Когда тов. Масленникова, Бакаева и других самарских заложников увезли дальше, т. Либерсон был оставлен в Самаре и расстрелян, якобы при попытке к бегству около ж. д. линии.

То была наглая ложь...

Его увели и расстреляли в двух—трех верстах от ж. д. линии.

Там же найдено было его тело.

Другой погибший заложник был:

Тов. Берлинский.

Он долгое время работал в Сызрани.

Молодой, энергичный он был один из тех, который своей волей и решительностью умел увлекать массы. Он принадлежал к РКП.

В Сызрани он был комиссаром труда.

Арестован он был при следующих обстоятельствах:

Он возвращался из Москвы со с'езда комиссаров труда и пароходом прибыл из Нижнего в Сызрань в тот момент, когда там господствовали чехо-словаки.

Кто-то указал на него чехам, как на «комиссара». Его задержали и повезли с собою.

Из Самары он был увезен вместе с другими заложниками. На одной из станций их нагнала группа сызранских белогвардейцев, потребовавших у чехов выдачи им «их комиссара» для «суда».

Чехи уступили...

Тов. Берлинский был закован в кандалы и отвезен в Сызрань, где по приговору полевого суда и был расстрелян.

Власть «Комитета членов Учредительного Собрания».

«Комитет членов Учредительного Собрания» уже в первые недели своего существования попал в плен к черносотенно-кадетской своре и сам явился как бы невольным организатором всех темных реакционных сил против себя же.

Офицерство, которое по призыву «Комитета» с первых же дней переворота взялось за оружие, было самым враждебным образом настроено против него.

Когда на многолюдном офицерском собрании с докладом выступил Климушкин и начал со слова: «товарищи», его грубо прервали...

Тоже самое было с казаками, к которым с.-ры из «Комитета» делигировали Цодикова (с.-р.).

Последний с ними прибыл в Самару. Прибыли и верхи казачества (Дутов), которые все время ставили «Комитету» ультиматумы, и уступали, конечно, не казаки, а «Комитет».

Дошло до того, что один из главных с.-р.-овских деятелей из «Комитета»—Климушкин—на вопрос: кто же, наконец, является властью: «Комитет» или вся эта свора черносотенцев, творящих расправу с рабочими его именем, откровенно ответил:

— Мы бессильны. Мы хотя и власть, но ничего сейчас сделать не можем...

Между тем всей черносотенной своре выгодно было в первое время прикрыться фирмой «Комитета», пока не было уверенности и прочности положения. Но лишь только они почувствовали более твердую почву под ногами, они повели яростт-

ную травлю против «Комитета», выдвигая необходимость военной диктатуры.

— На каком основании Климушкин, Брушвит, Фортунатов и Вольский об'явили себя властью?!—яростно метали они.

С.-р.-ы из «Комитета» оправдывались тем, что когда Учредительное Собрание было распущено, между депутатами с.-р.-ами произошло тайное соглашение, на основании которого любой группе депутатов разрешалось пользоваться именем Уч. Соб., чтобы поднять восстание против Советской власти.

Тогда вся свора черносотенцев и кадетов определенно заявила:

— Нам Учредительного Собрания не нужно...

Сибирское правительство показало даже кулак «Комитету», когда тот вздумал вмешиваться в дела Сибири.

На Челябинском совещании черносотенный генерал Гришин-Алмазов спросил Брушвита:

— На каком основании кучка с.-р.-ов об'являет себя всероссийской властью?

Брушвит никак не мог впоследствии забыть такую черную неблагодарность Гришина-Алмазова.

Брушвит по этому поводу рассказал, что когда он в первый раз делал доклад о своей работе по подготовке восстания против Советской власти, Гришин-Алмазов поднялся с своего места обнял и расцеловал его, а когда впоследствии поднялся вопрос о власти, тот же Гришин-Алмазов отказался признать Брушвита и его товарищей.

С.р.-ы беспомощно сидели в Наумовском доме, на котором они водрузили красный флаг, а вокруг них вся свора черносотенцев и проголодавшихся от безделья торгово-промышленников творияли свое дело...

— Снимайте «красную тряпку» с Наумовского дома,—требовали в «Волжском Дне».

На эти требования «Комитет» почтительно отписался, что он не может сейчас снять красный флаг, ибо последний есть для него символ революционной войны с Германией.

Дутову так же не понравидась «красная тряпка».

Несмотря на то, что его помпезно встретили в Самаре и вывели его в «Олимпе» на «ура» к «народу», где он сказал несколько добрых слов об Уч. Собрании, он через несколько дней холодно распрощался с эсерами и поехал в Сибирь... к Гришину-Алмазову.

После этого Дутов решил, что сподручнее иметь свое особое оренбургское правительство и стал слать «дипломатические ноты Самарскому «Комитету» для выяснения всех недоразумений и недомолвок, а «Комитет» в лице Вольского отписывался не менее высокопарными «нотами» о необходимости единой воли и действий на благо управляемых ими народов.

Пока шли эти переговоры в Оренбурге арестовали уполномоченного Комитета и предали его полевому суду; арестовали редактора меньшевистской газеты, которого так же предали

полевому суду; наполнили тюрьмы не только большевиками, но и меньшевиками и эсерами; расстреливали массами без всякого суда, и только усиленными хлопотами удалось, в конце концов, выручить уполномоченного «Комитета» и редактора меньшевистской газеты.

«Правительства» же росли, как грибы. Мусульмане и киргизы составили свое «правительство», а на Урале—свое. И чем больше они росли, тем больше суживалась власть «Всеросс. Учредительного Собрания», которая в последнее время простиралась лишь по Дворянской ул. от здания быв. крестьянского банка до угла Алексеевской у. Над всей остальной Самарой грозным призраком вставал Курлинский дом, где находился Ребенда и контр-разведка.

Контр-разведка.

После вступления чехов в Самару, месть антисоветских элементов за все понесенные ими обиды приняла неистово-дикий характер. Стоило ткнуть пальцем и назвать кого-либо «большевиком», как жертва немедленно отправлялась в «штаб охраны», или «контр-разведку» (смотря по физиономии арестованного), а оттуда в тюрьму. Доносы также приняли эпидемический характер, и в них изощрялись просвещенные варвары—журналисты из «Волж. Дня», «Нашего дня» и т. д.

Арестами руководили, главным образом, «штаб охраны» (во главе которого стоял одно время небезызвестный в Самаре Хрунин). Контр-разведка, поместившаяся вначале в бывшем клубе коммунистов—на Заводской улице, переехала затем в дом Курлина (угол Саратовской и Алексеевской).

Во главе последней стоял чешский капитан Глинка, плохо об'яснявшийся по-русски, но прекрасно выучивший фразу «в тюрьму». Его помощниками были Журавский (чех), Босацкий (русский) и Данилов (бывший полицейский пристав 3-го участка г. Самары). В качестве агентов «работали»: чехи, японцы, татары и несколько русских. Среди служащих был также бывший «комиссар» русск. для внешней торговли банка при Сов. власти—Филиппов (левый с.-р.). Кроме «штаба охраны» и «контр-разведки» налеты на квартиры и обыски самостоятельно производили еще казаки, которые часто избивали арестованных советских работников.

Особенно усердно работала контр-разведка, которая никогда не считалась ни с Комитетом чл. У. С. ни с штабом «Народной армии», в ведении которого она числилась.

Если случалось, что «Комитет» даже требовал освобождения того или иного арестованного, то Глинка обыкновенно отвечал:

— Ни с какими комитетами не считаемся. Мы получили предписание пред'явить обвинение от имени первой дивизии чехо-словацких войск.

Тогда и Комитет и штаб покорно смирялись.

Контр-разведка действовала довольно хитро. Она часто не сразу арестовывала намеченную жертву, а оставляла засаду, выслеживала знакомых, и после этого арестовывала группами, и обыкновенно пред'являла обвинение «в заговоре».

Какие-то шутники часто мистифицировали контр-разведку. Так, например, последняя долго ловила т. т. Куйбышева и Косоротова, которые, по ее сведениям, находились в Самаре. Она ставила засады в домах, где по ее предположению они могут появиться, производила обыски и, конечно, оставалась в дураках, ибо эти т.т. находились далеко за пределами Самары.

Имея у себя на службе лиц со старым полицейским опытом, контр-разведка не брезгала и провокацией.

Автору этих строк пришлось сидеть в контр-разведке с председателем фабрично-заводского комитета рабочих «Всеобщей кампании электричества», который рассказал следующий случай.

— «Наши мастерские, эвакуированые в Самару из Харькова, известны своим левым настроением. Недавно ко мне в мастерскую явился молодой человек и завел со мной следующий разговор:

— Товарищ, буржуи снова подняли голову. Нужно что-нибудь предпринять. Нужно воссоздать организацию.

«Я,—рассказывал рабочий далее, — почувствовал недоверие, и от разговора уклонился, но тот продолжал:

— Нужно нам вооружиться и, если представится возможность, ударить в тыл, когда советские войска будут наступать... Вы, конечно, мне не доверяете, но вот мои мандаты. Я специально послан в Самару организовать выступления против чехов...

«Он показал мне два мандата. Один от «Ц.И.К.», другой от Северного летучего отряда. В них говорилось, что такой-то послан по Поволжью с целью организации борьбы с контр-революцией и просят оказывать ему доверие.

«Все это, конечно, было довольно подозрительно, и он от меня ничего не добился. На другой день тот же молодой человек снова явился, арестовал меня и препроводил в «контр-разведку».

Арестованных, до предварительного допроса, обыкновенно держали в погребе Курлинского дома, который весь почти был наполнен.

Погреб сырой и темный. Какие-то сваленные шкафы служили нарами для 15—20 человек. Остальные спали на грязном, сыром каменном полу.

Контр-разведка особенно охотилась за латышами. Из живующих в Самаре латышей, рабочих трубочного и других заводов, редко кто не просидел несколько дней в контр-разведке.

Иногда с целью переписать арестованных в погреб спускался Данилов, и тогда происходил следующий диалог.

— Вы за что арестованы?—спрашивал Данилов арестованного.

— Сам не знаю за что,—отвечал тот.

— Где вы живете?

— У Постникова оврага.

— А-а... Значит большевик...

— Кто вы такой?

— Латыш.

— Латыш... Ну, значит, наверное большевик. Два раза большевик...

Больше всех над арестованными издевался Данилов. Не говоря уже о том, что при допросе он обыкновенно извергал целый поток ругательств из старого полицейского лексикона, он не стеснялся давать пинки, и часто любил допрашивать арестованных, наставляя на них «Наган», угрожая при этом:

— Говори, с... с... застрелю!..

Как старый полицейский, он считался в контр-разведке «сведущим лицом», и он часто нашептывал Глинке решения относительно участи арестованных. Чаще всего оно об'являлось арестованному в следующей форме:

В погреб спускался Данилов и, вызвав несколько арестованных, приказывал:

— Ну, живо, собирайся...

И когда те замешкаются, он уже, бывало, начнет орать:

— Живо, а то, с... с... вот...—и он показывал на свой «Наган».

— Куда?—спрашивал иногда арестованный.

— Сгноим в тюрьме,—отвечал Данилов.

До организации военного суда в Самаре (было, конечно, не мало случаев расстрела без всякого суда) арестованные отправлялись иногда в Уфу, в распоряжение чехо-словацких войск для передачи их военно-полевому суду, а иногда просто увозились в «неизвестном направлении»...

Нужно добавить, что все держиморды, воспитанные в своем ремесле еще при царском режиме /и вносившие весь свой прежний опыт в «штаб охраны» и «контр-разведку», брали также взятки.

Связывающим звеном между взяточниками и арестованными, или его родственниками, был присяжный поверенный Семененко. У него была своего рода «такса».

За освобождение «комиссара» (под эту рубрику подходили и те, кто были простыми служащими в советских учреждениях) он брал 1500—2000 р., за освобождение простых смертных—1000 р.

Когда родственники заключенных в тюрьме по дням бывало, дежурили у Наумовского и Курлинского домов, с целью узнать что-нибудь об участи арестованного,—им намекали:

— Обратитесь к Семененко... Он все может...

И действительно, бессильна была следственная комиссия при «Комитете», составленная из бывших юристов, бессильны были общественные организации, хлопотавшие за арестованных, но зато всемогущими были Данилов, Семененко и к°.

В тюрьме.

Тюрьма, расчитанная на 800 чел., вмещала в себя после чехо-словацкого переворота до 2300 человек. Сидели по 3, по 4 в одиночках. Лишь очень важные, по мнению контр-разведки, «преступники», как, например, т. **Паршин** (расстрелян), находились изолированными в одиночках, даже гуляли отдельно, тогда как все остальные гуляли группами по 30—40 чел.

Пища в тюрьме вначале была очень плохая. Хлеба давали мало, и голодные заключенные из окон кричали на улицу, чтобы им приносили с'естного.

Большинство арестованных были красногвардейцы, взятые в плен в боях у Липягов и Самары.

Тюремный режим, бывший в первые дни переворота довольно крутым, впоследствии сделался сносным. Арестованным разрешили выбрать своих старост, которые следили за кухней и равномерно распределяли между арестованными все, что доставлялось с воли «политическим» красным крестом и другими общественными организациями. Два раза в неделю давались свидания с родственниками тем, дела которых числились за следственной комиссией при «Комитете». Тем же, дела которых числились за «контр-разведкой», свидания давались с трудом.

Настроение арестованных зависело, конечно, от внешних событий. Особо подавленным оно было после падения Симбирска и Казани. Жили больше всего разными слухами или сведениями, печатавшимися в «Волжском Дне», «Земле и Воле», которые тоже попадали в руки арестованных довольно редко.

Многих товарищей охватывало отчаяние:

—«Принеси револьвер и старайся передать его мне незаметно, при личном свидании. Я постараюсь освободиться или отомстить за все мучения»...—писал один из арестованных своим родственникам. К несчастью, эта записка очутилась в руках тюремного начальства, и в тюрьме был произведен повальный обыск, отменены были личные свидания и арестованные могли переговариваться с навещавшими их лицами через двойную решетку.

Вначале обыски производились довольно редко: раз в две или три недели. Делали его надзиратели; иногда специально для обыска в тюрьме появлялись: Данилов, из контр-разведки, и служивший ранше в «красной армии» провокатор Вордак, поступивший после переворота на службу в «штаб охраны». Обыски участились, когда в Совете Рабочих Депутатов особенно остро был поставлен вопрос о заключенных и когда в связи с этим по городу и в тюрьме разнеслись слухи о готовящемся будто-бы нападении на тюрьму для освобождения арестованных.

Была усилена охрана, и когда одновременно с этим начались волнения в местном гарнизоне, несколько ночей подряд были мобилизованы надзиратели и в бане, находящейся против тюрьмы, был на всякий случай размещен целый полк верных солдат.

Полоса репрессий началась, когда появились известия об успешном продвижении вперед советских войск.

Новый начальник тюрьмы Георгиевский, сменивший Климова, оказался, по мнению власти, «слишком мягким». Чтобы «подтянуть» тюрьму, был вытребован из Бугуруслана Извеков, который хотя и числился старшим помощником, но фактически был полным хозяином.

За два дня до оглашения известия о взятии советскими войсками Казани, в тюрьме был произведен особо тщательный обыск. На этот раз обыскивали чехи. Грубые и вызывающие, они обыскивали арестованных, вытряхивая матрацы и мешки, оглядывая коридоры, дворы и даже оранжереи, разыскивая, как выяснилось впоследствии, спрятанные пулеметы. После этого в тюрьму был назначен новый военный комендант (временно эту должность выполнял Георгиевский).

Его помощником был назначен чех. В тюрьму был также назначен специальный караул из чехов, который по малейшему поводу стрелял в окна заключенных. И чем ближе продвигались к Самаре советские войска, тем строже становился режим в тюрьме. Часть видных работников, в количестве 40 человек, была отослана в Уфу, а против 13 человек было состряпано обвинение в «заговоре» и 5 товарищей были расстреляны. Остальные,—среди которых были, главным образом, «старосты»,—осуждены на 4—12 лет каторги.

В последние дни замешательство и боязнь перед советскими войсками были настолько велики, что еще за 6 дней до вступления советских войск в Самару скрылся начальник тюрьмы Георгиевский. Ребенда по этому поводу отдал строгий приказ о розыске и расстреле его на месте.

Низшее начальство хотя и выполняло все приказания «власти», но уже начало немного «под'езжать» к заключенным. Среди всеобщего замешательства началась полная эвакуация тюрьмы, при которой многие товарищи удачно сбежали.

Народная армия.

Комитет членов Учредительного Собрания об'явил мобилизацию молодых солдат за 2 года. В городе об этом запестрели об'явления на стенах, и обыватели, стоя возле них, чесали себе затылки.

— Так, мобилизация, гм...

— Против кого же?..

— Знамо против кого,—против своего брата...

И все-таки от испуга обыватель гнал своих сыновей:

— Не пойдешь, чехи выгонят...—говорили кругом.

Не так легко дело обошлось в деревне.

В Бузулукском уезде, например, казаки окружили деревню, которая не желала выдать рекрутов: родителей пороли, а рекрутов часто расстреливали.

На этой почве было не мало столкновений.

Это стоило жизни уполномоченному «Комитета» в Бузулуке—**Цодикову** (с.-р.), когда он усмирял одну непокорную деревню. Крестьяне отчаянно защищались. Цодиков был тяжело ранен и впоследствии умер. Легло также и не мало крестьян.

Среди рабочих вопрос о мобилизации также вызвал не мало волнений. Протестовали некоторые профессиональные союзы, протестовала часть рабочей конференции, запротестовали, довольно громко, и железнодорожники. Их уговаривал сам комендант станции. Бряцающий шпорами, фат с европейских бульваров, он пришел доказывать железнодорожным рабочим, что они плохие патриоты.

Шаблонными избитыми фразами он плел о необходимости борьбы с немцами и их «агентами—большевиками».

Кой-кому это, однако, не понравилось, и начался спор с комендантом. Кончилось тем, что он выхватил револьвер; но меткий удар в руку выбил оружие из его рук, и сам комендант очутился в канаве...

— Срам один,—писали подголоски из «Комитета», критикуя потом резолюцию железнодорожников.

— Мы мобилизуем не для гражданской войны, а для борьбы с немцами,—заявил «Комитет». Это подтвердили и Галкин, и «штаб», и все стоящие у власти.

— Мы не желаем развращать молодое поколение в гражданской войне,—повторяли они.

Действительно, не мало разврата было в добровольческой армии, состоявшей из офицеров и господчиков. За какой-нибудь месяц своего существования контр-разведка повытаскала не мало интендантов, которые успели проворовaться (Трунов и др.). В штабе разместились «папенькины и маменькины» сынки, бряцавшие по Дворянской шпорами и гордо заявлявшие:

— Мы при штабе...

Зато «Комитет» не скупился чинами. Все выступившие в первые дни против большевиков получили повышение в чинах. Не говоря уже о заправилах. Те уже повышались не по дням, а по часам.

Бывший агент крупной фирмы автомобильных шин—чечек был произведен в генералы, а чтобы не обидеть Дутова—произвели и его в генералы. Лебедев из поручика попал сразу в полковники, а Фортунатов получил чин корнета.

И все-таки, мобилизация прошла на первый взгляд сравнительно удачно. Шли со скрежетом зубовным, ибо другого выхода не было.

— Ладно, погоди-ж, мы те навоюем,—слышалось у сборных пунктов.

В казармах был ловко развит шпионаж и все «большевиствующие» были на учете. Их вызывали начальники команд и угрожали:

— Мы знаем, кто вы—большевики. Будьте осторожны и не развивайте политику. Иначе... вы понимаете...

Иногда их водили в контр-разведку, а оттуда на военную гауптвахту, которая всегда почти была полна. Было и не мало расстрелов неповиновавшихся.

Каково было настроение солдат можно судить по следующему: Пришел генерал делать смотр третьему Самарскому полку.

— Молодцы,—похвалил он.—Учитесь. Скоро вам будет нужно отправиться на помощь вашим товарищам на сибирском фронте.

Солдаты молча выслушали, но затем собрались и решили:

— На фронт не итти, в гражданской войне не участвовать. Другое дело, если немец будет нападать...

А вот и рассказ народо-армейца—тов. К., очутившегося вместе с автором в контр-разведке.

— В конце июля пьяные офицеры ночью окружили часового и после ругани повели его расстреливать. Вступились товарищи и арестовали офицеров. Возмущение охватило и другой полк, находившийся по соседству. Доложили командиру, он приказал арестовать офицеров, но разоружить и полк. Солдаты отказались выдать оружие.

— Вызову чехов,—пригрозил командир. В ответ на это солдаты привели себя в боевую готовность и залегли в цепи, ожидая чехов. Те не являлись. Пролежав 5 часов в цепи, солдаты вернулись в казармы, и на другой день ночью полк был разоружен.

«Комитет» не сдержал своего обещания. Новобранцев начали отправлять на фронт. Тогда началось неописуемое бегство. Солдаты бросали оружие и уходили в свои деревни, унося обмундировку. Такое настроение заразило даже и добровольческую армию.

— Желаем учиться, отпустите...—твердили «маменькины сыночки»—реалисты, гимназисты 6—7 классов, ушедшие добровольцами.

— Мы всего пошли на три месяца. Отпустите нас...—говорили другие, когда подошел срок.

Пришлось «Комитету» повысить срок до 4-х месяцев, чтобы удержать их в армии.

На крестьянском с'езде выступавший от имени «Комитета» Климушкин на протесты части с'езда, что они не желают гражданской войны, силился доказывать, что идет война не гражданская, это—передовые отряды Германии и т. д.

Климушкин успеха не имел.

Пришлось раскачаться и привести на подмогу представителя чешского Национального Совета доктора Власссака и представителя французской миссии—Жано. Первый призывал всех славян об'единиться против общего врага—немца; мсье Жано наивно рассказывал крестьянам, что французский народ вовсе не буржуи, что они революционеры и еще 100 лет тому назад совершили революцию и казнили короля, что сейчас они воюют за свободу всех, в том числе и России.

— Ладно, пой... Слыхали мы...—говорили крестьяне.

Пустили тяжелую артиллерию—Чернова. «Селянский министр» в свою очередь пел, а в это время вертелись лица в «гороховом пальто» и ввиде нравоучения доказывали протестантам, что в самарской тюрьме тесно живется, что пища плохая, и советовали им уезжать домой.

— Постоим за Учредительное Собрание,—предлагали подголоски «Комитета».

— Требуем закрытой баллотировки,—говорили протестанты.

— Открытой... Открытой...—ревели подголоски.

Многие воздержались, некоторые голосовали против, а некоторые совершенно ушли со с'езда.

Недовольство чехов русскими росло с каждым днем.

Дошло до того, что за подписью Чечека и Власссака опубликовано было обращение к русским братьям, «которые забывают свой долг и взваливают всю тяжесть на чехов».

— Стыдно, стыдно вам...—бичевала себя «комитетская» пресса.—Вот и чехи дают нам заслуженную оплеуху,—сознавались они.

Чехи же, убедившись с анемичности русских властей, сами усилили свою деятельность. После взятия Казани советскими войсками они фактически сместили Галкина и поставили повсюду своих лиц.

— У нас больше нет доверия к прежним властям. Мы в стане врагов, и каждый день ждем нападения в тылу. Отныне мы сами будем руководить своей защитой,—говорили чехи.

И когда после взятия Казани советскими войсками, началось повальное бегство мобилизованных, они решились на героические меры. Вся «народная армия» была эвакуирована в Сибирь и заменена чехами, казаками и отрядами, прибывшими из Сибири.

Перед вступлением советских войск в Самару.

Трудно было вести нелегальную жизнь при чехах. Приходилось скрываться не только от бдительного ока «контрразведки» и «охранки», но и от обывателя, всегда готового к услугам последних. Пришлось вспомнить весь прежний опыт: обрости бородой, надеть очки, сморкаться в платок, когда в тебя уставляются пытливым взором, и как вор, крадучись, выходить по вечерам подышать свежим воздухом.

А днем укрывающий товарищ десятый раз рассказывал обнаружившей меня соседке историю «казанского беженца, болеющего сильным ревматизмом настолько, что не в состоянии ходить по улицам».

Усиливались репрессии...

Находиться нелегально в квартире стало все труднее, а за три дня до вступления советских войск, когда Ребенда грозил немедленным расстрелом каждому не явившемуся к мобилизации, автор этих строк очутился на улице без квартиры.

Шляться по улицам было довольно опасно и пришлось постучаться в ближайшую квартиру одного меньшевика, который охотно приютил.

— По катившимся круглые сутки грузовикам, вывозившим все ценное, ясно было, что дни «Учредительного» сочтены.

Товарищ, укрывавший меня, был мобилизован для рытья окопов, которых и рыть-то не пришлось.

Вся эта комедия с мобилизацией населения для защиты Самары была разыграна с легкой руки не военных, а штатских крикунов, главным образом эсеров.

Дело обстояло следующим образом:

От Болдырева получено было телеграфное приказание защищать Самару во что бы то ни стало.

Но было уже поздно... Военные круги поняли безнадежность положения, и на заседании думы, земства и других организаций они в осторожных формах поделились с ними о критическом положении...

— Станем грудью...—гордо заявляли представители собрания.

Даже военным стало неловко, и они, не высказываясь против защиты, требовали лишь людей и жертв.

— Все будет,—заявило собрание, и тут же интересовалось узнать, кто дерется в рядах большевиков.

Представитель военного ведомства заявил: «немцев нет, приходится иметь дело с большевистскими бандами».

— Шапками закидаем,—решило собрание. Была послана длинная телеграмма союзникам, молившая о скорейшей помощи против большевиков, которые «снабжаются Германией» (изменили обычную фразу).

Затем была избрана комиссия из домовладельцев, кадетов, эсеров и меньшевиков для мобилизации населения.

Комиссию эту через два дня нигде нельзя уже было найти.

Толпы народа собирались у мобилизационных пунктов и заявляли:

— Все буржуи удрали, а нас хотят отправлять на позиции. Не пойдем.

И все расходились...

Не давали даже записываться женщинам.

А думская комиссия куда-то юркнула, и так и не показывалась больше на божий свет.

В воскресенье прибыли войска, отступившие от Сызрани.

— Большевики будут в Самаре еще сегодня вечером или завтра,—заявили они.

Длинными вереницами тянулись артиллерия и кавалерия к вокзалу и к военной платформе.

«Народная армия» вся ушла.

Остались чехи, занявшие часть города около вокзала.

Улицы вымерли... Ночью происходили расстрелы, а к утру весь город в напряженном ожидании ждал развязки.

— Бум!—чехи взорвали железный мост через Самарку.

Еще один взрыв,—взорвали другой пролет.

Где-то идет ружейная перестрелка...

Первый орудийный выстрел по линии железной дороги заставляет уже отступать отдельные части чешского арьергарда.

Но вот второй, третий, и через несколько часов, которые казались вечностью, раздались первые ружейные выстрелы.

— Бац! Бац!

Советская кавалерия входила в город.

Улицы наполняются рабочими... В штабе милиции разбирают оружие... Вооружежнные несемся к вокзалу.

Там никого уже нет.

Обходим пустынную «контр-разведку». Спускаемся в Курлинский погреб, где пришлось выстрадать несколько дней, заходим в «охранку», и в первый раз за четыре месяца дышем вольно...

Свобода...

И. Трайнин.

„Штаб восстания“ в самарской тюрьме.

(Воспоминания).

Пять лет прошло. И как будто вчера.

Как в кинематографе проходят в памяти лица, события, когда в Самаре царствовали «добрые» чехи и эсеры.

Имена военного министра Галкина, министра внутренних дел Климушкина, министра иностранных дел Веденяпина (Михаила Александровича,—как с любовным трепетом называли его социалисты-контр-революционеры), нач. военной охраны Храповицкого (кажется генерала) и пр. и пр.—звучат как имена палачей, расстреливавших рабочих не единицами и десятками, а сотнями в разных подвалах, гарнизонных гауптвахтах, «клубах».

Вспоминаются и лица товарищей, или погибших теперь, или еще до сих пор бодро работающих в Советской республике, которые принимали участие в этой борьбе с чехо-эсерами.

Вот Юрий Милонов, где-то по подвалам и погребам скрывавшийся в то время на окраинах города; вот т.т. Вершинин, Хатаевич, Слепченко, Трайнин, Боднер, Курулов, Всеволода, Сима Дерябина, Дорогойченко, Филатов... заключенные в самарскую тюрьму и бодро переносившие и голодовки, и ужасы тогдашней тюремной жизни.

Вот т. Венцек, убитый кровожадными мещанами, упивавшимися его кровью; т. Масленников, увезенный чехами и впоследствии расстрелянный.

Полней и полней набивает тюрьму обезумевшая с радости вернувшаяся буржуазия.

Запах рабоче-крестьянской крови окрылил черносотенное офицерство. И бородача—крестьянина, скрывшего сына от мобилизации, и рабочего, и матроса, и народоармейца, сорвавшего золотые погоны поручика,—всех, как «бандитов большевиков», «злостных государственных преступников», тащили в тюрьму.

Самарская Учредилка террором думала отсрочить свою погибель.

В тюрьме заключены видные работники, тогда Р.С.Д.Р.П. (большевиков).

Особенно—опасные.

А с ними тысячи связанных с деревней, с мастерскими, заводами, железной дорогой, города.

Им чудилась эта связь в виде непрерывной цепи заговоров, цепи, тянувшиеся от тюрьмы до рабочей массы города, а там и до «их армии».

Им чудилось, что заговор уже «готов», что тюрьма превращена уже в военный штаб, что пулеметы, ружья, патроны припрятаны там, что стража «спропагандирована большевиками»...

Чешско-военно-офицерская охранка понимала дело лучше, чем трусливая буржуазия и «комитетчики» из учредилки.

Она знала, что при тех условиях варварского режима, шпионажа, которыми она опутала самарскую тюрьму—восстание невозможно без «особой» посторонней силы.

И охранка сама задумала устроить восстание в тюрьме.

Подходящий случай: определенное «общественное» настроение надо использовать, провокация удастся, и «большевики» будут естественно перебиты..

Продумано—сфабриковано.

Посылаются в тюрьму два (а, м. б., и больше) провокатора.

Провокаторы дело делали быстро, подготовляя массу заключенных к «восстанию».

Связались с заключенным т. Паршиным (членом тогда РСДРП (большевиков), быв. организатором Красной армии) и организовали «штаб восстания» тюрьмы.

Для нас, меня, т. Курулова, Акимова (Грачева) и др. ясно было, что затевается что-то «неладное», провокационно готовится кровавая баня.

Всеми имевшимися силами мы разубеждали заключенных, доказывая всю провокационность готовящегося.

Мы учитывали слишком хорошо обстановку.

Через товарищей из города мы знали, что тюрьма попала под особое «военное попечение контр-разведки».

В окнах верхнего этажа Лебедевой бани, против тюрьмы, тщательно припрятаны пулеметы, в саду против больших дверей выхода из тюрьмы, откуда масса могла бы «хлынуть», были припрятаны пулеметы и отряд вооруженных чехов. Тюрьма тщательно окарауливалась, по ночам вокруг ее об'езжал усиленный конный патруль казаков.

Заключенные не могли не видеть этого.

Смысл «готовившегося» был понят.

Провокация сорвалась.

Кровавой бани трудящимся устроить не пришлось.

Тогда контр-разведка, видя, что ее план сорван—другим путем начала уничтожения «большевиков». В первых числах августа было неожиданно выхвачено несколько товарищей и предано чрезвычайному военно-полевому суду.

13 человек были отданы под суд.

— Организация штаба восстания в тюрьме в целях свержения Учредительного Собрания в г. Самаре,—вот обвинение, которое было выдвинуто.

Обвинение—с начала и до конца выдуманное и сфабрикованное контр-разведкой белогвардейского офицерства, жаждавшего крови «большевиков».

В августе был вынесен смертный приговор 11 товарищам. Но об этом уже узнали многие рабочие организации, благодаря активному участию т. Богдановой А. Н., родственницы одного из приговоренных.

Только благодаря тому, что «дело приняло огласку» расстрел был заменен 12 летними каторжными работами, со ссылкой в Сибирь.

Однако, т. Паршина, Михальского, Сазонова (матроса) и двух др. (всего пятерых) успели расстрелять, а остальных отправили в уфимскую тюрьму. В числе последних шести были я, т. Малашкевич (матрос, тогда чл. РСДРП (б), Юзвек (тоже), Демидов (рабочий), Акимов (Грачев) и Сухоруков (матрос).

И уже из Уфы, «эшелоном смерти», мы были отправлены в глубь Сибири.

Г. Андронов.

Самарская организация Р.К.П. в подполье.

После занятия Самары чехами, часть товарищей отступила, часть вынуждена была скрываться и часть сидела в тюрьме. Осталась на воле горсточка рядовых коммунистов, которая не вела организационной работы, которых никто не знал, которые были незаметными членами партии.

Нашу партийную организацию чехи застали врасплох. Губком не оставил для нелегальной работы более подготовленных товарищей, не оставил денег, не сделал никаких указаний, поэтому вначале среди оставшихся товарищей чувствовалась растерянность.

Работал каждый сам по себе.

Тов. Авейде оказывала помощь оставшимся товарищам, которые вынуждены были скрываться, помогала заключенным в тюрьме, семьям отсутствующих товарищей; вся работа ее носила кустарный характер. Латыши работали сами по себе. Первое нелегальное собрание было созвано приблизительно через 2 недели, в портняжной мастерской бр. Бендиш, на Предтеченской ул., в душной утюжной комнатке, где и сконструировался комитет. Члены комитета вследствие того, что недостаточно конспиративно вели свою работу вскоре провалились; сконструировался новый комитет, который уже не избирался.

Только с этого момента и началось организованная нелегальная работа. Прежде всего была введена денежная отчетность, создана ревизионная комиссия, установлена связь с Советской Россией, а уже потом началась практическая работа. С большим трудом соорудили типографию и еще с большим трудом выпустили первую прокламацию. Я уж указывала, что в Самаре остались рядовые члены партии, для которых составление прокламации было самой сложной задачей. Первую прокламацию писали 3—4 товарища.

Выпустили первую листовку. Этот день был праздником для наших товарищей. Мы видели, как нашу прокламацию читали рабочие и солдаты, слышали отзывы и одобрения, все это нас больше вдохновляло и давало много силы для борьбы.

Пожалуй, этот день был самым счастливым днем в нашей работе. Впоследствии мы выпускали листовку каждую неделю; установили связь со всеми почти союзами и воинскими частями.

Настроение в массах было в пользу Советской власти. Здесь нужно отметить, что, когда наша коммунистическая партия призывала рабочих на фронт, на войну с чехами,—ставленниками буржуазии,—рабочая масса была пассивна и не откликнулась на призыв; перелом произошел после сдачи Самары. Рабочие спознали свою ошибку. Власть чехо-эсеров, которая с красными лозунгами «свободы слова и печати»! сажала в тюрьмы, расстреливала рабочих, дала им возможность оценить Советскую власть и ее мероприятия. Вот почему они еще до сорганизации наших партийцев давали наказы делегатам на рабочую конференцию «за власть Советов».

Почва в Самаре была благодатная для нашей работы. Меньшевики и эсеры настолько потеряли всякий авторитет и доверие, что их поддерживали только буржуазия и интеллигенция. Их работа говорила за себя.

Нам, большевикам, приходится с удовлетворением сказать, что часто нас рабочие ругают, но они с нами; ибо только наша партия выражает интересы пролетариата.

Совсем другое было по отношению к чехо-эсеро-меньшевикам. Несмотря на то, что наш нелегальный комитет постановил никакой кампании к выборам в Совет не вести, мы имеем хотя и незначительное, но все же большинство в Совете; резолюция по текущему моменту после всяких тайных голосований большинством одного голоса прошла наша—«власть советам».

Большую борьбу пришлось выдержать ком. города Ребенде и к-о с большевистским советом: он арестовал лидеров нашей фракции совета, не давал совету собираться в центре города, но победы он не одержал. Галерка всегда в «Трюмфе» была полна, и каждое выступление большевика покрывалось громом аплодисментов.

Здорово притеснялись рабочие организации: в союзах устраивались обыски, их выселяли ипр. и пр. Но все это все больше и больше заставляло об'единиться рабочих вокруг нашей коммунистической партии. Хорошую опору мы имели в профсоюзах и довольно успешно мы деморализовали народо-армейские части; все они в большом количестве отказывались пойти на фронт против Советской власти.

Еще нужно несколько слов сказать о существовавшем у нас нелегальном «Красном Кресте», который поддерживал связь с тюрьмой и оказывал всем пострадавшим товарищам небольшую помощь.

В момент междуцарствия, когда эсеры бежали, а красные еще не вошли, охрану города взял на себя нелегальный отряд коммунистов. Царствование чехо-эсеров и меньшевиков было хорошим уроком для самарского пролетариата.

Часто наши рабочие ругают советские органы, нападают на Советскую власть, но когда стоит вопрос о власти, быть или не быть Советам, они говорят: «быть Советам».

Б. Василевская.

ПЕРВЫЕ ЗАСТРЕЛЬЩИКИ.

Тревожное было лето 1918 г. Максималисты, левые эсеры и анархисты вздумали об'единенными силами свергнуть большевиков и «спасти революцию»,—как они выражались. И вот 17-го мая эти изменники и предатели рабочего класса захотели померяться силами с рабочими.

Я в это время был членом завкома Трубочного завода и заведывал конторой. 16-го мая мы все были вызваны в клуб. По дороге зашел домой навестить больную жену, и к радости своей застал дома сына, приехавшего в Самару в командировку. Недолго потребовалось времени уговорить сына итти со мной в клуб. И мы, оставив дома женщин, которые нам вслед говорили разные жалкие слова, отправились.

Проходя по Ильинской площади, мы увидели несколько вооруженных людей. Видимо, они шли арестовывать милицию. Пришлось очень пожалеть, что у нас не было с собой оружия. Мы без труда бы их захватили.

В клубе собралось уж много товарищей; никакого определенно выработанного плана не было. Люди пока собирались группами, чтобы занять некоторые посты. Нас собралась группа в 28 чел. и нам было поручено занять угол Заводской и Чапаевской, дом бывш. гимназия. На угловом балконе мы живо установили пулемет, с таким расчетом, чтобы можно было обстреливать все углы. Но пулеметом управлять мог только один мой сын. Пока было тихо, и мы занялись тем, что стали учиться обращению с оружием. Многие из нас не знали даже как винтовки заряжать. Но ничего серьезного не произошло, и мы, простояв двое суток, разошлись. Но не напрасно прошло для нас это время. Наше недолгое обучение очень пригодилось нам потом, при наступлении чехов.

После выяснилось, что это выступление предателей имело свои цели. Одна из них—желание свергнуть ненавистных им коммунистов, вторая,—которой они и достигли,—выяснить силы рабочих и произвести дезорганизацию в их рядах.

Я рассказал этот случай, чтобы показать, какое было настроение перед наступлением чехов и как враги Советской власти постепенно подготовляли удар в спину рабочего класса.

Смирнов.

Чехо-словаки в Бузулуке.

Появление чехо-словаков было настоящим праздником для тех бузулукчан, которые не были с пролетариатом. Самые изумительные слухи с нелепыми комментариями усердно распространялись услужливыми обывателями. Говорили о поголовном восстании крестьян от Пензы до Самары против Советской власти; шептались по закоулкам о движении между уральскими и оренбургскими казаками, высчитывали время, когда могут прийти в Бузулук чехо-словаки, тайно составляли списки большевиков и всех им сочувствующих. Все, что было придавлено властью пролетариата, зашевелилось. Втихомолку устраивались собрания, на которых поднимался вопрос о мести большевикам.

Во главе анти-большевистского движения встала партия эс-эров, во главе с врачем Горвицем, который, как оказалось впоследствии, даже помимо местного комитета своей партии, сносился с оренбургскими казаками, подготовляя их к выступлению против Советской власти. Уральских казаков «обрабатывал» С. Цодиков, но последние сравнительно туго поддавались агитации. Партия знала, или догадывалась, о политике Горвица. За ним установлен был негласный надзор и принят ряд других мер. У Горвица часто делались обыски, но безрезультатно. Было установлено дежурство во многих местах города и за городом из опасения внезапного нападения казаков, так как доподлинно знали, что они появлялись в городе. Горвиц делал определенные намеки еще в марте и апреле, что скоро «капут» большевикам. Но, повидимому, дело не ладилось вплоть до восстания чехов.

Лишь только пришло известие о первых успехах чехов, как пошли гулять всевозможные фантастические слухи, которые подхватывались на лету и, приукрашенные, бросались в деревню, волнуя ее. Зато не жалели грязи, чтобы облить Красную гвардию. Задолго еще до падения Бузулука, всем было уже внушено, что большевики, уходя, все разрушают за собой, избивая мирных граждан.

Но вот пришло долгожданное известие, что чехи перешли Волгу, взяли Сызрань и, наконец, Самару. Радости и ликованию обывателей не было конца.

Пролетариат, однако, чувствовал, что гроза действительно надвигается, и принимал меры. Рабочие ст. Бузулук, готовясь к борьбе, требовали, чтобы их вооружили.

Но вот наступило 23 июня, день Троицы. Чехо-словаки соединились с казаками за городом. Большевики и все сочувствующие Советской власти, вместе с Красной гвардией решили дать неравный бой врагу. Обыватели залезли в подвалы или ушли за город, предварительно попрятав свое добро, поджидая с нетерпением дорогих гостей.

Бой шел три дня. Враги победили своей численностью. 25 июня, к вечеру, Советская власть в Бузулуке пала, и друзья пролетариата, в полном порядке, не преследуемые врагами, отступили по направлению к Оренбургу.

На другой же день буржуазия и интеллигенция, разряженная в пух и прах, встречала «дорогих избавителей». На площади, между городом и элеватором, была устроена трибуна, с которой победителей приветствовали представители горожан. Речи были жалки, убоги, обвинения Советской власти —вымышленны. По окончании благодарственного молебствия по случаю избавления от большевистского пленения, возвратились в город, где в здании теперешнего Исполкома было заседание Городской Думы.

Офицеры, сынки местных обывателей, составили отряд, который в полной парадной форме, с шашками наголо, продефилировал по улицам Бузулука, радуя своей выправкой сердца мещанства. Этот отряд сразу же стал базой, на которую опиралась новая власть. Но не нашлось ни одного «нижнего чина», который-бы захотел увеличить торжество победителей.

Заседание Городской Думы до-большевистского состава, под председательством городского головы Герасименко, открылось торжественной речью последнего. С речами выступали и другие гласные. Речь доктора Горвица мне особенно памятна, благодаря ее яркости. Горвиц подводил итоги господства большевиков, не желая, конечно, грязи и лжи; затем он остановился на тех перспективах, которые открываются теперь, когда у власти снова «привычные» правители, воздал похвалу чехословакам, отмечая их бескорыстный подвиг освобождения поруганной родины, проданной большевиками. Из его речи следовало, что с захватом Самары и Бузулука уже близок конец власти Советов.

На речи ораторов буржуазная толпа, наполнявшая зал заседания, шумно аплодировала. Во время обсуждения одного из вопросов встает какой-то, по виду мещанин, и говорит, что ему бы хотелось тоже принять участие в обсуждении. Председатель резко его остановил: «Это вам не большевики. Вы привыкли при них обо всем говорить и ничего не делать. Мы **этот дух** из вас выбьем». Толпа неистово зааплодировала. Но нашлись и такие, которые мрачно смотрели на членов Думы и тихо друг другу шептали: «Да, действительно—это не большевики».

Уже на другой день город представлял совсем другую картину по сравнению с той, которую он имел при большевиках. Беднота куда-то попряталась, на улицах снова появились женские шляпки, красивые костюмы. Офицеры, перетянутые ремнями, ловко увивались около дам. Словом, картина была обычная для господства буржуазии. Чехо-словаки, офицеры и солдаты, и даже казаки, были желанными гостями и собеседниками.

Но это была еще «весна». Скоро настала черная осень, которую, конечно, почувствовали только крестьяне и рабочие. Начались аресты; посыпались на население налоги, поборы и мобилизации. Население должно было молчать, так как новый владыка не любил, когда народ говорит. Обирание пошло планомерное, систематическое. Крестьянство к этому отнеслось далеко не так, как ожидалось. Для получения денег и солдат потребовалось посылать карательные отряды с орудиями. Здесь, конечно, отличились те, которые 26 июня дефилировали по улицам Бузулука. Ежедневно приходили известия о том, что население оказывает сопротивление. Так, например, было в Сухоречке, куда выехал для усмирения член Учредительного Собрания, уполномоченный по Бузулукскому уезду, С. Подиков, где он и был убит.

Вообще, все время с конца июня и до октября было наполнено борьбой между правительством Учред. Собран. и крестьянством. На стороне первого стояло духовенство, буржуазия, кулачество и, вообще, все, что носило печать зажиточности; а на стороне Советской власти все остальное многочисленное население деревни, которое, отведав свободы, нелегко уступало свои позиции.

В селах свирепствовала милиция. Все делалось и решалось по указке кулаков. Везде были выбраны вместо советов волостные земские управы, жестоко расправлявшиеся с теми крестьянами, которые «смели свое суждение иметь».

Но вот с сентября пошли по деревням иные слухи, слухи об успехах Красной армии. Снова зашевелилась буржуазия и кулаки и стали понемногу ликвидировать свое имущество. Подняли голову бедняки, оказывая еще большее сопротивление. Все пришло в движение.

Для поддержания бодрости в своих приверженцах и для устрашения противников учредиловской власти усиленно распускались слухи, устно и в печати, о приходе японских войск, которых, якобы, видели в Самаре, где уже приготовляются казармы для них на 10 тысяч и пр. Говорилось, что большевики в занимаемых местах поголовно истребляют семьи офицеров, оставшихся в рядах белой армии, уничтожают интеллигенцию и проч. Эти слухи и вызвали огромный отлив в Сибирь, куда отступали учредиловцы. Туда эвакуировались учреждения со всеми бумагами, штатами служащих, которых зачастую везли насильно, под страхом расстрела.

С начала октября и до 26 того же месяца по всему уезду царила паника. Учреждения не работали, свертывались и ждали распоряжения двигаться, никто не знал ничего определенного: то говорили, что в таком-то месте большевики разбиты и учредиловские войска наступают, то получались другие вести, совершенно противоположные.

Милиция, верная сама себе,—улепетывала первой, подавая пример отступления. Все бросились, сломя голову. Уезжали целыми семьями.

Деревня будто вымерла. Редко кое-где можно было видеть кучку мужиков, которые, перекинувшись наскоро парою слов, скрывались по домам. Но так было день—два. Убедившись, что непрошенные гости уехали совсем, крестьяне принялись за организацию по селам совстов.

Но еще Красная армия не пришла.

Бузулук, который многочисленным войскам чехо-словаков и казакам дал твердый отпор, был без бою оставлен белой армией при приближении Красной армии. Где же все заносчивые болтуны? Они уже далеко.

В промежуток, между входом белогвардейцев и занятием уезда красными войсками, появились шайки бандитов, которые, прикрываясь именем Красной армии, грабили все, что было можно. Лишь впоследствии, с приходом настоящих красных, выяснилось, что это были бандиты.

Но вот Бузулукский уезд снова в руках Советской власти. Все вздохнули спокойно. Запугивание большевиками оказалось сплошной ложью. Ни одного грабежа, ни одного расстрела без суда и следствия.

Многие из родственников бежавших искренно сожалели, что они поверили клевете учредиловцев и не удержали от эвакуации родных.

Н. Правдин.

Чехо-словаки в Пугачеве.

В Пугачев (наз. тогда Николаевском) чехо-словаки ворвались гораздо позже, чем в Самару. В знойный августовский день 1918 года, 20-го числа, часов в 11 утра, неожиданно началась бомбардировка города. Первый снаряд разорвался над бурсой (здание духовного училища) во время заседания уездного исполнительного комитета. Члены уисполкома, уже под обстрелом, спешно вывозили ценности. Красноармейские части, встреченные сильным ружейным и пулеметным огнем чехо-словаков с крыш, окон, чердаков, вынуждены были отступить и занять позицию за городом.

В каких-нибуд полчаса—час чехо-словаки воцарились в Пугачеве. Буржуазия приняла их с восторгом. Высыпали на улицу принаряженные, появились, припрятанные до этого, котелки, крахмалки, шляпки и проч. По городу начались обыски для поимки советских работников. Все советские учреждения были разгромлены. По всему городу производились расстрелы оставшихся красноармейцев и заподозренных в работе у Советской власти. Вот на Московской улице, против б. магазина Горкина, где ныне помещается аптека, неподалеку от моста, как рассказывали с ужасом после очевидцы, один «заподозренный» пожилой мужчина в штатском поношенном костюме, стоя на коленях перед верховым чехо-словаком, нечеловеческим голосом умолял о пощаде. Но сверкнула шашка и на месте остался окровавленный труп.

Немедленно при вступлении чехо-словаков была организована инициативная группа имени Учредительного Собрания, которая через особое воззвание пригласила всех лиц, желающих принять участие во временной охране города, явиться для записи в белую гвардию, в дом Безрукова. Там же получали оружие и инструкции. Записалось до 1000 человек, преимущественно гимназисты, студенты и офицера. Много пошло и советских канцеляристов.

Появился приказ № 1-й командира 4-го чехо-словацкого полка, подпоручика К. Ф. Вобратилек, гласивший: «Заняв 20 сего числа Николаевск, об'являю его на осадном положении. Комендантом города назначаю подпоручика Гатала и его помощником поручика Андреева. Приказываю всем лицам г. Николаевска и окрестностей выдать немедленно всех сторон-

ников Советской власти и всех подозрительных лиц. Виновные в их укрывательстве будут преданы военно-полевому суду».

В своем приказе комендант города воспрещал выход из дома после 9 час. веч., приказывал организовать милицию. сдать все оружие и разрешал «полную свободу» слова и печати (для буржуев, конечно, и их прихвостней).

Красноармейцы с председателем и членами уисполкома вынуждены были медленно шаг за шагом отступать, при чем в одном из боев был ранен член уисполкома т. Баин. Но это продолжалось недолго. Николаевские советские полки не могли допустить того, чтобы красный город находился в руках врагов. «Бешеный полк» (как его назвала тогда буржуазия) т. Чепаева своим налетом 22-го августа нанес сильное поражение врагу, захватив 2 тяжелых орудия, 1 скорострелку, 6 пулеметов, телефоны и 100 подвод со снарядами. 500 чехо-словаков в этом бою легли костьми и окрестностях Пугачева. И ночью под 22-е августа чехо-словаки позорно бежали из города. Царству их был положен конец.

По изгнании чехо-словаков, немедленно было устроено совместное заседание уисполкома и командиров советских полков. В городе было введено осадное положение. Комендантом города избрали т. Чепаева. Образована была чрезвычайная комиссия из т.т. Туркина, Терикова, Спицина, Потапова, Кострицкого, Шумного и Карпова для ликвидации последствий «чехо-словацкого царства».

Так бесславно кончилось до смешного кратковременное царствование чехо-словаков в Пугачеве.

Интересно отношение крестьян к этой чехо-словацкой авантюре. Крестьянство в летнюю пору, когда особенно у них много было работы, должны были заниматься обсуждением ежедневно получаемых приказов учредилки, исполнять требования на людей и лошадей. Крестьяне держались за советы и, несмотря ни на какие угрозы земства, не выбирали, вопреки стараниям кулаков, отказывались выполнять приказы учредилки. Разосланная учредилкой увещевательная бумага тоже не помогла. Тогда в ряд селений явились отряды с офицерами во главе. Беднота разбегалась. Белогвардейцы ловили их и насильно заставляли итти в армию. В то время часто можно было видеть бегущих из «народной» (белогвардейской) армии крестьян, которые говорили: «там не народная армия. там бывшие офицеры!». Понимали крестьяне, что несет с собой эта армия. За этой армией шел проклятый помещик.

Н. Тамбовцев.

В Троцке летом 18 года.

22 мая 1918 года было сообщено по телеграфу, что чехо-словаки идут из Сызрани на Троцк, уничтожая по пути Советы, забирая все оружие. Вслед за этим известием из г. Сызрани приехал представитель Р. К. П. (б) города Сызрани тов. Емельянов. Местная коммунистическая организация быстро созвала собрание рабочих, работниц и служащих г. Троцка и обратилась к ним с призывом встать на защиту Советской власти. Товарищ Емельянов сообщил, что чехо-словаки идут на Троцк по железной дороге. Цель их была захватить Сергиевский завод, важный стратегический пункт. Сознательные рабочие Троцка единогласно постановили стать на защиту Советов. Вся руководящая работа легла на комитет Р. К. П. (б) и Совет г. Троцка. По их распоряжениям одни товарищи посылались на фронт, другие оставлялись в тылу для подготовки вооружения и внутренней охраны, т. к. была опасность выступления со стороны контр-революции. Сорганизовались боевые отряды Красной гвардии, во главе которых встали коммунисты.

Против чехов выступили 23 мая. В то время во главе Троцка стояли представители партии эсеров, от них зависило почти все. И в первую очередь своевременная подача снарядов на фронт. На деле эта партия вела себя как контр-революционная организация. Снаряды подавались в большом количестве, но все бракованные, а орудия без затворов.

В тылу ими велась усиленная агитация среди рабочих и трудового населения против защиты от чехов, которые, якобы, и тут устанавливать у нас порядки. Эсеры агитировали за чехов во всю, говоря, что если они разгоняют советы, то только те, которые слишком зарвались и не выполняют воли трудового народа. Следствием этой агитации было—привлечение на сторону врагов части рабочих и крестьян. Перестали помогать боевому фронту и ожидали прихода чехо-словаков. Видя

свое бессилие в неравном бою и измену в тылу, Красная гвардия, во главе с коммунистическим отрядом, принуждена была отступить вплоть до города Самары. При отступлении, ввиду сильного напора чехо-словацких войск, пришлось взорвать мост вблизи Троцка, на реке Моче. Часть коммунистов, посланная в разведку, осталась в руках врага. Некоторые из них были расстреляны, а часть, посредством разных хитростей, направилась по Волге в Самару, где, не доезжая Самары, опять-таки была взята в плен. Воскресенье, 27 мая, обманутые рабочие и работницы Троцка вышли все на вокзал, где ожидалась чехо-словацкая делегация пешей, т. к. мост был взорван. Еще раньше рабочих, до восхода солнца, явились господа чиновники царского времени, оставленные после февральской революции в рядах рабочих как спецы.

Около 9-ти утра было об'явлено в театре собрание, на которое должны были прибыть представители чехо-словаков. Толпами шли на это собрание. Театр был переполнен народом. От имени фабзавкома было предложено избрать председателя собрания. Когда в кандидаты наметили Монаева—коммуниста, из толпы послышался протест: «не надо его, он коммунист». Тогда выступает чех и говорит, что если он не вооружился и не пошел против них, то он хороший коммунист. Председателем собрания избирается Монаев. Председатель фабзавкома Сергиевского завода тов. Кузьмин, как истинный коммунист, не жалея себя за дело трудового народа, в своей речи открыто заявил, что чехи подкуплены мировой буржуазией, от них нечего ждать хорошего. На это послышались крики: «долой Кузьмина!». Выступил чех и сказал: «Пусть он продолжает свою речь, ведь у нас свобода слова, мы тоже эту свободу признаем». Кузьмину предоставили право высказаться до конца. Вслед за этим стал говорить чех о том, что чехословацкие войска едут на Дальний Восток сломить общего врага—немца, наседающего на трудовой народ. Если теперь они разгоняют советы, то потому, что большевики препятствуют их плану; уничтожать свободу, купленную ценою крови, они не хотят. После много выступало рабочих, обманутых социал-предателями. В конце выступил член предательской партии эсеров Чучков и с восторгом открылся в измене коммунистам; стал рассказывать о том, как он подавал негодные снаряды и орудия без затворов на фронт. Социал-предательские агенты подняли его на руки и прокричали «ура». Рабо-

чие, как дети, убаюканные ласковой песней няни, стали просить, чтобы чехи остались на некоторое время в Троцке установить власть, какую они хотят, лишь-бы эта власть не шла в разрез с желаниями трудового народа. Социал-предательская партия только того и добивалась. На другой же день начались поголовные обыски и расправы с коммунистами и теми рабочими, которые были сторонниками ком. партии. Был избран временный комитет, в который вошли по большинству эсеры: Лисов, Колодовский, Воробьев, Чичков и т. п. Когда чехи укрепились в Троцке, то двинулись на Самару. Были заняты все станции. Скоро пала и Самара. При отступлении в красных стреляли из домов.

За несколько дней чехи стали в Троцке полными хозяевами. В Сергиевском заводе был об'явлен рабочим и охране завода расчет. Многих посадили в кутузку и морили голодом. Принимать стали вновь на известных условиях и договорах, и только «политически» благонадежных. Сторонникам большевиков места не было. Их брали на учет. Кузьмин скрылся, начал организовывать красные боевые отряды, но был пойман и с семейством увезен неизвестно куда. На вопросы рабочих: «где Кузьмин?»—чехи отвечали: «отправили в Сибирь на исправление. Так он пропал безвести. Монаев был найден и растерзан. Деревенские кулаки, торговцы и им подобные приносили чехо-словакам подарки, приводили коров, баранов, звали в свои дома, угощали. Одним словом, видели в них своих друзей.

Между тем, чехами была об'явлена мобилизация всех молодых граждан. Начали крестьяне провожать своих сыновей. Кто не шел, тех арестовывали и увозили насильно. Рабочие, выброшенные из завода, стали собираться группами и говорить о том, что их чехи продали. Чехо-словаки начали разгонять кучки народа и арестовывать. Рабочие, видя, что свобода подавлена, не останавливались перед угрозами и продолжали собираться. Чехи убедились, что аресты не помогают, вызвали конных казаков. Казаки начали по-своему расправляться. Но и эта мера не помогла, а наоборот вызвала еще больше сопротивление. Коммунистическая партия продолжала работать подпольно и вела усиленную подготовку. Ею были организованы вооруженные отряды и т. п. для подавления врагов народа. Когда уже рабочие и крестьяне достаточно натерпелись всяких беззаконий, то стали присоединяться к коммунистам

для совместной борьбы против чехов. Ком. партия двинула из Сызрани красные полки против них. Чехи начали готовиться к отступлению. Красные сильно напирали. Рабочие города Троцка с нетерпением ожидали прихода большевиков. Ком. партия снова сорганизовала добровольческие полки. Белые стали чувствовать, что большевики задались целью во что бы то ни стало в октябре быть в Троцке и выгнать их из пределов Самарского края. С Сергиевского завода стали увозить ценные части машин и станки, без которых завод существовать не может. Чтобы рабочие не протестовали, было предложено им эвакуироваться с чехами в Сибирь, где последние обещались открыть такой же завод. Но рабочие на этот обман не пошли, и видя что их окончательно обезоруживают, заявили протест. Но этот протест так и остался пустым звуком. Троцкие рабочие выступили с вооруженным протестом. Это восстание было усмирено чехами. При усмирении было убито около полторы тысячи рабочих. Некоторые из них были изуродованы до неузнаваемости. Родные их узнавали только по одежде. Находящиеся в больнице раненые и больные рабочие чехами были отравлены. Белогвардейцы могли наделать еще больше бед, если бы вскоре не подошли красные.

*
* *

В ПОЕЗДЕ СМЕРТИ.

(Из дневника).

Как я попала в поезд смерти.

Только успели ликвидировать выступление анархо-максималистов. Я только в первый раз ушла домой ночевать. В два часа ночи звонок. Нужно явиться в клуб, или вернее, в штаб большевиков: чехо-словаки заняли Пензу, Сызрань и приближаются к Самаре. И вот после двухнедельной борьбы Самара пала. 8/VI рано утром они заняли часть города. Дольше всех держался клуб коммунистов-большевиков. Всю ночь его обстреливали, но отряд не сдавался.

Убитые, раненые они падали и, умирая, просили товарищей не сдаваться врагу.

Но число героев становилось все меньше и меньше... А враг прибавлял огня все больше и больше...

Пал последний пулеметчик... Осталось всего человек 20, держаться дальше было невозможно.

Решили вывесить белый флаг...

Тихо стало кругом... Всех охватила одна мысль, одно чувство: что будет дальше.

Некоторые прощаются, некоторые выходят незаметно... Впереди всех, с приподнятой головой и белым флагом в руке — незабвенный товарищ Масленников. Он геройски шел на верную смерть, не дрогнув ни одним мускулом.

В клубе остались всего несколько человек санитарного отряда (Минкин, Саблина, Козлова, Зарецкий, Бешенковский и я) и тяжело раненые. Мы все знали, что нам предстоит... Мы знали, что чехо-словаки не оставляют в живых ни раненых, ни санитаров, но мы решили не уйти с своего поста...

Готовились к встрече врага... Мы заняли место около раненых товарищей, готовые защищать их до последней минуты...

Послышался шум... Враг приближается... Минуты сочтены... Ни страха, ни отчаяния, ни упадка духа. Наоборот, все полны сознанием своего долга, чувствовали, что умирают за святое дело революции... Враг вошел. Бросился штыками на раненых. Мы заявили, что только через наши трупы они доберутся до раненых товарищей. Бросились на нас, но в конце концов отступили и стали грабить клуб...

Около клуба тем временем собралась толпа. Крик, шум, гам...

От самого большого до самого маленького спекулянта все они собрались здесь, чтобы выразить свой восторг по поводу падения Советской власти... Все самое худшее, самое низменное, которое пряталось во время Советской власти в темных норах, вылезло наружу, чтобы встретить своих защитников —эсеро-чехо-словаков...

Вот таким образом я попала в плен к чехо-эсерам. И с того времени начинается новый период в моей жизни, период тюрем, изгнаний и т. п. Должна добавить, что в тот день (суббота) мне удалось бежать из плена. Дней 10 я скрывалась. Это было мне не по духу. Я переоделась «барышней с вуалью» и начала работать подпольно...

Таким образом я прожила до 7 августа, когда в 10 час. вечера была арестована на углу Соборной и Льва Толстого, недалеко от своей квартиры.

В Самарской тюрьме я сидела около двух месяцев. Мне было пред'явлено, между прочими обвинениями, что я расстреливала медицинских работников, не желавших отправляться на фронт (к моему великому сожалению, я этого не делала). На фронте наши дела стали поправляться. Настроение было хорошее. Вместе с т.т. Дерябиной, Авейдэ, Адамской читали книги, разбирали различные вопросы, ели, пили, спали. Время шло быстро. Некоторые товарищи мужчины были взяты на поруки с подпиской, что не будут выступать против учредилки. Ко мне явился с таким предложением муж моей сестры тов. Рабинович, но я отказалась дать подписку.

В последних числах сентября уже в городе были слухи об эвакуации всей тюрьмы. Конечно, перспектива не из приятных...

В четверг 3/X в городе стало очень тревожно. Красная армия взяла Иващенково. Комитет учредилки издал приказ не сдавать город и держаться пока в городе не останется камня на камне (город был сдан без единого выстрела).

Настроение города почувствовалась и в тюрьме. Служащие были расстроены, женщины (надзирательницы) плакали, ломали руки, рыдали. В субботу утром 5 октября мы получили известие, что наши должны завтра занять Самару. Настроение было повышенное, праздничное... Целый день сердце разрывалось от напряженного ожидания... Минута казалась днем... Уже пять часов... Большая часть дня уже прошла... Вдруг послышался шум... Во двор вошел большой конвой... Во двор стали выводить заключенных, перекликать и обыскивать их...

Вывели всех, даже больных, которые не держались на ногах. Погода сырая, холодная. Многие в летней одежде, грязные, с почерневшими лицами, истощенные, измученные. Среди них старики и больные. Последние лежали на сырой земле и стонали...

Построили всех в ряды и комендант НОВАК (чех) дал приказ конвою в случае попытки бежать, стрелять без предупреждения. Часов в 7 вечера вывели мужчин и велели готовиться женщинам.

Когда мы вышли во двор—уже было темно. Кругом была жуткая тишина, нарушаемая лишь канонадой... Нас всех построили в ряды и окружили густым конвоем. Нас вели не городом, а окольными путями. Людей почти не было видно, как будто все попрятались...

Было темно и дожливо. Конвой подгонял нас, я часто вынуждена была останавливаться, чтобы переводить дыхание (в моем узле были книги и он был мне не по силам), но конвоиры своими прикладами заставляли меня итти дальше. На платформе мы простояли до двух часов ночи под дождем. При нас же был расстрелян один заключенный, который пытался бежать.

Наконец, нас погнали дальше по полотну железной дороги—верст пять. Дорога была тяжелая, на каждом шагу спотыкались, падали. Но нас энергично подгоняли...

Без сил мы дошли к товарному поезду, в который нас загнали. 70 женщин загнали в вагон, предназначенный для 8 лошадей. Кроме того, у некоторых были маленькие дети. Раздались крики, стоны, плач детей. Темнота кругом. Где найти угол, чтобы положить свою голову?! Наконец, нас разделили на два вагона. Без сил я упала на свой узел. Ночь была кошмарная; все же я уснула. Что было дальше с нами изложено в моем дневнике, который я вела с первого дня, как попала в поезд.

Какие преступники находились в поезде смерти? В поезде смерти находилось 2700 арестованных, из них 500 уголовных. Остальные красногвардейцы. Небольшой процент партийных большевиков и старые крестьяне и крестьянки, арестованные учредилкой за то, что их сыновья находятся у большевиков или за то, что не хотели вступить в так называемую Народную армию. Были также арестованные за неосторожное слово против «учредилки». Были арестованные по чьему-нибудь указанию: «вот большевик».

Для иллюстрации достаточно будет указать состав арестованных в вагоне: по национальности—3 латышки, 1 эстонка, 1 еврейка, 2 литовки, 3 галичанки, 21 русских. По партийности: 5 коммунисток, остальные беспартийные, преимущественно уголовные, несколько сочувствующих РКП, остальные попавшиеся за слово и случайно. Вот одна мелкая базарная торговка. Она попала за то, что, беседуя с соседкой, сказала, что ей все равно: будут ли здесь эсеры или большевики у власти. За это она попала в вагон, совершенно почти голая в одной юбочке и летней кофте. Эта несчастная столько натерпелась, что заболела. Образ этой несчастной часто стоит перед моими глазами: болезненная, истощенная, тихая, угнетенная, всегда одна в стороне, всегда с библией в руках, она занимала самое

худшее место у дверей, без подушки, без теплой одежды, на голом сыром полу. Без белья для смены, насекомых больше чем у всех. Никогда ничего не требовала, ни с кем не ссорилась, никого не ругала... Одна девушка лет 18, работавшая в Сызранском Совете на пишущей машинке. Две старые женщины из деревни за то, что их сыновья были в Красной армии и т. п.

Такой же приблизительно состав и в мужских вагонах. Для примера, посмотрим в мужском вагоне: муж, жена и девочка лет 8—это красногвардеец, а потому он здесь в вагоне с женой и ребенком. Активных большевиков мало, потому что чехо-эсеры успели их перестрелять и перевешать. Должна добавить, что 6 эшелонов пленных красногвардейцев были отосланы в Сибирь месяца на два раньше нас. Они находились в Томских концентрационных лагерях.

В моем дневнике упоминается предисполкома Бугульмы **Зерунов.** Этот господин оказался подлецом, провокатором. Он-т и выдал меня в Никольске-Уссурийске. Он потом оказался во Владивостоке редактором крестьянской черносотенной газеты, подписывался крестьянином **Зеруновым.** Куда он делся после падения Колчака—неизвестно.

В вагоне. Из Самары... Куда?

6-го октября 1918 года. Утро. Страшное чувство отчаяния охватило меня вчера, когда меня ввели в товарный вагон... Конец жизни, конец всему! С одной стороны, так близко счастье, свобода: товарищи приближаются, они уже в воротах города. Вот они приходят... ворота темницы раскрываются и я, свободная, счастливая, как победительница иду по улице. Но.. так неожиданно совсем другая картина.

Холодный, темный, грязный вагон. Теснота: сесть даже негде. Изломанная, скрюченная я улеглась на свой узел. На сердце холод и отчаяние... Нет радости, нет утешения... Мы—маленькая группа в 5 человек «политических преступниц»—среди толпы уголовных. Целую ночь они ссорились, ругались, дрались; обзывают друг друга всякими позорными словами. Мне страшно слышать от непривычки.

Когда я проснулась, был уже день, но в вагоне было темно, т. к. открывать люки не разрешается. Все-же лучи солнца проникают через щели, которые мы проделали ножем в стене вагона.

2 часа дня. Настроение мое улучшается; сидим заперты и запломбированы. В вагонах скандалят—требуют, чтобы выпустили для отправления естественых потребностей. В женском вагоне всего 35 человек, а в мужских по 70 чел., так что стоять даже негде, и тут же приходится устроиться и с уборной.

Едем очень медленно, поезд часто останавливается.

Что происходит на белом свете—не знаем,—отрезаны от всего мира.

7-го октября. Уже третий день безвыходно в вагоне. Запасы наши кончились. Начинаем голодать. Даже те, у которых имеются деньги, ничего не могут сделать с ними, т. к. из вагонов никого не выпускают и никого не допускают подойти к вагонам.

В соседнем вагоне мужчины стали требовать хлеба (они 3 дня не ели), стучали, кричали, звали коменданта. Новак, комендант эшелона, пришел с револьвером, и со словами: «Вот тебе хлеба»—он выстрелил в вагон. В результате—один убитый и несколько раненых. Трудно описать, что творилось в женском вагоне: плач и рыдания женщин и детей. Вот как накормил «брат-чехо-словак» хлебом «русского брата».

А что будет дальше? Зачем им возиться с нами? Я думаю, что они взорвут нас с эшелоном где-нибудь в чистом поле. Я уверена в этом.

8-го октября. Утро. Станция Бугуруслан.

Пережита страшная ночь. Поезд ночью вдруг остановился в чистом поле. Послышалась какая-то возня... Что-то происходит страшное. Мы стали всматриваться через щели вагона. Из какого-то вагона вывели человек 15, отвели их в сторону и прапорщик **Озолин,**—конвойный офицер,—расстрелял их собственноручно.

Впечатление было кошмарное. Я была уверена, что вот-вот нас всех перестреляют. Хочется только, чтобы остался какой-нибудь след, хоть маленькое воспоминание о нас, мучениках этого поезда, и об этих разбойниках—конвойных офицерах, именующих себя «социалистами»! От нечего делать эти социалисты придумали развлечение для себя. Чтобы наказать за побег, они решили расстрелять часть оставшихся в вагоне. Они это проделали таким образом: поставили всех в ряд и, считая до десяти, каждого десятого присудили к расстрелу. Вот те жертвы, которые вчера погибли от руки мерзавца **Озолина** (самарский офицер-меньшевик). Не могу прийти в себя... Легко себе представить, что еще предстоит впереди!

9-го октября. По дороге из Бугуруслана.

Новое развлечение—стреляют в вагоны. Сегодня ранили несколько человек. Как хочется помочь товарищам, перевязывать им раны... тяжело от такой пассивности, тяжело мне!

10-го октября. Сегодня прибыли в Уфу. Все страшно измучились, изголодались. Все обовшивели, в грязи и в тесноте.

Мест всем не хватает, когда нужно лечь спать. Ложимся в два ряда на полу вагона головой к стене, а ногами... ногам места нет. Но когда засыпаешь, ноги сами находят себе место... Просыпающийся сосед, почувствовав чьи-то ноги на своем теле, начинает скандалить. И это происходит каждую минуту. Лежим мы тесно прижавшись друг к другу, но это имеет и положительную сторону—мы согреваемся.

Страшно голодно. Обещают накормить обедом сегодня или завтра. До сих пор нас не кормили. Конвой недопускает и

других, желающих поднести нам провизию. Сегодня, не доезжая Уфы, женщин выпустили на несколько минут из вагона. Рабочие железнодорожники дали нам провизию и деньги. Мы научаемся нищенствовать. В этом отношении отличается из нашей группы политических сестра милосерд. **Мадиссон** (из Иващенкова). Ее метод очень простой и вместе с тем весьма практичный. Когда поезд останавливается, она становится у окна, которые мы, несмотря на строгое запрещение, все же решаемся открывать. Стройная молодая женщина, с лицом мадонны, привлекает внимание. Ее начинают расспрашивать: «кто», «откуда», «как попались» и т. п. Она наивно рассказывает о нашем положении, о голоде и т. д. Грустные глаза, форма сестры милосердия оказывают свое действие, и редко случается, чтобы после ее монолога не появились съестные припасы (конечно, в тех случаях, когда конвоиры не замечают). Вот так мы и дожили до сегодняшнего дня.

Странно, что несмотря на то, что приходится переживать такие ужасы, я в глубине души довольна тем, что являюсь участницей этих страданий, довольна потому, что никогда не поверила-бы, если-б об этом читала в книгах. Ибо такие пытки, такие мучения даже в истории человечества—явление редкое. Думаю, что со времени падения Парижской Коммуны таких жестокостей по отношению к арестованным не практиковалось.

Сегодня прапорщик Озолин советовал нам подать заявление об оставлении в Уфе. Мы все подали такие заявления, но, верно, из этого ничего не выйдет.

Сегодня купила контрабандой газету на последний рубль и передала через конвоира (относится сочувственно к большевикам) т.т. Груздеву, Вершинину и др.

11-е октября. Ночью бежало несколько человек из вагонов. Молодцы, товарищи! Сегодня нам раздавали хлеб, первый раз за все время. Обещали кормить обедом. Трудно сказать, в чем мы больше нуждаемся—в еде или в санитарии,—грязь неописуемая, воды нет, ватера нет, все делается в вагоне. Подметать вагон нечем, воду не в чем держать. Сидеть приходится на грязном полу. Я чувствую, что мои мысли все больше и больше занимаются физическими неудобствами моими, так что духовное отходит на последний план. Начинаю убеждаться в верности мысли—«В здоровом теле—здоровый дух». Я не тоскую, не скучаю даже о самых близких мне. Мысль всегда занята одним: как-бы хорошо помыться, поесть до сыта, выспаться на чистой постели и т. п. И хоть один час в день быть предоставленной самой себе. У меня даже нет сил стремиться к освобождению. Я хочу только быть одной—это мое наибольшее желание в данный момент.

12-го октября. Сегодня мы обедали на продовольственном пункте. Погода была великолепная. Когда нас вывели из вагона на свежий воздух, влилась волна силы и энергии и я за-

была обо всем том, что было пережито за последнее время. Все, что конвоиры проделали с нами, когда нас вывели, мне казалось шуткой, баловством. Нас поставили по два в ряд; кругом густой конвой. Впереди шел конвойный офицер с револьвером в руке (пьяный) и разгонял публику. Я, кажется, еще никогда не испытывала такого удовольствия от прогулки, как в этот раз. Я забыла обо всем: о прошлом, о будущем— передо мною было лишь настоящее: земля, звездное небо, люди, свободно гуляющие... и мне тогда легко дышется.

На продовольственном пункте встретила много знакомых т.т. из мужских вагонов. У всех такое веселое настроение,— тут, очевидно, влияние принятой горячей пищи после недельного голодания.

Кроме того, мы получили известия, что наша Красная армия приближается к Уфе. Обед был похож на деревенскую свадьбу. Когда мы шли обратно, нам навстречу бежал офицер, который приказал итти быстрее, потому что эшелон сейчас отправляется (Уфа начала эвакуироваться).

По возвращении в вагон, меня охватила такая тоска, что я расплакалась, как ребенок.

Во время нашего отсутствия в вагоне осталась одна женщина. Прапорщик Озолин за это время успел свести ее к себе «на допрос». Это произвело на меня тяжелое впечатление. Начинается?

12-го октября. Утро. Страшная, кошмарная ночь. Всю ночь стреляли в вагоны. Конвой, сидящий на крышах вагона, получил приказ вместо того, чтобы стрелять в воздух—стрелять с крыши в вагоны, чтобы не тратить напрасно пуль. Все же много бежало в эту ночь из вагонов на ходу поезда. Ночью вдруг постучали к нам в вагон и сообщили жене арестованного чеха **Рушазы**, что ее муж ранен в числе других пулей конвоира, стрелявшего в вагон с крыши.

Оказывается, что в эшелоне нет ни медпомощи, ни перевязочных средств. И это в поезде, где содержится 2700 человек заключенных! Раны перевязываются грязными тряпками самими же ранеными.

Сегодня снова собираются расстреливать многих по прежней слистеме—каждого десятого. Таким образом они добиваются круговой поруки за бегство арестованных. Это система бандитов, разбойников, белогвардейцев!

Очевидно, конвой состоит целиком из больших «героев»— ведь они так геройски борются с нами... И действительно, разве они не «герои»? 25 офицеров и 250 солдат, все молодцы, полны сил; ушли с фронта, чтобы сопровождать эшелон «великих преступников»... Оружие у них в большом количестве, стрелять есть в кого... ведь неважно, что те, с кем они воюют, обезоружены, измучены голодом, холодом, грязью и болезнями, заперты и запломбированы,—это все неважно!

Разбойники получают еще награду от тех, кто их посылал... а кто посылал? «Демократическая власть», «Самарский Комитет Учредительного Собрания», который состоит целиком из меньшевиков и эсеров! Это не социалисты—это изменники. Русский народ их современем привлечет к народному суду, им не помогут ни мольбы, ничего на свете. Свое наказание они должны получить—эти разбойники! Сколько жизней они загубили!

Вечер. Опять стрельба. Крики. Поезд остановился. Я пробую открывать окно, чтобы узнать, что случилось. Конвойному показалось, что в вагоне слишком шумно и (согласно приказа не портить даром пуль) он выстрелил в вагон. Нет слов, чтобы передать наши переживания.

15-го октября. Вчера не писала. Лежала целый день измученная, голодная. Сегодня прибыли в Челябинск. Население относится к нам весьма сочувственно. Крестьяне приносят хлеба, колбасы, соленых огурцов и т. п., но редко удается передать в вагоны: конвой не пускает. Женский вагон в лучших условиях в этом отношении. Итак, мы сегодня поели. Но наши т.т. в других вагонах голодны. Есть слухи, что нас оставят в Челябинске. Не верится в такое счастие. Я знаю, что меня не освободят, посадят в тюрьму; но тюрьма кажется мне раем по сравнению с вагоном. Как бы дождаться завтрашнего дня!

16-е октября. Челябинск. Здесь кормили нас на продовольственном пункте. Подкормили, чтобы опять мучить. Сегодня уезжаем в Омск.

Полночь. Что-то невероятное. Начинается то, чего мы женщины все так боялись... Вечером, когда все улеглись спать, вдруг раздался стук в дверь... Сняли пломбу, и дверь открывается: «На допрос сестру Мадиссон»!.. Мы все вскочили.

— Как так ночью на допрос?! Она не пойдет, мы ее не пустим.

На нас были направлены дула винтовки и револьвера. Мадиссон завернулась в свою большую черную шаль и пошла. Через полчаса ее доставил обратно в вагон поручик Колотухин.

Дело в том, что Мадиссон понравилась начальнику эшелона Иванову и поручику Колотухину. Когда последний заметил, что Иванов ведет ее в свой вагон, он подошел к ней, взял ее под руку и увел обратно в вагон (благо Иванов был пьян). Между тем, около вагона собрались конвойные офицеры и начался спор, ругань между Ивановым и Колотухиным. Первый грозил перестрелять всех женщин, весь эшелон, превратить в груду пепла нас всех: «Я не какой-нибудь прохвост, у меня погоны». У него 6 пулеметов и 150 татар, которые стреляют без промоха. Пьяные—они чуть не подрались. Каждую минуту казалось, что вот-вот они нас перестреляют. Но, вдруг заговорили тихо. Кто-то подошел к вагону с известиями о Са-

маре, что будто бы она опять взята учеридолвцами. Кажется, что это сообщение спасло нас от смерти на этот раз.

17 октября. Едем быстро. Остановок мало. Уже в Петропавловске. Я никогда не была в Сибири. Хочется осмотреть города, которые проезжаю, но... я под пломбой. Горы, долины, леса... Настроения, воспоминания... Я узнала, что активных большевиков отобрали в отдельный вагон, человек 50, их собираются расстреливать. Там и все наши самарцы!

Вечер. Едем дальше. Ночь светлая. Выпал снег. Проехав несколько времени, поезд остановился на дороге. Мы услыхали возню, потом залп. Несколько десятков товарищей были расстреляны. И поручик Озолин добивал их из револьвера.

18 октября. Вечер. Прибыли в Омск. Нет больше сил. Настроение отчаянное. Не хочется жить. Я не в состоянии больше пережить ужасные сцены расстрелов. Со вчерашнего дня кажется, что жизнь моя кончилась.

19 октября. Утро. Три дня голодали. Ночью разбудили обедать. В 2 часа ночи! У меня было такое чувство, как будто плюнули в лицо. Такое унижение, такое издевательство! От вращение охватило меня, и я не могла есть. Мне хотелось сломать, уничтожить все и всех, особенно себя. Сначала подали хлеб и щи, а через несколько часов, когда все уже улеглись спать, принесли кашу. Этот обед я никогда не забуду. Как будто разбойники; боялись, что мы можем получить удовольствие от обеда во-время. Но жизнь нашу они почему-то должны подерживать—так они нас будят ночью обедать: на, давись...

Мы находимся по дороге в Ново-Николаевск. Едем довольно быстро. Куда?.. Наступила зима. Страшно холодно. Лежим на полу. Печки нет. Нет и нар. Ночью не особенно холодно, благодаря тесноте. Это хотя и негигиенично, но о гигиене пора забыть. Многие из арестованных отдали свои вещи за кусок хлеба, а теперь почти голые. День. Поручик Кунак стрелял сегодня в вагон и ранил несколько человек. Это один из самых больших мерзавцев-офицеров.

20 октября. Ново-Николаевск. Велись переговоры об оставлении нас здесь. Но напрасно. Никто нас не принимает. Никому не нужны. Лишние на свете...

Нас кормили обедом. В первый раз сегодня выпустили из вагонов часть арестованных, которые разносили обед по вагонам. У них ужасный вид: исхудалые, обросшие, с всклокоченными волосами, грязные, черные лица, оборванная одежда. Дрожь охватывает, глядя на них.

Ночь. Не спится. Читала газету. Ни одного слова правды... Сколько грязи они бросают на большевиков. По сведениям газеты, Самара занята белыми. Я не верю. Однако, меня это сильно тревожит. Железнодорожники в Сибири бастуют. Они выставили экономические и политические требования. Вый-

дет ли из этого что-нибудь?... Светлый луч, искра надежды, вероятно, скоро исчезнет!

Вечером вызвали на «допрос» трех женщин. Какая мерзость! Мы их отправили в сопровождении старшей вагона. Таким образом мерзавцы были вынуждены отправить их обратно в вагон. Не хватило нахальства оставить их у себя...

22 октября. Ст. Тайга. Два дня не писала. Не было просто физической возможности. За эти два дня пережила много интересного. Попробую описать эти события по порядку. 20-го весь конвой шатался пьяный. Целый день стреляли в вагоны. Несколько человек было убито, много ранено. Целый день мы жили в смертельном страхе. Не хочется умереть от пули пьяного солдата. Уголовные женщины, которые занимаются целыми днями ссорой и руганью, присмирели, притихли и сидели тихо в своих углах, считая последние минуты своей жизни.

Вчера 19/X поезд долго стоял среди дороги. Падал снег. Поднялась метель. Мы сидели тихо в вагоне, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Вдруг—снимают пломбу и открывают дверь. Появился Колотухин, испуганный, вобужденный. Просил меня возможно скорее пойти в офицерский вагон: ранен офицер; я вскочила от радости и прямо пошла с ним. В офицерском вагоне я увидела такую картину: человек 6 офицеров—все молодые, все пьяные, и несколько деньщиков, тоже пьяные. Посредине вагона сильно натопленная печка. Некоторые офицеры уже заснули пьяные, некоторые сидят с бутылками алкоголя в руках. Раненый лежит на нарах, испуганный, бледный... Осмотрела рану. Весьма серьезная рана в животе. Пуля осталась там. Перевязав рану, я заявила, что на ближайшей станции нужно достать санитарный вагон и отправить раненного в Томск, на операцию. Целый день мне пришлось пробыть в вагоне около раненого белогвардейца. Поезд остановился на первой станции, 80 верст от ст. Тайги. Я пошла в сопровождении конвойного офицера в аптеку. Мой конвоир ушел, а я осталась в аптеке ждать лекарства... Это было вечером, очень темно. Сильный мороз и метель. Место совершенно незнакомое. И без копейки денег, без паспорта, без пальто, только завернутая в шаль, все-таки я хотела бежать, не возвращаться в вагон.

Боролись два чувства: стремление избавиться от эшелона. Да, но ведь за меня пострадают другие, оставшиеся в вагоне, и даже весь эшелон... Второе победило—и я вернулась обратно.

До станции Тайги я проехала в санитарном вагоне. Я там великолепно отдохнула, помылась, сидела на скамейке и т. д. и т. п.

Интересно, каким образом был ранен белогвардеец Кунак. Бандит Иванов по ошибке (весьма полезная и счастливая ошибка) выстрелил в офицерский вагон, вместо вагона аресто-

ванных (был видимо порядком пьян) и пуля попала Кунаку в живот.

Конвой поджал немножко хвост после этого случая. Стараются быть любезными с доктором. Ладно. Я постараюсь использовать этот случай. Попрошу разрешения посещать товарищей и т. д.

На ст. Тайга должны были произойти важные события. Железнодорожники собирались нас освободить. Конвой приготовился к нападению: выставил свои пулеметы и вооружился до зубов.

Тогда рабочие потребовали, чтобы были вставлены печки и сделаны нары в вагонах. Пока поезд не пропускают.

23 октября Ст. Тайга. Сегодня поставили печки, не во всех вагонах. Обещают на следующей станции поставить в остальных.

Вечер. Мы едем дальше. Скоро уже Красноярск. Симпатии населения очень велики к нам (рабочих и крестьян). Они делают все, что могут, чтобы облегчить наше положение. Провизию несут со всех сторон. Очень часто их за это угощают прикладами конвоиры. Но они не останавливаются ни перед чем. Женщины крестьянки обливаются слезами, видя, как мы сидим запертыми... Они плачут, причитая: «миленькие соколики!». И мы сами начинаем себя жалеть...

На раз'езде после ст. Тайги, при попытке рабочих поднести провизию арестованным, по распоряжению дежурного офицера, были произведены выстрелы, ранено несколько рабочих.

24 октября. Ст. Красноярск. Сегодняшний день один из удачных, и вместе с тем, самых тяжелых переживаний для меня. После долгих переговоров с дежурным офицером Колотухиным, я получила разрешение оказать медецинскую помощь больным и раненым товарищам. То, что я увидела в мужских вагонах не поддается описанию. По 60 человек в вагоне, грязь ужасная, воздух удушливый. На нарах полно больных тифом и раненых пулями конвойных офицеров, стрелявших в вагоны. Лица грязные, осунувшиеся. Полуголые и в лохмотьях. Они просят у меня помощи... Но что я могу делать, кроме как перевязать их раны! Они просят воды, тепла...

Здесь режим несколько легче. Мне разрешили вместе с двумя женщинами из нашего вагона носить воду для товарищей мужчин. Целый день мы таскали воду; но запас невозможно делать, у них нет посуды, за исключением маленьких банок из-под консервов, и то не у всех. Также допускают сегодня подавать провизию через окна вагона. Арестованные стоят у окон вагона и просят: «дяденьки, тетенки, дайте мне, дайте нам... Конечно, не все получают, только более сильные, которым удалось захватить окна. Остальные продолжают голодать, ибо на всех не хватает.

26 октября. Ст. Иркутск. Говорят, что дальше нас не могут везти. Начальство поезда ушло в город вести переговоры с

местной властью об оставлении нас здесь. Около нашего поезда стоит несколько поездов с «народоармейцами». Они очень сочувственно относятся к арестованным.

27 октября. Ст. Иркутск. Отношение населения великолепное. Провизию носят со всех сторон, приносят газеты, папиросы, деньги. Сочувствие окружающих вливает в меня струю жизни и энергии. Со всех сторон приносят передачи для доктора (меня). Наш поезд переставляют с одной линии на другую, чтобы отбиться от посетителей, но не помогает.

Нас поставили на полустанок Инокентиевское, близ ст. Иркутстка. Рядом стоит санитарный поезд с надписью учредилки... но я узнаю его, это один из моих поездов на Оренбургском фронте. Из поезда стали указывать пальцами на меня (я стояла у окна): они меня узнали... Завхоз поезда (прежний) подошел, чтобы поговорить со мной. На него набросились стоявшие три казака и чуть не застрелили его. «Вот мы сейчас уничтожим весь эшелон с пленными на твоих глазах»—кричали они. Бандиты были так возбуждены, что я думала, что действительно дело не обойдется без эксцессов.

28 октября. Мы опять на ст. Иркутск. Сегодня была у больных товарищей: число их увеличилось. Различные тифы, дизентерия и т. п. Один фельдшер из народоармейского эшелона (самарец) передал мне перевязочный материал и медикаменты (до сих пор у меня ничего не было).

К счастью начинают заболевать также и конвоиры. Это обстоятельство дает мне возможность чаще посещать больных товарищей, так как начальство вынуждено относиться ко мне лучше, они пользуются моими услугами. Целый день носила воду в мужские вагоны, передала газету товарищам, кое с кем разговаривала... В связи с заболеваниями конвойных, я пользуюсь некоторой свободой. Но все остальные сидят попрежнему запертые и запломбированные. Все, что в моих силах стараюсь делать для облегчения их участи.

29 октября. Надежда на то, чтобы нас оставили здесь слабеет. Здесь оставляют только уголовных, а нас отсылают в Читу в распоряжение бандита Семенова... По местным газетам я успела познакомиться с деятельностью разбойника... В женском вагоне стало свободно; уголовных женщин высадили. Нас осталось 10 человек. Стало очень удобно. Одно только меня безпокоит: офицеры стали слишком часто ходить к нам, слишком хорошо к нам относятся. Замечается уже «ухаживание».

31 октября. Вчера вечером выехали из Иркутска; я собиралась смотреть Байкал. Женщины стали укладываться спать, а я пробралась потихоньку к окну, чтобы открыть его и смотреть природу Байкала. Вдруг поезд остановился. Слышен голос: «Это вагон красных сестер?!!». Несколько ударов в дверь, снимается пломба, и в вагон входит начальник эшелона, пья-

ный: «Я получил телеграмму, что в вагоне совершилось преступление и остановил поезд. Все в вагоне?» С этими словами он полез на нары с револьвером в руке. Он стал приставать к женщинам...

Одной девушке лет 19 он вывихнул руку, приставая к ней. Несколько часов он проехал в нашем вагоне, все время грозя револьвером. Наконец, поезд остановился, и он, видя, что ничего не выходит в вагоне, приказал одной из женщин пойти с ним на «допрос»... Мы все кричали, что не пустим ее. Тогда он бросился стрелять в нас. Мы потушили свет и все полезли под нары...

2 ноября. Чита. Мы уже в руках разбойника Семенова. Сидим днем в темноте... Кругом жуткая тишина, нарушающаяся криком истязаемых из дальных вагонов... Семеновские бандиты вываются в вагоны и бьют товарищей нагайками и поленами... Из нашего вагона пьяные офицеры не вылезают... Кошмар, ужас... Однако мои нервы так переутомились, что как будто перестали реагировать так, как это следовало бы на такие страшные, позорные насилия... Я пишу, кажется, совершенно хладнокровно... Но где-то глубоко в моей психике я чувствую боль, которую нельзя сравнить ни с какой физической болью... Офицеры говорят, что они сидят, чтобы охранять нас от нападений... Очень хорошо... Но слишком дорого обходится нам охрана!!.

3 ноября. Мы все еще в Чите. К поезду посторонних не пускают, за исключением казаков, которые делают с арестованными, что им только вздумается. Часто слышны выстрелы и крики. Кто-то стал подходить к поезду, чтобы подать газету,—он был убит семеновцем на месте. Ужасно... Наш поезд несет смерть не только своим обитателям, но и посторонним.

4 ноября. Нас уже отправили из Читы, на Русский остров, за Владивостоком. Никто из нас не знает, что это за место, но мы очень довольны, что уехали из Читы. «Ухаживания» старших конвоиров переходят всякие границы...

5 ноября. По целым ночам нас не оставляют в покое... Офицеры не выходят из вагона. Днем и ночью мертвецки пьяные, они приходят в вагон, растягиваются на нарах, пристают, жить не дают... Несколько женщин, боясь расстрела, отдались им. Никакие протесты не помогают. У них теперь очень много свободного времени, ибо им уже не с кем воевать: почти все товарищи лежат—одни больные, другие раненые.

Я чувствую, что они меня считают большой помехой в вагоне. Они, вероятно, постараются избавиться от меня. Пусть смерть,—только пусть их грязные лапы не посмеют дотронуться до меня.

6 ноября. Число больных все увеличивается как среди арестованных, так и среди конвоя. Поезд идет с небольшими задержками, так что у больных почти не приходится бывать.

8 ноября. Харбин. Сегодня санитарная комиссия осмотрела вагоны: установлено наличие сыпного тифа. Умирает по несколько человек в день. Их трупы выбрасывают по дороге. Товарищи погибают от тифа и ран. Их родные и близкие никогда не увидят, даже не узнают, где они погибли... Когда-нибудь, может быть, они узнают от оставшихся в живых (хотя сомневаюсь, останется ли кто-нибудь), что их дорогие сыновья или родители погибли от рук разбойников—эсеров и меньшевиков в дороге по необ'ятной Сибири и там же нашли себе могилу... Спите спокойно, дорогие товарищи! Мы клянемся отомстить за вас!

9 ноября. Вчера выехали из Харбина. Сегодня получила разрешение осмотреть всех больных. Но, к сожалению, я сама заболела при осмотре первых двух-трех вагонов, ибо самые здоровые люди, даже враги, с самыми крепкими нервами, не были бы в состоянии перенести те ужасы, которые мне пришлось видеть в некоторых из вагонов. Люди превратились буквально в животных; валяются на земле, в грязи, насекомые покрывают их полунагие тела... Посреди вагона нетопленная печь... холодно. Больные лежат частью на нарах, частью на земле. Тесно прижавшись к печке лежали четыре больных со слабыми признаками жизни, скелеты. Точно мухи осенью прилипают к теплому месту и там же умирают, так и эти люди, ища последний луч тепла у печки, тут же у печки испускают свой последний вздох и умирают.. Один скончался при мне... Остальные, собравшись с последними силами, просили у меня лекарства. В этом вагоне, очевидно, происходила борьба за существование: более здоровые физически захватили лучшие места в вагоне, которые давали возможность получать подаваемую провизию населением. На всех не хватало провизии. Конечно, те, которые получали ее в первую очередь, кормили себя. Слабые же голодали, ослабевали, выталкивались из нар, ложились на полу и... больше уже никогда не вставали.

12 ноября. Я уже больше не в состоянии продолжать мой дневник. Но я постараюсь напрячь всю мою психику, чтобы записать то, что произошло со мной вчера. Ибо я уверена, что не миновать мне смерти в этом эшелоне, в лучшем случае, я сама покончу с собой.

9-го почти всю ночь отбивалась от «ухаживания» пьяного офицера, пряталась по всем углам вагона... Он, наконец, дошел до такой ярости, что выхватил свой револьвер и хотел стрелять, но я предупредила несчастье еще тогда, когда он вошел в вагон: с помощью еще двух женщин я вытащила револьвер, вынула пули и вложила револьвер обратно. Так что ничего не вышло из его желания стрелять,—он между тем отрезвился.

Вчера днем часа в два поезд стоял на каком-то разъезде. В вагоне было тихо. Вдруг заходит, считавший себя социалистом, Озолин и приказывает женщине, с которой у него давно были «интимные» дела, перейти в другой вагон. Она стала

возражать, тогда он ее силой выбросил из вагона. Я не могла удержаться и крикнула: «как это бесчеловечно!» Он ушел. Через несколько минут он вернулся и позвал меня.. Когда я вышла, он мне заявил, что он должен меня расстрелять за то, что я веду агитацию среди конвоя... Он велел мне стать у телеграфного столба, но затем открыл один из вагонов и, впустив меня туда, стал стрелять... Я увидела около меня льется кровь... Все в вагоне улеглись на пол. Он все стрелял... Затем он открыл двери и еще несколько раз выстрелил... Выстрелив последний патрон, он ушел за патронами, чтобы покончить со мной... Поезд между тем ушел дальше. Я в это время осмотрела поле битвы: в вагоне оказалось трое убитых на смерть и несколько раненых. Я перевязала раны. Через час поезд остановился на раз'езде. Я попросила часового позвать дежурного офицера. В это время из вагона, где находился караул, потребовали доктора: больному стало плохо, так что дежурный офицер был вынужден выпустить меня из вагона и повести к больному. Вот так, благодаря случайности, я осталась жива.. Нервная система страшно пошатнулась... Мне кажется, что сойду с ума. Ни за что не отдамся в их руки живой... Я постараюсь достать яд...

13 ноября. Сегодня пошла доставать медикаменты на станции в приемный покой. Я была с конвоиром... Достала 50 грамм опийной настойки, вполне достаточная доза, чтобы уснуть навсегда... На душе стало спокойнее.

15 ноября. Какое-то странное изменение отношений со стороны самых главных разбойников (социал-предателей) офицеров Озолина и Иванова. Они стали заботиться об арестованных. Их заботливость дошла даже до того, что они сами достали перевязочный материал, чтобы наложить повязку одному товарищу, которому они же разбили кость бедра и голени. Когда я накладывала повязку, мерзавец Иванов (начальник эшелона) заботливо осведомлялся у меня, будет ли он жив (это был один из активных сызранских товарищей, фамилии не помню). Кроме того, он пошел со мной к коменданту станции хлопотать, чтобы товарища приняли в больницу, что и удалось. Мне Иванов заявил, что я им очень нужна, являюсь самым полезным человеком, и что меня он будет беречь, предоставив мне купе в офицерском вагоне... От такой любезности я, конечно, отказалась. Но дело не в этом. Будучи почти два месяца изолированна от внешнего мира, я имела слабое представление, что происходит в меньшевистско-эсеровской директории. Мне все же кажется, что их песня спета... И вот эта сволочь-офицеры—струсили, а поэтому стали лебезить перед нами... Как я счастлива, даже при одном предположении, что эсеро-меньшевистская власть свергнута.

16 ноября. Ст. Пограничная. Здесь стоим целый день. Вечером несколько железнодорожных рабочих подошли к окну

моего вагона и ознакомили меня с положением. Ужасные репрессии. При малейшем подозрении в большевизме железнодорожников увольняют, сажают в тюрьму. Страшный Калмыковский грабеж. Арестованных калмыковцы убивают без всякого суда. Крестьяне бегут в сопки, оставляя в деревне только женщин, детей и стариков. Казацкий атаман Калмыков является самодержцем в данной местности. Теперь я начинаю понимать, почему наш «демократически»-настроенный конвой поджал хвост...

18 ноября. Ночь. Сегодня прибыли в Никольск-Уссирийск. Уже дальше нас, кажется, не могут вести, ибо все население вагонов больно различными заразными болезнями. Режим довольно сносный: выпускают даже из вагона арестованных, которые ходят по домам собирать подаяние.

20 ноября. Отношение рабочих трогает меня до слез. Они по целым дням и ночам носят провизию, одежду и делят между нами. Одна девушка сняла с себя платье и отдала одной из арестованных. Что с нами собираются делать—неизвестно... Рядом с нашим поездом стоят еще два поезда пленных красногвардейцев (в одном мадьяры), которые были отправлены из Тоцкого лагеря пленных, еще раньше нас. С мадьярами обращаются ужасно жестоко: калмыковские офицеры избивают их нагайками и шашками.

21 ноября. Сегодня мне передали записку с адресом. Мне стало так тепло на душе. Американский красный крест осматривает наши вагоны, фотографируют и, кажется, что-то хотят сделать для нас.

22 ноября. Вечер. Кошмарный день. Всех выгрузили из вагонов, с тем, чтобы перевести в город. Больные весь день валялись на улице, потом их погнали куда-то (в лагери, кажется), а нас, большевиков, собирались отправить на гауптвахту. Мы уже отправились туда, но вдруг всех снова вернули сбратно и поместили в поезде. Что они собираются делать с нами?

24 ноября. Сегодня целый день отбирали больных для отправки в Никольский военный госпиталь. На 300 мест я отобрала 600 больных. Поместят ли их всех в госпитале? Я так рада, что больные товарищи наконец отдохнули и полечатся. Весь женский вагон вставила в список, чтобы положить конец тем безобразиям, которые имели место в нем... Дежурный офицер Озолин было запротестовал, но потом согласился. Остальных пленных повезли обратно в Иркутск. Я пока еду с больными провожать их в госпиталь. Настроение у меня довольно хорошее. Думаю, что мне удастся здесь вырваться из их лап...

30 ноября. Все время не писала. Страшно нервничала. Когда я приехала в госпиталь, нашла всех наших женщин в прачечной госпиталя, на кухне; там же помещались кошки и

собаки. Надзирательница прачечной, относящаяся с большим сочувствием к большевикам, устроила меня у себя в коридоре на сундуках и дала чистую постель. Я, может быть, еще никогда не испытывала такого огромного физического удовольствия, как в ту ночь. Мне казалось, что если мне разрешать жить в этом коридоре, я буду счастливым человеком. И то, что я не вижу больше тех женщин, которые были в вагоне, и то, что всю ночь находилась одна, сама с собой наедине,—ведь это огромное счастье. Ведь я уже, почти, четыре месяца не бывала одна, даже ночью. И вдруг целую ночь одна в коридоре! Каждая клетка, каждый атом моего организма впитывал в себя охватившее меня вдруг спокойствие, когда все улеглись спать и я осталась одна, я почти всю ночь не уснула от избытка приятных ощущений... Но утром я себя чувствовала совсем больной и не могла встать. А по моему коридорчику ходили люди то туда, то обратно.

У меня было одно желание: никого не видеть и никогда не вставать. Никто и ничего меня не интересовало: словом полнейший психоз. Я, действительно, думала, что начинается психическое расстройство. Но пришлось встать: заболела Юза, одна из наших политических, и нужно было досмотреть, что с ней и заставить ее лечь в больницу. У ней оказалось гипозное воспаление легких, и через пять дней она скончалась; заболела Модиссон и еще одна девушка. Пришлось забыть о своих нервах и посещать товарищей в больнице, которые были очень рады моему приходу. Много уже умерло из перевезенных из поезда. Сплю я все время в коридорчике, обедаю на кухне. Избегаю ложиться в больницу, чтобы иметь возможность связаться с городом: из больницы не выпускают, а тут нахожусь пока без надзора.

2 декабря. Мое положение ухудшилось: надзирательница прачечной заразилась от нас тифом и лежит в больнице. Приехали ее родные, и мне пришлось переселиться из коридорчика в кухню. Дым, копоть, угар, кошки и собаки... и я там... Сегодня отправила письмо по данному мне адресу. Нужно что-нибудь предпринять.

10 декабря. Настроение лучше. Связалось с железнодорожными рабочими, приходили ко мне, приносили газеты. Познакомили меня с положением, обещали достать документы...

В госпитале меня страшно притесняли. Главврач ни за что не разрешает работать в госпитале, а я чувствую, что работа облегчила бы мои страдания. Заболели сыпным тифом две из лучших политических женщин: самарские большевички (латышки). Встречаюсь здесь с крестьянами. Их калмыковские офицеры грабят и избивают нагайками и плетьми при малейшем подозрении в большевизме. Крестьяне бросают все и бегут в сопки к партизанам. Ночью некоторые пробираются в деревню, чтобы запастись хлебом и перменить белье. Калмы-

ковцы отбирают у них скот и лошадей. Ужаснейший произвол и анархия.

12 декабря. Была в городе у Котушко. Познакомилась с председателем подпольного комитета большевиков. Как горячо товарищи меня встретили. Старики (муж и жена) старые революционеры-рабочие. Он уволен со службы за большевизм: каждую минуту ожидает ареста. Она совершенно безграмотная, но поразительно сознательная. Она меня пригрела, приласкала, как мать... Мне стало приятно до слез от ее нежного отношения. Катушко—хохлы (это их дочь мне передала свой адрес, когда я находилась в вагоне). Все рабочие железнодорожники наперерыв приглашают меня к себе, стараются пригреть, накормить (сами голодают). Стоило, мне кажется, так много страдать, даже из-за того, чтобы заслужить такое отношение со стороны рабочих. Словом, со вчерашнего дня я, кажется, самый счастливый человек. Мне достанут паспорт и я уеду во Владивосток.

Для меня открывается новая жизнь, новые горизонты... к партизанам...

20 декабря. За это время произошло много нового. Я часто бываю в больнице, беседую с больными, читаю и разъясняю газеты, сообщаю им о политическом положении. Чувствую, что мои посещения вливают в них жизнь и энергию. Многие уже выздоровели и переведены в концентрационные лагери. Здесь в окрестности находится около пяти тысяч военно-пленных германцев и австрийцев. Познакомилась с многими из них: все страшно враждебно настроены против колчаковской власти... Много из красных пленных бежало к партизанам в сопки. Из Владивостока приехал прокурор снять с нас допрос (нас доставили сюда без «дел», так как за два дня до эвакуации нас из самарской тюрьмы, начальник тюрьмы эвакуировался со всеми «делами», документами, деньгами, лошадями и вообще со всем инвентарем тюрьмы; наш эшелон должен был застать его в Уфе, но его там не оказалось). Итак, допрос прошел блестяще, и нас, женщин, освободят под надзор милиции. Я бываю часто в городе. Встречаюсь с работницами фабрики, веду переговоры, чтобы поступить туда на работу. Со мной нет никаких документов и мне лучше жить нелегально. Мое материальное положение еще стало хуже: в кухне, где живу, постоянно ужаснейший дым, просто задыхаюсь, глаза выедает. Хочется почитать, писать, но негде. Когда же будет конец этим страданиям!

Слухи, что Колчак бежал, что партизаны заняли много деревень. Настроение среди рабочих приподнятое. Много рабочих уходят в сопки к партизанам. Колчаковские бандиты творят нечто невероятное! Сегодня были похороны трех товарищей (сидели в тюрьме), изуродованные трупы которых были найдены около сопки близ города. Несмотря на ужасный террор, все рабочие бросили работы и были на похоронах. Не-

годяи забирают из тюрьмы большевиков, а потом их трупы иногда находят ужасно искалеченными...

30 января 1919 г. Никольско-Уссурийский арестный дом. Постараюсь записать все то, что произошло со мной за последний месяц (возможно, что в последний раз). В начале января был почти решен вопрос об освобождении всех женщин под надзор полиции. Я часто бывала в городе, встречалась с товарищами и т. п.

В больнице я подружилась с бывшим председателем бугульминского исполкома Зерновым, который тоже был в поезде смерти. Его чисто отеческое отношение ко мне сделали меня очень доверчивой и я делилась с ним всем тем, что мне приходилось делать в среде больных госпиталя и пленных. Между тем ко мне стали доходить слухи, что старший врач госпиталя послал на меня донос, что я занимаюсь пропагандой. Слухи стали все упорнее; нужно было что-нибудь предпринять... В субботу, 23 января, я ушла из госпиталя, чтобы не возвращаться. Ночью товарищ (пом. машиниста паровоза) должен был отвезти меня на паровозе во Владивосток. Но вечером того же дня я получила официальное известие, что освобождена под надзором. В понедельник должна явиться за документами в милицию. Когда я зашла к начальнику милиции, ко мне был приставлен конвой и об'явлено распоряжение начальника гарнизона об аресте еврейки Зальцман. Я уже шесть дней в тюрьме. Была на допросе в контр-разведке; мне пред'явлено обвинение в большевистской пропаганде, которая карается по колчаковским законам—повешением. Итак, я в лапах Колчака. Нахожусь пока в арестном доме, скоро переведут в тюрьму. Милиционеры относятся очень хорошо к большевикам. Со мной в камере находятся: женщина за пьянство, одна за воровство и проститутка с провалившимся носом от сифилиса. Подают есть всем в одном котле.... Со мной нет постели; товарищи не знают о моем аресте, и для них опасно ходить ко мне. Арестованные относятся ко мне страшно чутко, также и охрана.

Никольско-Уссурийская тюрьма.

7 февраля. Сегодня начальником тюрьмы было вручено мне обвинение такого содержания: «Именующая себя врачем еврейка Зальцман обвиняется в большевистской пропаганде и агитации среди больных и служащих военного госпиталя и среди военнопленных» и т. д.

Настроение у меня бодрое. Тюремная жизнь здесь очень любопытная. Хочу отметить одно обстоятельство: в тюрьме нет женского отделения, и вот, когда меня перевели сюда, посыпались со всех сторон записки, письма, стихи различного содержания, начиная от игривого и кончая весьма серьезными письмами от давно заключенных товарищей. Услужливые «хади» аккуратно передавали письма. Низший надзор отно-

сится сочувственно, передает газеты и известия о действиях партизан. Получаю книги из тюремной библиотеки, читаю запоем отрывки из старых, разорванных (без начала и конца) приложений «Нивы». Читаю газеты. Меньшевистская «Дальневосточное Обозрение», выходящее во Владивостоке, мечет гром и молнии по поводу приглашения большевиков на «Принцевы острова», приходит в умиление от «миротворца» Вильсона. О революции в Германии трудно получить ясное представление по этим газетам. Но чего нет в газетах, приходится поработать своим собственным воображением. Совершившийся там переворот вливает целый поток жизни в мою до конца измотавшуюся душу.

10 февраля. По рассказам надзора, партизаны подошли очень близко к Николаевску. В городе очень тревожно, безумный белый террор. В Хабаровске было восстание в калмыковской армии. Многие, захватив пулеметы и оружие, перешли к партизанам. Остальные арестованы. Ко мне посадили женщину, которую арестовали вместе с ее женихом, которого подозревают как участника восстания в Хабаровске. Вполне сознательная работница, большевистски-настроенная. Вообще, за исключением генералов, офицеров, помещиков, все на стороне большевиков.

Теперь мне не страшно умереть, но сильно хочется жить, чтобы видеть нашу победу. Сегодня у меня была на свидании дочь Котушко, не взирая на то, что даже начальник милиции советовал ей не брать пропуска ко мне, ибо это может навлечь на нее подозрение. Она пришла ко мне, милая, славная.

11 февраля. Пишу в последний раз... Прощаюсь с жизнью и со всеми теми, которые были дороги мне. Сегодня ночью покончит со мной какой-нибудь колчаковский бандит. Странно, до революции, при малейшей личной неудаче, я была готова покончить с собой, я совсем не дорожила своей жизнью. Совсем другое испытываю сейчас: жить хочется очень сильно... Хочется видеть, участвовать в нашей конечной победе... Она, ведь, близка... Я верю в нее всеми фибрами своей души. Как сильно жить хочется... Узнает ли кто-нибудь из моих друзей, где я погибла... Мне было бы, кажется, совсем легко, если бы здесь был бы кто-нибудь близкий, родной... Жизнь моя кончается в самом интересном моменте революции, и я горда сознанием, что была хоть маленькой песчинкой в громадной машине рабочего движения за его освобождение. Привет всем борцам!.. Проклятие всем эсеро-меньшевистско-калчаковским бандитам!..

Владивосток. Тюрьма.

20 февраля. Ура! я так-таки вырвалась из лап калмыковских негодяев. Меня перевели во владивостокскую тюремную больницу. В тот день, когда меня собирались «вывести», со мной случился нервный припадок, явился врач и распорядил-

ся перевести меня во Владивосток. Через неделю получилось разрешение начальника гарнизона о переводе, и 19 февраля я прибыла сюда с этапом. Как мне хорошо здесь. Нахожусь в тюремной больнице, в чистенькой палате. Режим сравнительно не строгий. Надзор связал меня с политической коммуной (заключенных), передает записки, книги, газеты. Большевиков в тюрьме много.

28 февраля. Приходили ко мне на свидание из Ц. Б. профессиональных союзов. Связь с городом есть. Надзиратель бани передает письма в город и т. п. Он бывает у меня часто. Товарищи думают предпринять что-нибудь по поводу моего освобождения.

15 апреля. Все время лежала больная. Сильное нервное расстройство. Полнейшая апатия Начинаю поправляться. Выхожу уже на прогулку. За это время пришлось много пережить в связи с побегом смертника тов. Абрамова, за несколько часов до казни. С ним бежал тот самый надзиратель, который посещал меня. Кроме того, мне приходилось быть в камере смертника (он лежал в больнице), чтобы передать ему кое о чем... Подозрение пало, что я способствовала побегу. У меня был строжайший обыск, вся контр-разведка обыскивала меня, но ничего предосудительного не нашли.

Интеллигенция (адвокатура и т. п.) переходит на нашу сторону, или вернее, становится противниками Колчака. Это обстоятельство спасет многих из нас. Режим стал очень строгий. Приехал новый начальник тюрьмы.

18 апреля. Пережила кошмарную ночь. Казнили ночью больного, который доживал последние дни (гнилостное заражение крови после тяжкого ранения). Его понесли к месту казни на носилках, и на носилках его расстреляли. Какое варварство!..

29 апреля. На-днях начала выходить на прогулки, после трехмесячного лежания в постели. Со мною в больничной камере находится тов. Шимановская, муж которой был расстрелян на ее глазах в Благовещенске (комиссар жел. дор.). Она была выпущена по болезни, и недавно снова арестована. Очень интересный человек. Сильно страдает вследствии казни мужа. Она меня знакомит с происходившем в Благовещенске во время падения Советской власти, — какие ужасы творили там белогвардейцы! Ее присутствие действует на меня очень хорошо.

30 мая. Настроение у всех нас очень хорошее. Вести с красного фронта весьма утешительные. Отбито наступление Колчака на Самару, и идет наступление наших. У нас в тюрьме имеется кухонное телеграфное агентство—«Кухта». По этим сведениям мы ежедневно берем по несколько городов у Колчака.

Владивостокская городская больница.

25 августа. Уже давно не писала. Все время сильно болела, чуть не умерла. Благодаря ходатайству одной коммунистки, Мани, которая назвала себя моей близкой родственницей, достала деньги на залог и поручителя, меня перевели в больницу на операцию. За истекшее время в тюрьме среди большевиков обсуждался вопрос об участии рабочих в готовящемся выступлении против существующей власти чехо-словацким генералом Гайда, вместе с некоторыми сибирскими эсерами (областники) и другими «демократами». Решено принимать участие, конечно, на известных условиях.

Выпущена из тюрьмы 19 августа. Нельзя сказать, чтобы меня особенно радовало мое освобождение: не было физических сил наслаждаться свободой. Хотелось бегать по городу, все осмотреть и т. д., и т. п. Но двигаться не в состоянии. Я только покаталась на лодке с товарищами, а потом слегла. Вчера легла в больницу. Необходима операция, но врачи боятся дать наркоз, ибо сердце очень плохое. Я же настаиваю на операции, мой девиз: жить полной жизнью, или не жить совсем.

15 сентября Через два дня будет операция. Был у меня т. Груздев и Цепелевич. Приходят и многие другие меня проведать. Больница является продолжением тюрьмы. Когда же, наконец, буду на свободе!..

17 сентября. Через час операция. Настроение великолепное: ведь я приближаюсь к освобождению. Я буду в состоянии ходить, бегать, работать веселиться. Больные говорят, что я готовлюсь, словно на бал. После операции проберусь в Самару, обязательно. Я не умру, коль осталась жива до сих пор...

23 октября. Один из счастливых дней моих: начала работать в городской больнице. Дело в том, что я совсем не надеялась, не имея с собой никаких документов вообще и о моем медицинском звании в частности, попасть в больницу врачем.

Очень много мытарствовала за последний месяц. Когда я должна была выписаться из больницы, условилась с товарищами, что будет комната и паспорт. К назначенному дню товарищ пришел за мной, но по дороге я узнала, что нет ни того, ни другого. Наконец меня поместили у одного рабочего в «Рабочей слободке». Жить было очень тяжело, далеко ото всех, квартирные условия тяжелые, питаться нечем, вдобавок у меня нет документов, чтобы прописаться. Я еще себя чувствовала так слабо, что ходить не могла (рабочий, конечно, не должен знать кто я). Меня спасло то, что обо мне узнали два самарских рабочих (анархисты), которые помнили меня по оренбургскому фронту. Они проявляли чисто отеческую заботливость по отношению ко мне. Хозяева квартиры начали энергично требовать прописки. К концу второй недели ко мне явился агент уголовного розыска и просил предъявить документы.

Убедившись, что я больна, он согласился не арестовывать меня, с условием, что в тот же день приду в уголрозыск. После его ухода, я в сопровождении тов. Цалевича (самар. анархиста) удрала в город. Был как раз вечер союза еврейской молодежи (некоторые меня знали), и после вечера пошла ночевать к курсистке. Так я вертелась около недели, пока достала очень скверную холодную, маленькую комнату у бывшей жены полковника. Мое здоровье значительно поправилось. Чувствую прилив сил и энергии.

10 ноября. Готовимся к перевороту. Я работаю в рабочем красном кресте (снабжающий партизан продовольствием, оружием, паспортами и медпомощью) при подпольном комитете нашей партии. Генерал Гайда со своим штабом прибыл во Владивосток. Союз грузчиков целиком готовится к восстанию. Организую санитарные отряды и заготавливаю необходимое.

25 ноября. Не удалось. 18 ноября—безумное катастрофическое поражение. В течение всей ночи радостные вести: вот, вот конец Колчаковщине во Владивостоке... И, вдруг в 8 час. утра прибегает товарищ из города (штаб был на Первой речке) и сообщает, что все потеряно и что нужно скорее бежать отсюда. Я считала невозможным уйти без распоряжения Ревштаба. Но, когда пришли еще некоторые тов. с той же вестью, я ушла. Дело в том, что, когда действительно дело приближалось к благоприятному исходу, выступили японцы, вооруженные до зубов, и, отрезав сражавшихся рабочих от воинских частей, совершили над ними свою кровавую расправу.

Погибло масса рабочих, остальные взяты в плен, и разбойники уничтожают их. На каждом шагу на окраинах города валяются изуродованные труппы. Кровь, разбитые черепа, выпущенные мозги... А главари восстания Гайда, Якушев, Краковецкий освобождены... «Свои» столковались между собой...

Несмотря на такое поражение, настроение у нас воинственное. Моя хозяйка узнала о моем участии, она говорит, что никогда не подумала бы, что такой интеллигентный человек и врач может быть коммунисткой. Тут же живет розановский офицер... Неужели выдадут... Думаю, что побоятся: ведь они все знают, что их песенка спета: не сегодня, так завтра будет конец кровавому Розанову. Я снова работаю в больнице. Там, кажется, никто ничего не подозревает...

28 декабря. Весь декабрь работала в городской больнице и в железнодорожных мастерских на Первой речке, врачем сыпно-тифозного барака. Кроме того, в рабочем Красном Кресте. Посещаю нелегальных больных (раненых партизан) на дому. Терапевтических больных, пробирающихся сюда из сопок, я кладу в больницу (городскую) во время моего дежурства без документов. Мы готовимся усиленно к перевороту, который будет на-днях. Настроение великолепное. Скоро конец

бандитам. Я выбрана в пятерку действия рабочего Красного Креста.

1 января 1920 г. Кончился кошмарный 1919 г., 1920 г. даст нам много, много хорошего, я уверена в этом. Мы готовимся к перевороту. Гнилая колчаковщина-розановщина скоро падет...

25 февраля. За все время была так занята, что не могла писать. Работала, как говорят, 25 часов в сутки. 31 января было то светлое утро, в котором мы мечтали в течение двух лет. Пала колчаковская власть и во Владивостоке. В 7 часов утра мы уже вылезли из нашего подполья, повесили красный флаг. Ни одной капли крови не было пролито; все воинские части, как один человек перешли на сторону Ревштаба. Японцы искали придирки, чтобы выступить, но ни к чему не могли придраться. Когда я утром подъехала к тюрьме, там уже было много народа с красными знаменами (ждали освобожденных).

Великолепнейшее зрелище...

В тюрьме было много больных товарищей, их всех нужно было разместить по больницам, которые были переполнены.

Затем поехала в Николаевск, где находилось свыше 1000 товарищей в концетрационных лагерях, чтобы их эвакуировать (среди них свыше 200 больных). Отношение населения пока весьма приветливое. Чем больше работаю, тем больше горения и кипения. Я никогда в жизни не была так счастлива, как теперь.

15 марта. Выбрана в правление организовавшегося союза медсантруд. Работаю попрежнему с увлечением. Организовала комячейку в больнице и фракцию при союзе (я—председатель). Теперь готовимся к выборам в совет рабочих депутатов.

28 марта. Выбрана членом совета от союза. Японцы сильно беспокоятся почему-то...

10 апреля. Опять перешли на нелегальное положение. 3 апреля было первое заседание совета, в ночь с 4 на 5 японцы выступили во всей Приморской области. Военсовет издал приказ не воевать с японцами. Часть наших войск ушли в сопки, часть была арестована японцами. 6-го мы (целая группа) собирались уйти в сопки, но Ревштаб не разрешил нам этого. Были похороны жертв японского нападения. Я ездила обследовать Корейскую слободку, где японцы творили ужасные насилия. Чуть не попалась японцам в руки (когда я сидела с представителями корейской общины, во дворе появилось несколько японских офицеров; разговаривавшие со мной корейцы моментально убежали. Я осталась одна. Тогда я быстро вышла, села в автомобиль и велела гнать как можно скорее).

Состою членом правительственной комиссии по обследованию событий 4—5 апреля (власть японцы передали снова временному правительству, освобожденному из тюрьмы). Наша партия работает нелегально. У меня все время связь с Ревштабом. Вчера сделала страшную глупость, но прошло благо-

получно. Ожидалось разоружение чехов японцами. Рабочий Красный Крест хотел помочь чехам. И, вот в 12-ть часов ночи приезжаю в военный госпиталь, находившийся вблизи чехословацких казарм (Гнилой угол), заявляю дежурнмоу врачу, что с этого момента я здесь власть, и, созвав санитаров и санитарок (они все были наши), стала готовиться к подаче помощи раненым. Так мы продежурили целую ночь. Ничего не было. Но один курьез: чехи меня тогда было арестовали (когда мы пошли на разведку), и отпустили после того, когда они убедились, что я коммунистка и представительница рабочего Красного Креста. Очень угнетенное состояние. Как бы вырваться отсюда... Страшно хочется в Советроссию. В Самару, скорей бы в Самару!.. Но это ведь неосуществимая мечта...

25 мая. Опять жизнь кипит во мне с новой силой. Набросилась на партийную и советскую работу. Почти мне одной приходится руководить всеми комячейками больниц и госпиталей, комфракцией союза и правлением союза. Уже успела «сделать» 30 коммунистов (все по моей рекомендации). Состою членом санитарного совета и т. п.

5 июня. Предполагается отправка из Владивостока поезда Красного Креста с инвалидами в Сибирь под флагом международного Красного Креста. За Харбином и в Чите еще господствует бандит Семенов. Ехать очень опасно, особенно для меня, ибо все в поезде знают меня. Однако, попробую устроиться, ибо уже очень велик соблазн.

18 июня. Ура! еду домой, в Совроссию. В советскую, свободную, коммунистическую Россию! Как я счастлива!

19 июня. Санитарный поезд № 114. Сегодня выехала из Владивостока. Забыты все опасности. Я в самом восторженном настроении.

19 июня. Никольско-Уссурийск. Страшные воспоминания будит во мне этот город, где я так много пережила горя и, быть может, радости... Привет вам, всем товарищам в Никольске из моего вагона.

24 июня. Какой контраст между моей дорогой сюда из России и обратным путем. Еду теперь в отдельном купе. В Харбине встретилась с товарищами (один из Самары), которые меня приняли горячо. Только все настаивают на том, чтобы я не ехала дальше, ибо поехать, значит поставить жизнь в опасность. За 200 японских иен можно пробраться через Монголию, но их у меня нет, и я решила ехать во что бы то ни стало. Большевик не отступает от своих решений...

28 июня. В Харбине простояли 5 дней. Провела время очень интересно. Какая дивная природа—я с ума схожу от радости!

5 июля. Не доежая Читы, нас встретили, кашелевцы... бронированным поездом и собирались нападать. Но так как

наш поезд имел японскую охрану, то все кончилось благополучно. Пока ожидается обыск.

15 июля. Мы уже на нейтральной территории. Ночью прибыли сюда, и странно, что мы (коммунисты) сразу очутились вместе (все время старались не встречаться), обсудили положение в поезде, выбрали 5 человек для захвата власти в поезде и обследования, какие элементы находятся в нем. Ждем, чтобы верхне-удинское правительство прислало паровоз для перевозки поезда на территорию ДВР.

В Чите мне пришлось здорово поволноваться: бандиты Семенова хотели меня снять с поезда... Миссия международного Красного Креста отстояла меня...

20 июля. Верхне-Удинск. Дальбюро РКП отказывается меня пропустить: им нужны работники. Я ни за что не останусь! Тов. Хатимский неумолим!

В Самару я приехала в 2 часа ночи 3 августа. Тут только я вспомнила, что не знаю, куда заехать. Я бросила вещи на произвол судьбы и пошла по городу. Ночь была белая, белая... Настроение светлое, радостное...

Нашла клуб коммунистов, и первый кто меня встретил— это неизменный страж клуба коммунистов-большевиков—тов. Бешенковская.

Л. Зальцман-Адельсон.

Два „информационных“ заседания.

Наступила тишина, но в ушах все еще отдается эхо пулеметного стрекотания. Яркое солнце сияет на весене-голубом небе; утренний воздух пропитан запахом сирени; на душу стелется страшно тяжелая свинцовая туча—тревога.

Два часа прошло, как новые победители в серых металлических касках, с букетами сирени на штыках, вошли в город кровавым ураганом.

Они скалят белые зубы, резко выделяющиеся на загорелых лицах, и занимаются флиртом. Они дарят дамам цветы своих штыков и кокетничают своими изысканными манерами.

Сегодня они герои. Они рвутся из тяжелого плена на родину, прокладывая путь чужими и собственными трупами, орошая его собственной кровью.

На ломаном русском языке они сотый раз повторяют прохожим свою трагедию и уверяют, что завтра или даже, м. б., сегодня покинут город, причинив обывателям лишь маленькое неизбежное беспокойство. Недалеко от такой группы лежат два страшных трупа. Один через голову покрыт рогожей, другой обнажен и туго затянут ременным поясом. Открытые, вылезающие из орбит глаза устремлены в небо, на груди отверстие, из которого тянется кровавая лента, ведущая к красному, не успевшему еще засохнуть, болотцу. Вокруг трупов никому неизвестных двух людей толпится праздничный народ. Окровавленная рогожа то поднимается, то опускается.

Прокатываются волны слухов о еще больших ужасах, творимых в других местах, зверских самосудах никем не остонавливаемой толпы.

Кто же они—эти люди в серых металл. касках, чужие, никому не понятные, с букетами сирени на штыках и бомбами за поясами?

Почему же они стоят спокойно на наших улицах. Почему они занимаются убийствами и арестами после того, как путь уже прочищен?

Страшно становится от мысли, что здесь кроется зловещий обман, и хочется скорее сорвать покров с кровавой тайны.

В клубе меньшевиков большое оживление. Сидят на скамьях, на столах, на роялях. Некоторые с равнодушным видом грызут семячки, на некоторых лицах печать тревоги и озабоченности. На углах шушукаются. Очевидцы кровавых ужасов делятся впечатлениями. У чайного буфета вдруг разгорается спор.

— Они достойны этого,—раздается молодой голос.—Мало разве зла причинили они людям в последнее время. А издевательства над нами, закрытие газет, аресты товарищей. Пусть они знают теперь: что посеешь—то и пожнешь.

— Стыдно, товарищ. Кто бы ни были эти чехи, и как бы ни провинились большевики, даже перед нами, но то, что вы говорите—позор, позор... Я сообщу организации ваши слова,—восклицает истерический женский голос.

— Это еще вопрос, как отнесется организация,—отвечает первый. Спорящих успокаивают.

В сторонке друг против друга сидят двое и играют в шашки. Лениво сосредоточенно думая, они передвигают шашки, обмениваясь шуточными репликами. Словно жизнь течет обычным порядком и на «шипке все спокойно».

Быстро входят лидеры организации.

Все бросаются к ним, спрашивают, ждут ответа. Они ничего не знают, ничего не понимают, ни во что не посвящены. Для них все происходящее—загадка. Кто-то приносит весть, что на площади у памятника огромный митинг. Выступают эсеры: Брушвит, Климушкин, Фортунатов, Голубков. Об'являют власть большевиков свергнутой. Они призывают к беспощадной борьбе с большевиками и говорят о власти какого-то Комитета Учредительного Собрания.

Эсеры? Почему они. Откуда они появились?

Как бомба влетает эсер Голубков.

— Товарищи! есть ли здесь среди вас печатники. Отправьтесь немедленно в одну из типографий. Нам необходимо срочно печатать приказы...

— Какие приказы. Кому это?—спрашивает кто-то.

— Приказ о том, что мы... т.-е. Комитет Учредительного Собрания об'являет себя властью и еще несколько важных об'явлений. А мы—это с.-р., самарская организация эс-эр...

Печатники без разрешения организации не двигаются.

Происходит замешательство.

— Никто нейдет? В таком случае мы заставим вас пойти... —поворачивается и быстро уходит, показывая побагровевший затылок.

Все в сборе и ждут появления представителя «партии правительства», созвавшей собрание из представителей всех партий для информирования их о событиях. Здесь представитель меньшевиков, бунда, интернационалистов и даже «Единства». Первые чувствуют себя той «реальной силой», к которой, главным образом, и будут обращаться, с которой и будут разговаривать. Именниниками выглядят небезызвестные Кабцан и Преображенский. Представитель «Единства» чувствует себя неловко и за себя и за свою партию, состоящую из него же, и старается быть незамеченным.

Появляется «сам» Брушвит. Устало опускается на стул, вынимает и кладет около себя часы. Ему дорога каждая минута.

Представитель интернационалистов делает заявление о разгроме их клуба чехами и темными личностями. Спрашивает—является ли этот акт звеном общей политики нового правительства.

Брушвит нервничает. У него есть время только для доклада.

Начинает он с того, что чехи сражались в русской армии с Германией, что брестский мир обухом ударил их по голове, что они решили во что бы то ни стало продолжать войну с немцами, каких бы жертв это ни стоило.

Идея об использовании чехов для переворота в России давно осенила партию с.-р., они энергично приступили к переговорам, но чехи отказались вмешиваться в русские дела, преследуя одну цель: «разбить Германию».

Эсерам помогло несчастье. Советское правительство, связанное брестским миром, в угоду Мирбаху наотрез отказало чехам в пропуске на германско-французский фронт. Это обозлило и восстановило чехов против большевиков, и этот момент использовали с.-р. Соглашение было заключено, и от Пензы в Самару Брушвит передвигается с чешским штабом в одном вагоне. Одновременно с.-р. организации ведут переговоры с чехами Челябинска и Сибири. Брушвит не скрывает, что переворот задуман давно и готовился несколько месяцев. Начало сделано, но много работы еще впереди. По глубокому убеждению партии с.-р. переворот произойдет во всеросс. масштабе в самом непродолжительном времени. Развив подробный план блокады центров и центральных губерний, отрезав их от Волги, хлебородных губерний и Сибири, рассказав шопотом о внутренних взрывах, готовящихся на местах, Брушвит переходит к тому, что без рабочего класса и «демократии» вообще обойтись нельзя, чтобы переворот завершен был окончательно. В помощи крестьянства их партия не сомневается.

Партия с.-р. не собирается «брать власть» в свои руки. Законная власть есть—У. С., а временно—состоящий на лицо состав членов Уч. Соб. независимо от их партийной окраски.

Но если рабочий класс и «демократия» желает выставить другую власть, то они готовы склонить перед этим желанием свои головы...

На голову Брушвита посыпались вопросы. Чем об'яснить происходившие на улицах ужасы. Почему никем не принимаются меры к прекращению насилий. На какие силы опирается власть для предполагаемого переворота в других местах и на случай войны с большевиками. Какова будет политика власти в отношении рабочих. Почему на улицах нац. флаги. Почему чехи шли сюда, скрывая истинную цель и прикрываясь желанием проехать только к Владивостоку?

Последовали быстрые и краткие ответы.

— Насилия, зверства, самосуды, аресты... Но где вы видели перевороты без насилий, зверств, самосудов и арестов?

— Какие принимаются «меры»? Теперь все в руках чехов, а ими несомненно принимаются меры.

— Национальные флаги? Разве в такой момент можно говорить о таких пустяках.

Что касается «реальных сил», то... хотя это большая тайна, но, так и быть, он откроет ее. «Я должен вас обрадовать: через день—два—три у нас будут казаки. Да, самые настоящие казаки, но не те, о которых вам рассказывали басни, которых рисуют в сгущенных красках. Сказки о реакционности казаков—обычная и очередная большевистская ложь.—Вот они приедут и вы увидите, что это милейшие люди, что они за Учредительное Собрание готовы умереть. Вы услышите их речи, вы увидите их газеты. Они идут сюда во главе с Дутовым,—за ним отправился уже Фортунатов. Кроме того, у нас имеется кадр из 800 офицеров, испытанных, старых борцов за народ. Они создадут мощную армию. Мы имеем несколько тысяч добровольцев и возможно, что мы обойдемся без принудительных мобилизаций, если приток добровольцев будет так же интенсивно продолжаться. А что из себя представляют большевики в военном отношении—мы имели возможность убедиться в течение этих дней. Много ли нужно для сокрушения этих банд...

Назвав ряд заседаний, на которых ему предстоит в эту ночь побывать, и перечислив имена сановных лиц, с которыми ему нужно еще повидаться, Брущвит ушел, пригласив всех на следующее заседание на завтра.

Надо отдать справедливость эсеровскому «льву». Хотя в тоне всей его речи сквозило нечто от лисицы, голос был порою неприятно слащав, глаза вкрадчивы, а речь была пересыпана красивыми словечками, остроумием и прибаутками, но он был откровенен, заявления и ответы до цинизма прямые.

После ухода Брушвита воцарилось глубокое молчание.

Было стыдно и больно за обман, которым в течение нескольких дней наступления чехов на Самару прикрывалась явная и обдуманная авантюра. Все чувствовали себя словно облитыми грязью. Представитель «Единства» что-то промычал неопределенное, и испарился.

Наиболее честные и порядочные меньшевики долго сидели в тяжелом безмолвии, опустив головы. Им не очень-то пришлось по вкусу и история переворота, и «милейшие» казаки во главе с Дутовым, но на обращенные к ним вопросы об их отношении к выслушанному они ответа не давали.

Чувствовали себя как рыба в воде те, которым были давно уготованы «портфели» и «почетные кресла». Они не унывали и отдергивали за фалды не в меру загрустивших «левых» товарищей.

Второе заседание происходило в здании Городской Управы на следующий день.

Все комнаты городского дома были переполнены людьми. Спешно конструировались учреждения, отделы, канцелярии. В двух комнатах, под сильным чешским конвоем, находились арестованные и пленные. В одной комнате к столику тянулись

в длинной очереди доносчики и провокаторы с заявлениями, биографиями комиссаров и большевиков и доносами. Один для большей убедительности умудрился притащить с собой чей-то большой портрет. В этой комнате о чем-то нашептывали на ухо, уходили в сопровождении вооружен. чешских нарядов.

В большом зале с деловитым видом взад и вперед шагали знатные чехи, отдавая на своем языке подчиненным распоряжения. Вокруг них увивались эсеры и эсерики, изгибаясь вопросительными знаками и стараясь хорошо «служить». Когда чехи обращались к ним с распоряжениями, они, еще больше нагибая голову, отвечали: «хорошо, брат полковник», «будет исполнено, брат комендант». Улыбались, когда улыбалось иностранное «командование» и делались серьезными, когда это делали «братья» полковники и коменданты.

Не мешает кстати отметить, что не толко в первые дни, но и в дальнейшем, почти в продолжении всего чехо-эсеровского периода, члены «Комуча» и эсеры застыли в своих лакейских позах перед «братьями-чехами». Каждое обращение правительства к чешскому командованию, представлявшему фактически власть в городе, фильтровалось и взвешивалось со всех точек зрения и, главным образом, с «точки зрения» «братьев» Ребенды, Чечека и пр. Правители долго откашливались в кулак и тщательно застегивали все луговицы сюртуков, прежде чем подойти к «начальству».

А чехи себя держали гордо и величественно, как породистые приказчики крупного веса, безнаказанно курящие сигары своих хозяев и знающие отлично, что без них хозяева полетят вверх тормашками или скатятся навсегда в глубокую пропасть.

По коридорам в ожидании начала заседания разгуливали представители всех партий от н.-с. до большевиков. За исключением некоторых, все чувствовали себя в этой обстановке хорошо. Заметно было и для невооруженного глаза, что с первым сном за прошедшую ночь, в новом царстве «Комуча» улетучились у некоторых участников вчерашнего заседания первое смущение и негодование, и смылось грязное чувство от вчерашнего доклада. Повидимому, даже порядочные и честные меньшевики пришли к заключению, что «переворот, как переворот», «что и с казаками можно жить» и т. д. «Левые» лидеры меньшевиков набрали воды в рот и держались в стороне. Второму «информационному» собранию постарались придать торжественный вид. Должны были «пожаловать» чехи, но, видимо, решили: «сами справятся», и не явились. Кроме Брушвита принимали участие в собарнии эсеровские сливки и сами члены Комитета УС—Вольский, Веденяпин, Климушкин и др.

Ночные заседания и встречи с знатными лицами не прошли бесследно и оказали заметное влияние на отношения к «демократии», без которой вчера обойтись никак нельзя было. В новой речи Брушвита не было больше ни заискивания, ни

лести,—напротив, звучали ноты, смысл которых был таков: «Демократия» и прочая! Если вы собираетесь упорствовать и ломаться, то... скатертью дорога,—мы пошлем вас сразу далеко». Но зато в ожидании чешских представителей, речь была поэтическая и полна самых радостных весенних гимнов по адресу чехов, «похожих в своей наивности, в своей доверчивости, в своей красоте порывов и бескорыстности на детей», «они любят свободу, как цветы, которыми они украшают свои ружья» и т. д.

В речах Брушвита, Вольского, Веденяпина повторялись известные уже планы далнейшего наступления на остальную Советскую Россию. Ново было заявление о согласии чехов остаться в России для войны с Совдепом, что в компенсацию за это новая власть об'являет брестский договор расторгнутым и на-днях об'явит войну Германии. Заявлено было еще, что с торгово-промышленным классом уже спелись, что ими обещана самая широкая денежная поддержка, и что в гос. банке оказалось наличных средств на месяц, и если к концу месяца Москва не будет взята—придется выпустить свои деньги. По адресу кадетов было брошено несколько нелестных эпитетов—в роде: «Кудрявцев—этот хитрый подлец» за то, что они пред'явили какие-то дерзкие и смешные до нелепости требования, а какие—это тайна. Говорилось много о рабочем классе, о демократии, интересы которой только и будут защищаться, но не было сказано ни слова о том, что без рабочего класса и демократии переворот во всероссийском масштабе невозможен, и что если «демократия» и рабочий класс «по-своему» решат вопрос о власти,—они склонят перед их волей свои головы.

После речей начались заявления представителей партии.

Представитель интернационалистов заявил протест против учиненных насилий и убийств на улицах г. Самары; сообщив снова о разгроме клуба, об аресте в течение ночи большевиков,—он требовал немедленной отмены приказа № 3, который, порицая самосуды, призывал всех граждан искать комиссаров и причастных к большевизму лиц и препровождать их в милицию или контр-разведку.

Брушвит пожимал плечами, криво усмехался, и когда речь зашла о приказе № 3—резко перервал говорящего заявлением о необходимости уйти на некоторое время к представителям торгово-промышленников, и ушел.

Власть обещала «Совет Рабочих Депутатов», и недели через две Кабцан звонил в председательский колокольчик.

— Скажите правду—что вы сделаете, если «Совет Рабочих Депутатов», который соберется, заявит протест против вмешательства чехов, осудит переворот и выразит недоверие Комитету Уч. Собр...—спросил участник заседания одного видного лидера правившей партии.

— Тогда... тогда мы разгоним его,—ответил тот шопотом, оглядываясь кругом.

Карич.

СЛАВА ПОГИБШИМ!

Во имя „народовластия“.

Печатаем списки погибших товарищей. Нам удалось собрать только частичку и привести фамилии немногих, которых растерзали и расстреляли на глазах товарищей. Но чехо-эсеровские банды расстреливали не десятками, даже и не сотнями, а убивали тысячами наших товарищей.

В Иващенкове убито свыше тысячи рабочих; в Сызрани расстреляны тысячи; не меньше расстреляно и в Самаре.

Первый список расстрелянных передан из Самарской тюрьмы в июле от товарища, который был увезен в качестве заложника.

Из Сызрани были перевезены и расстреляны с 23 июня по 8 июля следующие товарищи:

Тов. **Скворцов**—уполномоченный Совнаркома; тов. **Осипов**—уездный комиссар г. Хвалынска; т. **Кислов** Иван—член Совдепа; т. **Викторов** Сергей—председатель Военного Совета; т. **Полещук**—красногвардеец Смоленского полка; т. **Гарковенко**—тоже; т. **Рошин**—тоже; т. **Гратковский**—машинист, член чрезвычайной комиссии; т. **Фарулин**—красногвардеец; т. **Эрда**—чехо-словак-красногвардеец; т. **Сычев**—красногвардеец первого Смоленского полка; т. **Абрамов**—рассыльный; т. **Гревчук**—красногвардеец первого Смоленского полка; т. **Бутурлин**—красногвардеец того же полка; т. **Акифьев** Григорий—заведующий гаражем.

Тов. **Брудный**—член Челябинского кооператива, был командирован в г. Кузнецк, имея при себе 7.000 руб. казенных денег, был ограблен и расстрелян.

Тов. **Жарин**—извозчик из г. Сызрани, имел при себе 4.200 р., ограблен и расстрелян.

Тов. **Антонов** Сергей—секретарь Сызранского Совдепа; тов. **Варламов**—неизвестный; т. **Чепелев**—старший милиционер г. Пензы; тов. **Бердинский**—комиссар труда г. Сызрани; т. **Аминский**—инструктор Красной армии; т. **Булыгин**—военный комиссар; т. **Горецкий**—красногвардеец Самарского отряда.

При эвакуации из Сызрани на пароходе была вывезена часть заключенных из арестного дома и из них в ночь с 8 на 9 июня, здесь же на пароходе, без суда и следствия, были расстреляны 14 человек и брошены в Волгу.

Фамилии расстрелянных товарищей неизвестны.

Тов. **Венцек**—председатель Революционного Трибунала 8 июня пал первой жертвой кошмарного самосуда. Толпа белых, потерявшая все человеческое, зверски избивала товарища, переломала ему ребра, била палками, топтала ногами, пока, наконец, не размозжила череп. Убитого ограбили, раздели, сняли сапоги. А толпа зверски продолжала издеваться и кощунствовать над трупом.

Также зверски был убит т. **Штыркин**—комиссар жилищного отдела. Военный комиссар, т. **Шульц,** раненый попался в руки бандитам, его мучили и избивали, пока не добили.

Около клуба коммунистов зверски был убит т. **Буданов**—матрос; т. **Длуголенский** и тов. **Вагнер** (женщина). Белогвардейцы не щадили никого.

В сентябре был создан кошмарный мифический процесс, так называемый «процесс 13-ти». 13 товарищей обвиняли в том, что они, сидя в тюрьме, подготовляли заговор к ниспровержению существующей власти учредилки.

Товарищи: **Паршин, Акимов, Дерябин, Сазонов, Сухоруков, Малашкевич, Андронов, Юзвик, Михайловский, Левашов, Шуйкалов** (одна фамилия неизвестна) и **Гидаспов** были преданы военно-полевому суду, и 11 человек из них были приговорены к расстрелу, что и было приведено в исполнение. Тов. Гидаспов и Дерябин были оправданы.

В Екатеренбургской тюрьме при т. Матвееве были расстреляны 4 товарища: председатель Камышловского Совета—**Цируль,** начальник бронированного поезда на петербургском фронте—**Аоцкий,** комиссар одного из поселков около Екатеринбурга тов. **Павлов** (черкес родом) и товарищ, назвавшийся комиссаром по военным делам г. Тюмени—т. **Авдеев.** Перед расстрелом всех товарищей ограбили, оставив в одном белье.

В селе Мыльном, по доносу, чехами были арестованы: т.т. **Грачев** и **Судяков.** Товарищей зверски избили, связали руки и бросили в Волгу с Александровского моста, около Сызрани.

Тов. **Тиховов**—рабочий городских мастерских, арестован и исчез неизвестно куда.

Тов. **Белякин**—рабочий, расстрелян 11 июня за Самаркой, около железнодорожного моста.

Тов. **Кондаков**—расстрелян на Воскресенской площади по дороге в тюрьму. Тов. **Федоров**—уездный комисар, убит в деревне.

Товарищи: **Ф. Проваторов, Т. Проваторов, В. Борцов, Д. Борцов, Ф. Кульчиков**—крестьяне Петровской волости—расстреляны по пути в тюрьму за мостом. Сын покойного нашел труп в общей яме, где валялись сотни трупов расстрелянных.

Тов. **Волов**—арестованный чехами в Струковском саду,—исчез; предполагают, что расстрелян.

Во второй половине июня с./г., в 8 верстах от города, вверх по р. Самарке, на правом берегу, у городских кирпичных заводов, был приведен чешскими и русскими офицерами при-

лично одетый молодой человек, в пальто и шляпе, и зарублен шашками, при чем отсекли голову, руки и ноги, и так бросили. Спустя продолжительное время этот труп рабочими кирпичных заводов, или ремонтными железнодорожными рабочими, был зарыт и на могиле поставлен деревянный крест. Личность убитого неизвестна.

Тов. **Елагин**—военный комиссар—8 июня был расстреляи в гостиннице «Националь» в № 212.

В этой же гостиннице был убит товарищ, фамилия коего неизвестна.

8 июня чехи арестовали коменданта пристани «Кавказ и Меркурий» и по дороге в клуб, жестоко избив, расстреляли.

8 июня, в 9 часов утра, на плошкоутном мосту расстреляли 13 красногвардейцев. В 4 часа дня на Николаевской ул. расстреляли 4 товарищей, по указанию кого-то из толпы.

Товарищи: Тит **Бергеевич, Голубев, Семенов, Лабоцат, Рейнгольд, Шайтер, Добросолец, Марковский, Кузьмин** и **Масальский**—красногвардейцы—все убиты.

8 июня, в 11 часов вечера, расстреляно 6 товарищей военнопленных.

На это зрелище привезли 48 человек арестованных, и чешский палач Ребенда произнес речь перед казнью. Говорил приблизительно следующее:

«Эту сволочь мы расстреляем сейчас же, как собак. Так мы уничтожим всех большевиков».

Обращаясь к арестованным, добавил: «Знайте, собачьи хари, такова будет и ваша участь!».

Так действовал ставленник буржуазии — «джентльмен» Ребенда.

На раз'езде Иващенково, у завода, валялось более 800 трупов рабочих, их жен и детей, изрубленных шашками. Рабочие погибли за то, что заявили протест против снятия станков.

В Кротовке, вдоль линии, валялись 306 трупов изрубленных арествоанных, вывезенных чехами и белогвардейцами из Самарской тюрьмы.

На ст. Липяги расстрелян помощник нач. ст. тов. **Буданов,** имевший 9 человек детей; дорожный мастер **Иванов,** стрелочник **Токарев.**

Описание кошмарных убийств чехословацких властителей можно растянуть до бесконечности,—их зверствам не было предела.

Пролетариат запомнит имена своих павших борцов, предаст проклятию палачей и отомстит за своих погибших товарищей.

Кровавые дни в Иващенкове.

Иващенково—это маленькое местечко—было несколько раз залито кровью рабочих.

На иващенковских рабочих очень тяжело легла лапа предателей эсеров, меньшевиков и пр. наймитов международного капитала.

Рабочие Иващенково не могли и не хотели терпеть иго «учредиловцев» и сделали несколько попыток свергнуть власть насильников. Но восстания каждый раз были жестоко подавляемы штыками наемных палачей.

Иващенковские рабочие честно исполняли свой долг, приносили тысячи жизней на алтарь освобождения пролетариата.

Особенно жестоко были подавляемы последние восстания накануне прихода советских войск. При усмирении восставших рабочих «славная Народная армия» «демократической учредилки» вырезала около тысячи рабочих, женщин и детей. В этой статье мы ограничимся перечислением жертв первого разгрома, при занятии Иващенкова в июне.

Как только чешские банды заняли город и приехали члены «учредилки»—эсеры—началась ловля советских деятелей и рабочих.

Были арестованы и расстреляны ряд товарищей Ушаковского и других заводов: товарищ **Потапов**—председатель фабрично-заводского комитета, т. **Артемьев**—комиссар милиции, т. **Беру**—член коммунистической дружины, т. **Дементьев**—член исполкома. Все они были увезены неизвестно куда. Поиски их остались тщетными.

Тов. **Клюшков** был расстрелян за «саботаж» эсеровского «народовластия». Также тов. **Кузьмин**—председатель Иващенского комитета Р. К. П., председатель фабрично-заводского комитета, член исполкома—старый партийный работник.

17 июля произошел взрыв пороховых складов; эсеры заподозрили т. К. в соучастии, арестовали и выслали в Сибирь. Рабочие протестовали и ходатайствовали за него, но безрезультатно. Тов. **Гаршин** арестован, увезен неизвестно куда, по всей вероятности расстрелян; обвинялся также во взрыве вагонов с порохом.

Тов. **Платон** и **Любнов** —расстреляны около станции Жигули. Т.т. коммунисты **Неупокоев** и **Данилов** арестованы и

был в эпицентре смерти А. Камынин

увезены неизвестно куда. Тов. **Антропов**—член Самарского губернского комитета, член исполкома, арестован в Самаре, увезен неизвестно куда. Арестованы и увезены т.т. **Данилюк** и **Дубровин,** члены Иваценского исполкома, украинские коммунисты, бежавшие из Украйны из Чугуева, и др. Участь их неизвестна.

Убит в бою под с. Каменный-Брод тов. **Никишкин,** коммунист Титовской организации, разведочной команды 2-го Ник. Совет. Атамана Стеньки Разина полка. Расстрелян тов. **Родьол**—латыш, коммунист.

Убиты коммунисты: т.т. **Сабанин, Зиновьев, Мино,** член исполкома, сидел 4 месяца.

Про многих т.т. мы не знаем—живы-ли они или уже выкупали предательские пули бандитов в своей крови.

Кроме этих, есть еще сотни товарищей, которые исчезли неизвестно куда и при каких обстоятельствах.

После перечисления имен убитых тяжело говорить о тех жестокостях и насилиях, которые чинились погромщиками и негодяями над рабочими и их семьями.

В разбоях самое близкое участие принимали и отличались особыми зверствами: начальник гарнизона поручик Петров, комендант—капитан Песков, поручик Взоров и другие.

Н.

Вы жертвою пали...

СЕМЕН АНТОНОВИЧ ЕЛИСЕЕВ.

Семен Антонович Елисеев был сыном бедного крестьянина села С'езжего, Максимовской вол., Бузулукского уезда, Самарской губ.

В 1912 году он был сослан в Сибирь за оскорбление носителя медалей и георгиевских крестов.

До октябрьского переворота, будучи на родине, он единогласно избирается делегатом на губернский с'езд, откуда едет делегатом на 3-й Всероссийский с'езд Советов, после чего он был уполномоченным по контролю губсоветов, с правом отзыва членов. По возвращению в свою волость, он избирается председателем Максимовского волисполкома.

18-го апреля 1918 года с товарищами Семеном Борисовым и Андреем Маркеловым, организует две коммунистические ячейки в волости. После того, как чехо-словаки заняли город Самару, он, из двух вышеуказанных организаций, создает партизанский отряд и выступает с ним на линию железной дороги, заняв оборонительные пункты: станции Грачевку и Богатое, которые долго защищает, отбивая нападение чехословаков.

В момент его от'езда,—с отрядом в 15 человек для подавления кулацкого восстания в селе Максимовке—партизаны отступили в Бузулук, а он с отрядом был обезоружен и арестован на месте. Вместе с другими товарищами его приговаривают к смертной казни. Перед расстрелом ему наносят одинадцать штыковых ран и убивают наповал выстрелом в голову.

ТАРАС ЗАХАРОВИЧ ЕГОРОВ.

Тарас Захарович Егоров—крестьянин села С'езжего, Максимовской волости, Бузулукского уезда, Самарской губернии. Время с октябрьского переворота он состоял председателем Совета; в момент нашествия чехо-словаков арестовывается и, наравне с прочими, отпускается в августе месяце. Вскоре он вновь арестовывается отрядом казаков и получает 40 ударов плетьми, результатом чего следует продолжительная болезнь,

и в октябре 18-го года он умирает со словами: **«А все-таки— я дождался большевиков».**

ИВАН ГАВРИЛОВИЧ КУЗНЕЦОВ.

Иван Гаврилович Кузнецов, сын крестьянина села С'езжего, Максимовской вол., Бузулукского уезда, Самарской губернии. Вступил в организацию с. С'езжего 18-го февраля 1918 г.; был партизаном. Имея громадную силу, он в борьбе с чехами показал неимоверную храбрость. Из с. Тростянки, которая была занята ротой чехов, он уносит на плечах пулемет «Кольт» и, будучи в единственном числе, занимает одну из улиц, чем вносит панику в среду чехо-словаков. Этот подвиг обезопасил правый фланг партизанов. В июле он пришел ночью из лесу домой и был предан родными (дядями) отряду учредиловцев, которые его зверски зарубили.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ БУИТОВ.

Иван Михайлович Буитов—кр-н села С'езжего, Максимовской вол., Бузулукского уезда, Самарской губ. После октябрьской революции занимает пост председателя С'езжинского к-та РКП (б). Всякую работу, входящую в его задачи, выполняет честно, с рвением революционера. В 19 г., во время вторжения казаков в пределы Бузулукского у., он был убит из-за угла. Так погиб честный коммунист от руки контр-революции.

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ ПАРШИН.

После октябрьской революции был уполномочен тов. Н. Подвойским на формирование РККА по Самарской губ. Прибыв в Самару, он вступил в самарскую губернскую коллегию, организовал агитационно-вербовочный отдел с 16-ю агитаторами и, таким образом, вербовал сельскую молодежь в ряды Кр. армии. Во время нашествия на Самару чехо-словаков тов. Паршин, со всем своим штатом, занимает посты по охране (защите) железнодорожного моста через реку Самарку (сторону у нефтяных баков).

8-го июня 1918 г., при отступлении из Самары кр. войск, погрузившись на баркас, тов. **Паршин** прибыл к красным войскам, которые стояли у пристани Климовка. После чего на том же баркасе он поехал на разведку по направлению к Самаре, где встретился с белогвардейским буксиром, который открыл по баркасу артиллерийский огонь. В результате перестрелки на пароходе тов. Паршина был разбит паровой котел. Дабы спасти бывших на нем красноармейцев, тов. Паршин распорядился направить баркас с разбитым котлом к левому берегу Волги и выгрузился на берег. После этого он отправляется в Самару в стан белых, поступает в подпольную организацию.

В первых числах сентября 1918 года, замеченный шпионами чехо-эсеров, тов. Паршин, идя в организацию на собрание, был задержан и заключен в тюрьму, а в ночь с 14-го на 15-е сентября того же года он был увезён и расстрелян,—на 26 году своей жизни.

Д. Алексеев.

Обзор литературы о самарской учредилке.

История Самарского К-та членов Учредительного Собрания представляет огромный интерес и для историка, и для политического деятеля, и для любого вдумчивого наблюдателя событий революции. Этот эпизод гражданской войны особенно наглядно вскрыл всю утопичность мелкобуржуазных иллюзий насчет возможности найти какой-то «третий путь», какую-то «третью тактику», одинаково отличную и от пролетарской диктатуры и от гнета империалистической «железной пяты». Характерно, что именно опыт Самарской Учредилки отколол от п. с.-р. целую группу «Народ» и толкнул в ряды РКП ряд видных меньшевиков (Майского и др.) К сожалению, литература, касающаяся этого интереснейшего периода, довольно малочисленна и, к тому же, на три четверти носит скорее публицистический, чем исторический характер.

Прежде всего следует остановиться на работах, дающих общий очерк событий, начиная с чехо-словацкого восстания и кончая колчаковским переворотом. В наиболее сжатой форме такой общий очерк дан в брошюре одного из главарей учредительного движения, впоследствии видного члена группы «Народ» К. Буревого «Колчаковщина» (40 страниц. Государственное Издательство. Москва, 1918 г. Цена 3 руб.). Брошюра эта носит публистический характер и никакого исторического значения не имеет. Значительно ценнее брошюра сподвижника Буревого, Н. И. Ракитникова «Сибирская реакция и Колчак» (38 стр. изд. «Народ». Москва, май 1920 г. Цена 15 руб.) Эта брошюра заключает в себе довольно обстоятельный обзор событий, а также несколько интересных документов. Еще содержательнее очерк Н. В. Святицкого «Реакция и народовластие» (32 стр. Изд. «Народ». Москва, 1920 г. Цена 8 руб.). Этот очерк написан чрезвычайно живо и содержит ряд интересных подробностей. Но в общем все вышеупомянутые брошюры не могут считаться ни сборниками материалов, ни тем более историческими работами, преследующми научные задачи,—все они, прежде всего, агитационного характера.

Куда ценнее книга того же Святицкого «К истории Всероссийского Учредительного Собрания. С'езд членов Учредительного Собрания» (174 стр. Изд. «Народ». Москва, 1921 г.). Эта книга является третьим томом обширных мемуаров Свя-

тицкого об учредиловской эпопее. Хотя часто нельзя согласиться с оценкой автора, тем не менее труд Святицкого, без сомнения, будет одним из основных источников для истории учредиловщины, и остается пожелать скорейшего выхода в свет всех томов этой работы.

Своеобразный интерес представляет из себя очерк истории учредиловщины, написанный монархистом, — брошюра А. С. Соловейчика «Борьба за возрождение России на Востоке—Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 г.» (62 стр. Ростов-на-Дону, 1919 г.). Этот очерк выявляет отношение к учредиловцам их сподвижников справа и дает ряд интересных материалов о роли Антанты в подготовке чехо-словацкого мятежа (стр. 8—10). Однако, ряд явных неточностей Соловейчика (например, в описании приезда Чернова в Самару) заставляет отнестись к сообщениям Соловейчика весьма критически.

Единственным связным собранием материалов о всем периоде учредиловщины, освещенных с точки зрения РКП, является сборник «Четыре месяца учредиловщины» (80 стр. Изд. Самарского общегородского комитета РКП (б). Самара, 1919 г.) Этот сборник был издан к годовщине учредиловского переворота в Самаре. Он заключает в себе 12 различных статей и воспоминаний, освещающих различные стороны и различные моменты событий. Сборник изобилует богатым документальным материалом и безусловно будет одним из важнейших первоисточников для истории учредиловщины. К сожалению, в сборнике есть два крупных пробела: во-первых, нет статьи, освещающей внутреннюю жизнь нелегальной большевистской организации; во-вторых, нет статьи, посвященной описанию белого террора в дни учредиловщины. Первый пробел об'ясняется отсутствием, ко времени издания сборника, в Самаре руководителей нелегальной организации. Во втором пробеле повинен автор этих строк: получив задание написать статью о белом терроре, он собрал уже материалы, но был переброшен из Самары и лишь впоследствии обработал эти материалы в брошюру, изданную Истпартом: «В дни Самарской Учредилки» (44 стр. Государственное издательство. Москва. 1921 г.)

Отметив работы, рисующие учредиловщину в целом, перейдем к очеркам и материалам, касающимся отдельных моментов поволжской эпопеи.

Прежде всего следует остановиться на истории чехо-словацкого выступления. Подробная документальная история чехо-словацких войск в России имеется в книге бывшего военного корреспондента «Русских Ведомостей» Н. Каржанского (Качанова): «Чехо-словаки в России». «По неизданным официальным материалам» (95 стр. Изд. «Змий». Москва, 1918 г. Цена 5 руб.) Эта книга написана исключительно на основании официальных документов; она крайне односторонняя и к тому же сквозь внешний об'ективизм слишком часто сквозит

стремление автора доказать, что чехо-словацкие войска были доблестными патриотами и честными революционерами. Изложение доведено до весны 1918 г., т.-е. до того времени, когда чехо-словаки окончательно превратились в ландскнехтов Антанты. Самое восстание чехо-словаков обрисовано не в виде связного рассказа, а в виде перепечатки официальных сообщений Советской власти, без всяких комментариев автора.

С точки зрения Советской власти на чехо-словацкую авантюру знакомит брошюра Н. Подвойского «Правда с чехо-словаках» (16 стр. изд. ВЦИК. Москва. 1918 г. Цена 25 коп.). Это чисто агитационное произведение: научного значения не имеет, но характерно, как осколок настроения того времени.

Кой-какие сведения о чехо-словацкой авантюре можно найти в сборнике «Четыре месяца учредиловщины», а также в брошюре Бориса Солодовникова: «Сибирские авантюры и генерал Гайда», о которой уже писалось на страницах «Пролетарской революции».

Самый эсеровский переворот в Самаре наиболее обстоятельно описан пока в названной брошюре автора этих строк и в упомянутом самарском сборнике. Дни июньского переворота очень живо описаны в очерке «Чехо-словаки в Самаре» (14 стр. Изд. ВЦИК. Военный отдел. Москва, 1918 г. Цена 25 коп.). Эта брошюра написана сейчас же после переворота. на основании рассказов выбравшихся из Самары товарищей и, естественно. изобилует множеством неточностей и даже прямых ошибок (например, сообщение об аресте чехами редактора советской газеты Адельсона неверно). На ряду с этим в брошюрке есть много исторически верных и небезинтересных деталей (например, описание бегства т. Куйбышева после взятия Самары чехами).

Внутренняя история Самарского К-та Учредительного Собрания, равно как история его политики, еще ждет своего исследования.

Отдельные стороны этой истории очерчены в упомянутых выше самарском сборнике и в брошюре автора этих строк. Наиболее яркой характеристикой политики учредиловцев является блестящая брошюра бывшего сподвижника поволжских авантюристов Александра Бовича (Генкина) «Кровавый опыт». (Открытое письмо бывшего меньшевика). С предисловием С. Минина (16 стр. Изд. ВЦИК. Москва, 1919 г. Цена 75 к.). Это удивительно яркий и ценный человеческий и исторический документ.

Интересную страницу из внутренней истории учредиловщины раскрывает перед нами книга «Матвей Львович Коган-Бернштейн». Сборник статей: Ю. Подбельского, К. Буревого, Н. Смирнова и А. Буки. Статьи и письма М. Л. Коган-Бернштейна» (112 стр. Изд. «Народ». Москва. Год издания и цена не указаны,—вышла в январе 1922 г.). Личность и деятельность М. Л. Коган-Бернштейна, видного эсера, революционная совесть которого не выпесла глубины эсеровского падения, кото-

рый бежал из учредиловской Самары для того, чтобы стать под знамя пролетарской революции и погиб на линии фронта в деревне Черный Затон от пуль красноармейцев, как член Учредительного Собрания эсер. К сожалению, составители сборника явно устремились не к об'ективному воспроизведению светлого образа Когана-Бернштейна, а к тому, чтоби «рассудку вопреки, наперекор стихиям» произвести этого трагически погибшего революционера в предтечу группы «Народ». Факты, сообщаемые в самарском сборнике тов. Ф. Я. Рабиновичем, а также вся обстановка от'езда Коган-Бренштейна из Самары, описанная К. Буревым на стр. 61 рецензируемой книги, не оставляют сомнения в том, что прав т. Рабинович, когда он утверждает, что «Коган-Бренштейн окончательно решил порвать с партией с.-р. и уехать в Советскую Россию для работы на стороне советов». Все попытки Буревого опровергнуть это являются фракционными выпадами, а не об'ективным анализом.

Уфимское «Государственное совещание» описано без особенной откровенности в статье В. Л. Утгофа «Уфимское Государственное Совещание 1918 г. Из воспоминаний участника» («Былое» за 1921 г. № 16, стр. 15—42).

Интересные документы, касающиеся этого эпилога учредиловской авантюры, можно найти на стр. 137—140 известной книги Вадима Чайкина «К истории российской революции» (Выпуск I, Казнь 26 бакинских комиссаров. Изд. Гржебина. Москва, 1922 г.). Наконец, картина подготовки переворота 18 ноября и самого переворота имеется в сборнике «Рабочая революция на Урале» (см. статью «Колчак»).

Таковы имеющиеся в распоряжении автора этих строк печатные материалы о самарской учредиловке. Современем новинки, касающиеся данной темы, а также произведения, ускользнувшие почему-либо от внимания автора, будут отмечаться в следующих обзорах.

Г. Лелевич.

ЧЕХО-СЛОВАКИ [1]).

Переворот 8-го июня 1918 года передал в Самаре власть эсерам. На кого, на какие общественные слои, на какие классы опирались паладины «народовластия», беря в свои руки кормило правления? Ответ на этот вопрос дал в свое время один из главарей переворота эсер П. Д. Климушкин. Этот герой «демократии» на митинге, устроенном в Самаре в сентябре 1918 года и посвященном истории июньского переворота, следующим образом обрисовал подготовку захвата эсерами власти:

«Начало этого события относится ко времени прибытия нашего в Самару, после разгона Учредительного Собрания. С того именно момента и начинается подготовка. Вскоре же после нашего возвращения мы (т. е. члены Учр. Собр.: Климушкин, Брушвит, Фортунатов—Г. Л.) поставили себе задачей—подготовить условия для ниспровержения большевистской власти. Нужно было создать обстановку, при которой можно было бы совершить переворот. И мы занялись этой работой. В начале она была очень трудна. Армия была развращена, рабочий класс тоже... Мы устроили ряд лекций среди солдат. Настроение их стало подниматься... И вот вскоре после разгона Учр. Собр. гарнизон выступил с требованием переизбрания Совета, а затем это вызвало и вооруженное столкновение между войсками, преданными большевикам и преданным нашему течению. И уже в то время можно было вызвать гражданскую войну; но мы понимали, что это кончилось бы печально, ибо реальных сил для поддержки движения со стороны населения и рабочих не было. Нельзя было надеяться и на самих солдат. Лучшим доказательством этому служит тот факт, что когда большевики об'явили роспуск по домам, гарнизон, несмотря на свое сочувствие Учр. Собр., немедленно оставил Самару и распылился.

«На этом,—продолжал Климушкин,—закончился первый этап подготовки. В дальнейшим мы (т. е. партия эсеров и члены Учр. Собр.) решили организовать реальные силы; при этом роли распределились так: Фортунатов занялся созданием

---

[1]) Эта статья первоначально была напечатана в сборнике „Четыре месяца учредиловщины", Самара, 1919 г. Для настоящего издания статья значительно дополнена и совершенно переработана. Г. Л.

боевых сил, Брушвит собиранием необходимых средств, на меня легла обязанность общего политического руководства. Мы начали усиленную агитацию. Мы убедились, однако, что среди рабочих таких сил создать нельзя.... Мы обратили внимание на солдатскую, главным образом, офицерскую массу. Но сил было мало, ибо никто не верил в возможность свержения большевистской власти. Все были убеждены, что она будет царствовать долго. И когда я обратился по этому поводу к одному генералу, он ответил, что считает большевистскую власть прочной и свержение ее считает авантюрой.

«И так,—говорил далее Климушкин,—на город надежды было мало. Наше внимание все больше и больше стало переносится в деревню... Мы послали двоих друзей в деревню для организации крестьянства. Работа была медленная, но неуклонная. В то же время, однако, мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя. Апатия стала захватывать все большие и большие слои. Дружины начали разлагаться... И вот в этот момент мы узнаем о выступлении чехов. К чехам поехал Брушвит» (см. отчет о митинге «История Самарского Переворота» в № 49 «Вестника Комитета Учр. Собр.» от 6 сентября).

Эти классические выдержки устанавливают раз и навсегда, что, **начиная свою авантюру, эсеры не пользовались абсолютно никакой поддержкой ни в одном из классов, и в трудящихся массах, в первую очередь. Единственной силой, позволившей эсерам захватить власть, были чехо-словацкие легионы.** Что представляли из себя эти войска? Теперь еще нет достаточных материалов для исчерпывающей истории чехо-словацких войск в России. Я попытаюсь дать лишь общий очерк истории этих войск.

Прежде, чем перейти к изложению истории формирования чехо-словацких легионов, я считаю необходимым напомнить читателю о том, что Чехо-Словакия до конца 1918 года входила в состав Австро-Венгерской империи и подвегалась такому же гнету со стороны австрийского империализма, как Польша или Украина со стороны империализма российского. Национальный гнет, неразрывно связанный с экономической эксплоатацией их страны, естественно задолго до войны породил сильное национально-освободительное движение буржуазных и мелко-буржуазных слоев. Эти же условия привели к тому, что находившиеся под двойным прессом чехо-словацкие рабочие в значительной степени пропитались националистическими настроениями (тоже самое имело место и в русской Польше). Империалисты стран Антанты и представители русслого царизма очень умело использовали это положение в своих интересах.

Еще до мировой войны в России жило не мало чехо-словаков. Эти последние тогда же «организовали целый ряд всякого рода культурно-просветительных обществ. Библиотеки, школы, издание книг, взаимопомощь, устройство спектаклей

и концертов—таковы были цели общества» (Н. Каржанский—Качанов. «Чехо-словаки в России.» Москва, 1918 г., стр. 6).

Мировая война окрылила надежды чешских националистов, которые всячески стали раздувать особенно обостренную войной ненависть чехо-словацких масс к австрийским поработителям. Война возбудила у чешских националистов надежду на то, что, в случае военного разгрома Австро-Венгрии, удастся, при помощи Антанты, провозгласить независимость чехословацкого государства. Зашевелились и чехо-словаки, живущие в России: в конце 1914 года чехо-словацкие благотворительные и культурно-просветительные общества в России устроили в Киеве с'езд, на котором постановили создать «Союз Чешско-словацких Обществ в России». 10-го декабря *) того же года министерство внутренних дел утвердило устав этого союза. Вот как § 1 устава формулирует цели союза: «Союз учреждается для об'единения всех проживающих в России чехов и словаков, для развития национального сознания, любви и преданности к славянству и его защитнице России, для организации чешской дружины добровольцев, для сбора средств в пользу жертв войны и для обеспечения вдов, сирот и калек воинов, сражавшихся в русской армии. После окончания войны, Союз ставит себе целью содействие культурному и экономическому развитию и об'единению всех славян» (см. книгу Каржанского, стр. 6—7).

Основная цель формирования чехо-словацких легионов сформулирована одним из генералов ставки--Романовским, который писал военному министру: «Идея подобных формирований это создать в пределах России ядро будущей национальной армии в свободной Чехии и дать возможность этому ядру боевой работой на фронте заслужить на предстоящей мирной конференции всеобщее признание их самоотверженной работы в деле низвержения немецко-мадьярского деспотизма в целях восстановления свободной Чехии». Иными словами, **формирование легионов было прежде всего средством купить у Антанты независимость Чехо-Словакии.** На ряду с этою основной целью, были другие, менее крупные. Чехо-словаки, жившие в России, должны были, как австрийские поданные, подвергнуться репрессиям, конфискациям, высылкам. Формирование легионов спасало их от этого. Далее, оно позволяло им, по выражению Каржанского, «поставить своих многочисленных специалистов на работу обороны в русские заводы». (см. Каржанский стр. 8—9).

8-го апреля 1916 года начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев получил у царя согласие на формирование чехо-словацких легионов. Состоявшийся в том же месяце новый с'езд чехо-словацких обществ в Киеве, разработал подробный план участия в военной обороне России.

---

*) Даты, начиная с этой страницы, по старому стилю.

Однако, существовали причины, вызывавшие сильное противодействие некоторых кругов формированию легионов. Последние предполагалось комплектовать в значительной степени из чехов и словаков, входивших в состав австрийской армии и попавших в плен. Эти военно-пленные работали за ничтожную плату у русских помещиков и капиталистов. Последние совершенно не собирались разставаться с дешевой и частью весьма квалифицированной рабочей силой и стали всячески давить на правительственные органы с целью затормозить создание легионов. С другой стороны национально-освободительная идеология легионеров, на ряду с выгодностью для борьбы с Австрией в то же время представляло для царизма известную опасность, подавая опасный пример украинским националистам, относившимся к русскому царизму не с большей нежностью, чем чехо-словаки к империи Габсбургов.

Несмотря на вторичную благоприятную пометку царя от 27-го июня 1916 года, дело создания легионов сильно тормозилось. Агенты царского правительства изыскивали пути к обезвреживанию чешского национализма с точки зрения российской великодержавности. В результате дело формирования легионов было из'ято из рук «Союза чешско-словацких обществ» и передано «Чешско-словацкому Народному Совету», устав которого был утвержден министерством внутренних дел 20-го января 1917 г. В отличие от «Союза», правление которого было выборным, вновь созданный «Совет» на 50% назначался прибывшим в Россию чешским депутатом Дюрихом, состоявшим на содержании царского правительства (Каржанский, стр. 24—30).

Все это время, несмотря на противодействие, формирования легионов, хотя и медленно, подвигалось вперед. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что подталкиваемые ненавистью к Австрии чехо-словацкие солдаты и офицеры австрийской армии сдавались русским войскам не только взводами и ротами, но даже целыми полками. По подсчету Каржанского, колчество чехо-словаков, находившихся в русском плену, определялось колоссальной цифрой—200 тысяч человек (Каржанский, стр. 5—6).

При таких благоприятных условиях, даже противодействие царских чиновников, боявшихся сепаратистского влияния чешских националистов, и интриги русских капиталистов, не желавших расстаться с дешевой и квалифицированной рабочей силой, не могли окончательно свести на нет деятельность чешских националистов. Летом 1916 года первоначально организованную чехо-словацкую дружину стали развертывать в бригаду (Каржанский, стр. 15).

Каков был состав организующихся легионов? Чешский коммунист тов. Шмераль дает на это следующий ответ: «Вооруженная сила чехо-словаков на 90% состояла из рабочих и бедных крестьян. Большая часть их уж на родине была со-

циалистами. Они были националистически настроены». (Шмераль: «Чехо-словаки и эсеры». Москва, 1922 г., стр. 11). С этой характерстикой совпадает и отзыв бывш. члена Самарского Учредиловского правительства тов. И. Майского, ознакомившегося с чехо-словаками впоследствии: «По составу своему армия эта была довольно демократична: она состояла, главным образом, из крестьян и рабочих; в ней было много социалистов различных оттенков, как среди солдат, так и среду командного состава» («Демократическая контр-революция», Москва, 1923 г., стр. 166). Однако, во избежание потери перспективы, следует помнить о националистическом настроеннии значительных масс чехо-словаков в то время. К тому же, как читатель убедится ниже, руководящее ядро чехов было весьма далеко от какого-бы то ни было социализма и демократизма.

Наступил февраль 1917 года. Мощный напор рабочих и солдат Петрограда опрокинул престол Романовых. Радостная весть долетала до Киева,—местопребывания чехо-словацкого центра. Уже 2-го марта в Киеве образовалась межпартийная национальная Рада (Н. Авдеев. «Революция 1917 года». Том. 1-й стр. 58). Но только 3-го марта «Союз чешско-словацких обществ» присоединился к новому строю. Это опоздание само говорит за себя. Еще более характерен текст приветственной телеграммы «Союза» князю Львову от 3-го марта: «Приветствуем доблестных спасителей родины. Преклоняемся перед величием духа вождей, осуществивших величайший в истории человечества подвиг переустройства государства, вырвавших у немцев, заклятых врагов славянства, последнюю надежду на победу. Обновленная Россия—спасение славянства, залог его великой культурной роли в истории человечества. Да будет позволено и нам, чехам и словакам, как свободному народу, принять участие в решительной борьбе. Просим признать нас народом дружественным, союзным, дать нам право и возможность самоорганизации, для чего исполнить давнее ходатайство Союза Чешско-Словацких Обществ о разрешении освобождать верных чехов и словаков из плена, размещать на заводах обороны, принимать добровольцев на фронт. Ходатайство было принципиально удовлетворено, затем распоряжением Штюрмера уничтожено. Помимо громадной пользы делу обороны, освобождение осчастливит наш народ, измученный незаслуженной пыткой долговременного плена. Проведение просимого не составит никаких затруднений. Союзом все подготовлено. Прежнее положение о Чешско-словацком Народном Совете считаем несуществующим. Единственным вождем признаем Масарика. Представителем и организатором народа в России просим считать Союз Чешско-Словацких обществ» (Каржанский, стр. 43—44).

Этот документ настолько рельефно показывает, что **чехословаки отнеслись к русской революции исключительно с националистической точки зрения,** что комментировать его нет смысла.

24-го марта 1917 года Временное правительство утвердило проект положения о формировании чехо-словацких войск. Полнота власти была передана «Союзу чешско-словацких обществ», но вместе с тем, «были в проекте и остатки старых подходов: так язык делопроизводства в чешских формированиях был зачем-то русский. Старший командный состав должен был быть русского происхождения. Все хозяйственные должности (казначей, начальник хозяйственной части и т. д.) непременно замещались русскими по национальности» (Каржанский, стр. 56).

22-го апреля главное управление генерального штаба разослало всем начальникам военных округов следующую телеграмму: «В настоящее время окончательно разрешен вопрос формирования чешско-словацких войсковых частей из добровольцев военнопленных чехов и словаков. Основные положения означенного формирования следующие: 1) Набор добровольцев всецело предоставлен признанному правительством центральному органу, объединяющему представительство чехов и словаков в России, самое же формирование из готового уже набранного означенным выше порядком контингента войсковых частей сосредоточено в руках Особой Военной Комиссии при Штабе Киевского Военного Округа. 2) До создания в России центрального чешско-словацкого органа право набора добровольцев признано возможным предоставить «Союзу чешско-словацких обществ в России». 3) Для производства набора добровольцев из числа военно-пленных чехов и словаков устанавливается особая комиссия по назначению и выбору вышеозначенного центрального чешско-словацкого органа. Эта комиссия под общим наблюдением и руководством означенного центрального органа производит через особых уполномоченных как письменную перепись добровольцев военнопленных чехов и словаков в местах их нахождения, так равно и выбор из их числа тех, кои будут ими признаны благонадежными. 4) В целях облегчения означенным уполномоченным сношений с местными властями могут быть назначены, для сопровождения их, распоряжением Главного Начальника Киевского военного округа, русские офицеры. 5) Набор военнопленных чехов и словаков для формируемых чешско-словацких войск должен производиться при строгом соблюдении условия, в интересах промышленности, назначения в означенные части исключительно чернорабочих, с сохранением всех, обладающих какою-либо специальною технической подготовкою, для нужд промышленности. 6) Намеченные для набора добровольцы по предварительному непосредственному сношению со Штабом Киевского округа подлежат направлению отдельными партиями в распоряжение этого Штаба, на сборные пункты, им указанные. 7) По этим нарядам указания Гугш не ожидать, а только сообщать численные сведения о каждой отправленной партии» (Каржанский, стр. 61—62).

В том же месяце в Киеве произошел новый с'езд чехо-словацких обществ. Его почетным председателем был избран известный лидер чешских националистов профессор Масарик. По его указанию с'езд создал русское отделение чехо-словацкого национального Совета, действовавшего в Париже.

Противодействие формированию легионов, однако, не прекратилось. 6-го июля 1917 года харьковский с'езд горнопромышленников отправил главному управлению генерального штаба телеграмму следующего содержания: «Офицеры славянских народностей ведут агитацию среди пленных резерва донецкого бассейна и склоняют их массами вступить в ряды добровольческих дружин, что влечет за собой расстройство работ на рудниках. Просьба прекратить агитацию и снятие пленных без замены их другими. Горнос'езд» (Каржанский, стр. 64).

Эта и целый ряд подобных ей телеграмм достигли определенных результатов. В июле 1917 года, по просьбе министерства торговли и промышленности и труда, главное управление генерального штаба обратилось ко всем военным округам с циркуляром, предписывающим в учреждениях, работающих на оборону, снимать военнопленных только по замене их другими рабочими.

Тем не менее, несмотря на противодействие, чехо-словацкие отряды росли: слишком усердно Антанта требовала у Временного правительства наступления и слишком малую охоту наступать проявляла русская армия, чтобы Временное правительство могло отказаться от формирования чешских легионов. К концу 1917 года в рядах чехо-словацких легионов было собрано 26.000 солдат и около 300 офицеров. Остальные были в пути. 13-го июня генерал-квартирмейстер ставки Духонин издал следующее распоряжение: «Довести существующую чешско-словацкую бригаду, уже зарекомендовавшую себя блестящей боевой работой, до штата 4-полковой стрелковой дивизии, с соответствующей артиллерией и инженерными средствами и с развертыванием ее 4-ротного запасного батальона в 8-ротный и на этом ограничить в будущем развертывание чешско-словацких частей» (Каржанский, стр. 66—67).

Ожидания Временного правительства не были обмануты: во время пресловутого июньского наступления чехо-словаки проявили полную готовность умереть во славу союзного империализма. В награду за эту услугу, в июле была сформирована вторая чехо-словацкая дивизия, которой была передана материальная часть одной из русских дивизий, отказавшейся наступать, а также орудия, брошенные русскими солдатами и подобранные чехами (там же, стр. 67). История июньского наступления, однако, показала вождям чешского национализма, что рассчитывать на русскую армию в деле разгрома Австро-Венгерской империи не приходится. И вот чехо-словацкий вопрос в России вступил в новую фазу.

Еще в мае в Россию приехал профессор Масарик. Сразу он почуял, что русская армия «разлагается», и вспомнил об одном плане, возникшем еще до февральской революции. Дело в том, что еще в начале 1917 года велись переговоры о разрешении одному из лидеров чешских националистов генералу Стефанику увезти из России на французский фронт 20—30 тысяч чехов. Тогда этот вопрос практического разрешения не получил, но теперь он всплыл на поверхность. Масарик вступил в переговоры с французским правительством о переброске чехо-словаков на западный фронт. Одновременно этот вопрос поднял и приехавший в Россию французский министр социал-патриот Альберт Тома (Каржанский, стр. 68—70).

Тома начал действовать весьма решительно. Об этом свидетельствует следующий доклад генерал-майора Червинки: «Докладываю, что на основании договора, состоявшегося между представителями Франции (министром г. Тома и военным атташе при французском посольстве) с одной стороны и прибывшим в Петербург председателем Чешско-Словацкого Национального Совета, профессором Масариком, с другой,— значительная часть подлежащих формированию чешско-словацких войск может быть перевезена на французский фронт, при чем все расходы по набору, формированию, обмундированию, снаряжению и по перевозке этих войск принимает на себя Франция; а так как все специалисты чехи и словаки, работающие на оборону на русских фабриках, из'яты от набора, то отпадает, в сущности, большая часть возражений, приведенных против формирования чешско-словацких войсковых частей» (там же, стр. 72).

А 26-го мая Альберт Тома уже обратился к генералу Романовскому с нотой следующего содержания: «Вследствие Вашего переговора с полковником **Лаверном** и **Тессье,** 23 мая —5 июня сего года, имею честь сообщить согласие относительно нижеследующих пунктов: 1) Русское правительство предоставляет французскому правительству 30.000 пленных, из них несколько тысяч сербо-кроатов или словаков, остальные чехи. Как те, так и другие будут выбраны среди военнопленных, пожелающих отравиться во Францию в качестве рабочих или бойцов на войне. 2) Материальное положение рабочих и солдат будет установлено в согласии с господином **Масариком** или его представителями. 3) Сербо-кроаты и словаки, пожелающие принять участие в войне, в распоряжение сербской армии не отдаются, если они только не пожелают поступить специально в сербскую армию. 4) Так как число военнопленных вышеуказанных категорий не достигает той цифры, которую мы просили—особенно в отношении подкреплений для сербской армии,—я позволю в будущем опять возвратиться к этому вопросу, по получении сведений касательно точного числа транспортных пароходов, коими мы можем располагать для перевозки войск (там же, стр. 77).

В сентябре 1917 года Масарик повторил свое ходатайство. В ответ министр иностранных дел Терещенко и начальник штаба верховного главнокомандующего Духонин «выразили свое согласие в спешном порядке направить через Архангельск часть чехо-словацких войск, с расчетом прибытия в Архангельск первых эшелонов к 30 сентября» (там же, стр. 81). Однако, к концу сентября чехо-словаки в Архангельск не прибыли, а наступившая зима прекратила навигацию порта Архангельск и сделала невозможной переброску чехов до весны (там же, стр. 83). В таком положении застала чехо-словаков октябрьская революция.

Советское правительство отнеслось к чехо-словакам чрезвычайно дружелюбно и пыталось в дни наступления полчищ немецкого империализма действовать рука об руку с чехословацкими легионерами. Вот что сообщает в своей интересной брошюре тов. Шмераль: «Возвратившиеся домой чехо-словаки рассказывают теперь, что большевики, прежде чем заключить Брест-Литовский мир, пытались организовать сопротивление германскому империализму. Для этого сопротивления они желали также использовать враждебно настроенные к империалистической Германии чехо-словацких частей. Возвратившиеся из России чехо-словаки заявили публично, что Крыленко выпустил весьма дружественный приказ о том, чтобы чехо-словакам в тех местах, где они стояли, оказывалась помощь во всем необходимом, в виде признательности за то, что они в тех местах поддерживали порядок. Тотчас же после своего конструирования чехо-словацкая армия увидела, что не большевики помогали немцам, а национально-буржуазная украинская Рада, изменившая своему «славянству» и пригласившая немецкие и австрийские войска против своего собственного народа и против чехо-словацкой армии» (Шмераль, стр. 10).

Один из вождей чешских коммунистов тов. Муна (кстати, бывший в 1918 г. в России) в своей речи на процессе эсеров дополнил сведения тов. Шмераля следующими данными: «В период наступления немцев на Украину является чрезвычайно характерным соглашение, заключенное вождями чехословаков с немцами у киевского цепного жел.-дорожного моста. Чехо-словацкое командование приостановило там враждебные действия против немцев и только случайно, без ведома ответственных вождей, 6-й чехо-словацкий полк, сообща с неорганизованными большевистскими частями, участвовал в защите жел.-дорожн. узла у Бахмача. После этого чешские части быстро отступают во внутреннюю Россию и на восток. У простых солдат продолжает оставаться впечатление дружеских отношений с Советами. Уход из Украины происходит с разрешения Советского правительства с оружием в руках. Чехо-словацкие солдаты читают сердечную телеграмму, посланную им Антоновым-Овсеенко от 16 марта» («Обвинительные речи на процессе эс-эров», Москва, 1922 г., стр. 122).

Когда нажим германского империализма принудил Советскую Россию подписать Брест-Литовский мир, деятельность чехо-словацких легионов на территории России стала невозможной, и снова поднялся вопрос о перевозке чехо-словаков во Францию. «В конце марта,—пишет в своем официальном докладе тов. Троцкий,—я дал разрешение на продвижение чехо-словацких эшелонов по направлению к Владивостоку, где они должны были погрузиться на суда для отправки во Францию. Условием этого продвижения явилась выдача чехословаками всего вооружения, за исключением определенной части, необходимой для внутренней караульной службы» (Каржанский, стр. 84—85).

Тов. Муна дополняет это сообщение следующими сведениями: «Совет Народных Комиссаров официально соглашается на то, что, конечно, целью движения чехо-словаков является Владивосток и официально приказывает Советам оказывать поддержку чехо-словакам, как организованному целому, на протяжении всей дороги. 28 марта секретарь отдела Чехо-Словацкого Национального Совета Клецанда телеграфировал в армию: «Троцкий отдал приказ всем дорогам оказывать содействие нашему транспорту». В отношении вооружения заключено с Советским правительством соглашение, согласно которого при каждом транспорте остается для охраны 168 винтовок и 1 пулемет, остальное же вооружение должно быть возвращено его настоящему собственнику—русскому государству,—оказывающему поддержку чехо-словакам в их пути во Владивосток» («Обвинительные речи», стр. 122—123). Тут же тов. Муна отмечает интереснейший факт: «Отдельные Сибирские Советы, познакомившись уже на практике с отношением Японии и Франции к русской революции и находящиеся в борьбе с Семеновым, смотрели на чехо-словаков, как на часть французской армии, против пропуска которой на восток, через Сибирь, они протестовали. Но в подобных случаях вмешивается авторитет центрального Советского правительства. Благодаря его влиянию даже Сибирские Совдепы относятся к чехо-словакам дружественно» (там же, стр. 123).

Но неожиданные события помешали благополучному от'езду чехо-словаков из России. Этими событиями оказалась японская интервенция на Дальнем Востоке. «В начале апреля, пишет тов. Троцкий, японцы произвели десант во Владивостоке. Дальнейшие намерения японцев не были известны. Следовательно, нельзя было знать, будут ли иметь чехо-словаки возможность погрузиться во Владивостоке на корабли. В согласии с указаниями правительства, я задержал продвижение чехо-словацких эшелонов и раз'яснил представителям французской военной миссии, а также явившимся ко мне представителям чехо-словацкого национального совета, что приостановка движения чехо-словацких эшелонов ни в коем случае не является мерой, враждебной чехо-словакам, а вызвана исключительно новым политическим и стратегическим

положением на Дальнем Востоке. Вместе с тем предложил представителям национального совета, гг. Макса и Чермак, побудить английское и французское правительства к тому, чтобы они официально выразили свою готовность принять чехо-словаков на свои суда в Архангельске и Мурманске. С своей стороны я обязался к определенному сроку, который должен был быть установлен путем переговоров, доставить туда чехо-словаков. Несмотря на то, что гг. Макса и Чермак обещали мне на ближайшие дни доставить такого рода официальное заявление от заинтересованных правительств Англии и Франции, я никакого извещения не получил. В порядке частного обмена мнений с г. Локкарт, английским уполномоченным, я указал ему на необходимость для английского и французского правительств ныне вынести определенное решение относительно чехо-словаков, так как совершенно невозможно держать в течение месяцев людей в эшелонах, особенно в летнее время. Г. Локкарт никакого ответа дать мне не мог, указав лишь на то, что вопрос с тоннажем стоит очень остро и что он не знает, сочтет-ли возможным английское правительство отправить необходимое количество кораблей. Таким образом, вопрос оставался в полной неопределенности не по вине Советского правительства, а исключительно вследствие, с одной стороны, японского десанта во Владивостоке, а с другой—отсутствие каких-либо определенных заявлений со стороны правительств Англии и Франции...

«...В виду неполучения ответа от Англии и Франции, я сделал через товарища Аралова следующее предложение чехо-словакам: если бы их движение в дальнейшем оказалось невозможным, т.-е. если-бы Англия и Франция не взяли бы их на корабли, то они будут иметь полную возможность остаться в России и выбрать то занятие, которое отвечает их познаниям или их склонностям, т.-е. вступить в красную армию или образовать рабочие артели по профессиям или караульные команды и проч. и проч. Само собой разумеется, что в этом предложении не было ничего принудительного; оно имело целью дать чехо-словакам выход на тот случай, если их путешествие за границу окажется невозможным не по вине Советской власти» (Каржинский, стр. 85—86).

Такое благожелательное и лойяльное отношение Советской власти к чехо-словакам, без сомнения, привело-бы к благополучному предотвращению конфликта, если бы легионеры не подвергались всесторонней и интенсивной «обработке» со стороны агентов контр-революции. Решающую роль сыграла тут прежде всего Антанта, решившая использовать чехо-словаков для восстановления русско-германского фронта и, главным образом, для свержения большевиков. Первые попытки такого рода делались еще в 1917 году. Чешский офицер Черенский рассказывает в своих воспоминаниях: «В конце 1917 года я был послан в Румынию, чтобы защищать там интересы чехо-словацкой армии. Там я вошел в связь с представи-

телями Антанты. Я был приглашен на тайное совещание, состоявшееся в конце ноября 1917 года в Яссах, на котором присутствовали представители Антанты. Мне был поставлен вопрос, способна ли чехо-словацкая армия к вооруженному выступлению против большевиков и сможет ли она занять область между Доном и Бессарабией» (Шмераль, стр. 9).

Далее Черенский рассказывает: «Было бы возможно снестись по этому поводу с профессором Масариком, но только при условии, если бы Антанта взяла на себя снабжение чехословацкой армии, главным образом, в отношении финансовых средств. Переговоры об этих вещах с профессором Масариком должна была вести французская миссия в Киеве, и фактически и генерал Бертело вел также эти переговоры» (там же).

Наконец, по словам того же Черенского, «в середине февраля комендант французской военной миссии в Кишиневе генерал Вулемин, сообщивши о принятии чехо-словацкой армии под покровительство Франции, прямо отдал Черенскому приказ в Кишеневе при второй русской армии создать чехо-словацкую роту и даже, если возможно, один батальон» (там же).

Агенты Антанты не без причины осмеливались приказывать чехо-словакам. Ведь чешские националисты все свои планы строили на торжестве Антанты. К тому же, одновременно с приказами генерала Вулемина, работали такие надежные вербовщики, как миллионы. «Соглашение с союзниками,—рассказывает орган чешских коммунистов «Прукопник Свободы» от 27 июня,—состоялось или в последних числах февраля, или в начале марта. 7-го марта Отделение Национального Совета получило первый взнос от французского консула в сумме 3 миллионов рублей. Эти деньги выданы были некоему г-ну Шип, сотруднику Отделения Национального Совета. 9 марта тому же Шип уплочены были еще 2 миллиона; 25 марта Шип получил 1 миллион. 26 марта тов. председателя Нац. Сов. г. Богумил Чермак получил 1 миллион и 3 апреля опять т. Шип—1 миллион. Итого французским консулом уплочено было Отд. Нац. Советов с 7 марта по 4 апреля 8 миллионов. Без обозначения числа было уплочено г. Шип 1 миллион, г. Б. Чермак—1 миллион, г. Шип—вторично 1 миллион. Кроме того, неизвестному лицу уплочено было 188.000 руб. Итого 3.188.000 р. С указанными выше 8 миллионами получается сумма 11 миллионов 188.000 р., которые французское правительство уплатило Отделению Национального Совета. От английского консула Отделение приняло 80.000 фунтов стерлингов. От 7 марта до дня выступления вожди Отделения Национального Совета получили от французского и английского правительств около 15 миллионов руб. и за эти деньги была продана чехо-словацкая армия французским и английским империалистам» (см. брошюру «Соединенное заседание В. Ц. И. К., Московского Совета, представителей ф.-зав. к-тов, проф. союзов г. Москвы и Всероссийского С'езда председателей Советов 29 июля 1918 г.». Изд. В. Ц. И. К. Москва, 1918 г.).

Таким образом, в марте чехо-словаки окончательно перешли на содержание стран Антанты.

Факт руководящей роли Антанты в авантюре подтверждается и тем фактом, что еще до начала мятежа первое предупреждение о нем исходило в Самаре от явного французского агента. Вот что рассказывает в своей брошюре монархист Антон Соловейчик: «В мае 1918 г. было получено в Самаре весьма таинственное предупреждение. Некий француз Жанно в середине мая обратился весьма конспиративно к местным представителям партий соц.-рев., конст.-дем. и буржуазии с предупреждением о необходимости для этих групп быть готовыми к тому, что Советская власть может оказаться свергнутой и им тогда представится возможным создать новую власть и начать на берегах Волги борьбу с большевизмом. Поэтому г. Жанно выдавал себя за агента французского посольства в России, предлагал представителям вышеназванных групп договориться между собой заранее, чтобы в момент, когда придется действовать, между ними не началась-бы новая междоусобица» (А. С. Соловейчик. «Ворьба за возрождение России на Востоке». Ростов-на-Дону, 1919 г., стр. 8).

Одновременно с тем, как Антанта не давала кораблей для эвакуации чехов и в то же время подготовляла авантюру, российские белогвардейцы развили достаточно усиленную деятельность. «В той же Сибири,—пишет в своих воспоминаниях чешский майор Кратохвиль,—кроме официальной Советской России жила еще—понятно скрытно—бывшая официальная старая Россия в лице военных и политических генералов, которых революционное течение оторвало от войска или масс. По естественной людской психологии они никогда не могли помириться с обществом, в котором не играли сами же своей старой роли. Естественно, что они обращали свой взгляд к чехо-словацкой армии, приветствуя и раздувая каждый конфликт между ней и Советами, ревниво препятствуя каждому сближению с Советами. В это время, при понятной невозможности вырвать от победоносной революции центр государства, начал в бою с ней проводиться лозунг: окружить революцию с окраин, т.-е. от портов, главным образом, в надежде на помощь извне, от союзников. На юге и востоке русского государства было, при помощи Франции и Японии, положено этому начало. Поэтому на восток к Хорвату и Семенову, в поисках средств для существования, направлялось целое течение бывших офицеров, очутившихся в России без занятия. Кроме того, широкая и богатая Сибирь, пережившая без большого ущерба революционную бурю, дала приют и прикрытие всем «бывшим людям». Сибирская магистраль являлась им всем дорогой к открытым дверям из России. Это тяготение на Восток было настолько большим, что Советское правительство, наконец, запретило всем сомнительным элементам, в первую голову офицерам, путешествовать восточнее Красноярска. Последние, следующие без средств из России в Сибирь, нахо-

дили очень часто приют и бесплатную езду в наших поездах, направляющихся, как и они, на Восток. Это, в общем, было больше простое сожаление к страдающим людям (в чешском понятии: к «русским, славянским патриотам»), чем сознательная поддержка русской контр-революции, но эта связь не могла остаться без определенных последствий. Осведомленные отсюда о нашем настроении русские офицеры, которыми была переполнена Западная Сибирь, как представители «русской интеллигенции», подыскивали связь для своей тайной организации и возбуждали и поддерживали в нас недоверие к Советской власти. Уже давно, до выступления на станциях, где мы задерживались на большое время (что позднее советский делегат на первом с'езде в Челябинске об'яснял техническими недочетами и саботажем именно «русской интеллигенции»), уговаривали нас к насильственному выступлению, уверяя, что Советы нас боятся, что если мы выступим с винтовкой в руках, они не только ускорят наш от'езд, но и дадут денег (Челябинск). От офицеров часто в вагонах чехо-словацких поездов принимались донесения; они играли для нас роль шпионов. Позже, перед самым выступлением, они своей помощью содействовали удачным действиям, так как доставляли планы городов, размещения гарнизонов и т. д.» (Шмераль, стр. 17—18).

Происки монархического офицерства и агентов антантовского империализма встретили горячий отклик в сердцах чехо-словацких вождей. Эти последние вообще представляли собою буржуазных политиков, настроенных крайне реакционно. Упоминавшийся выше доктор Стефаник впоследствии поучал легионеров следующим образом: «Кто знает, не были-ли бы для настоящего переходного времени монархия более выгодной. Трудно об этом судить» (Шмераль, стр. 21). В той же брошюре тов. Шмераль сообщает, что другой вождь чехо-словаков Павлу был сторонником монархии Романовых (там же, стр. 22). Третий руководитель чехо-словаков Дюрих состоял ранее на содержании царского правительства и «был совершенно благонадежен, без малейшей примеси левых идей» (Каржанский, стр. 30—31).

Однако, подействовать на рядовых легионеров лозунгами реставрации было невозможно. Тут **на помощь агентам Антанты, российскому белогвардейскому офицерству и вождям чешского национализма пришли на помощь эс-эры.** Вот что сообщает в своих воспоминаниях белогвардейский эмигрант подполковник Борис Солодовников: «Никакой случайности не было и в самом факте вмешательства чехо-словаков в наши русские дела. Еще в начале мая 1918 года, в Москве, на квартире адвоката Виленкина, при полковн. ген. штаба Н. Пораделове, я встретился однажды с известным эс-эром, полковником В. И. Лебедевым и понял, что, подготовляя восстание, эс-эры возлагали надежды на чехо-словаков» («Сибирские авантюры и генерал Гайда», Прага, стр. 3—4).

Было одно обстоятельство, которое облегчило сибирским эс-эрам их провокаторскую работу. В их руках, как указывает майор Кратохвиль, находилась вся потребительская кооперация, обладавшая запасами продуктов, этим лучшим инструментом к пробуждению и регулированию массовых движений. Эти запасы потребительских кооперации, от которых зависели чешские эшелоны, открыли эс-эрам дорогу в сердце чешской армии. Чешские офицеры именно посредством эс-эровских кооперативов вошли в связь с тайными офицерскими организациями, которые заменили эс-эрам ушедшие от них народные массы и являли собою живую силу для контр-революционного переворота. Таким образом, с самого начала реальная помощь была в руках военных: политики стали только вспомогательным органом и прикрывали их» (Шмераль, стр. 14).

При помощи российских белогвардейцев чехо-словацкие вожди начинают обрабатывать рядовых легионеров. «Начиная с февраля 1918 года,—говорил Муна на процесс эс-эров,—можно наблюдать, как на чехо-словаков оказывается систематическое влияние с целью восстановления их против Советов. Уже в январе распространяются среди них тенденциозные слухи о том, что Советское правительство будет выдавать всех военно-пленных чехо-словацких добровольцев в руки австрийской юстиции. Существование этих слухов подтверждается статьей в официальном органе чехо-словацких руководящих кругов (в чехо-словацком «Деннике»), в которой руководители чехо-словацкой армии находят необходимым опровергнуть эти слухи, принявшие такие размеры, что они мешали набору военно-пленных в чехо-словацкую армию» («Обвинительные речи», стр. 122).

Контр-революционное одурманивание рядовых легионеров носило характер форменной провокации. Вот что сообщил на процессе тов. Муна: «В тот момент, когда представители Антанты предлагали Советскому правительству изменить направление на Архангельск, в это же самое время агенты Антанты вели провокационную агитацию в чехо-словацких частях (как видно из письма б. поручика, ныне генерала чехо-словацкой армии Сирови) против направления на Архангельск и за Владивосток, указывая, что изменение маршрута тайно обусловлено соглашением Советского правительства с графом Мирбахом, с целью потопления чехо-словацких частей германскими подводными лодками в Северном Ледовитом Океане» (там же, стр. 126).

Эти слухи подкреплялись участием в контр-революционной работе «социалистической партии»—П. С.-Р. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие строки тов. Шмераля: «Когда они (чехо-словаки—Г. Л.) выступали против Советов, офицеры и политические руководители говорили им, что они находятся лишь в состоянии необходимой самообороны. После им говорилось, что красная армия состоит из немцев и

мадьяр, чем оказывалось воздействие на национальные чувства и одновременно пробуждался страх физического уничтожения. Впоследствии рядовых легионеров старались убедить, что большевистская армия составляет часть немецкой армии и что они в Сибири держат фронт против Германии. Все это внушалось вождями согласно советам и влиянию Антанты. Для рядовых участников чехо-словацких легионов в первый момент было невозможно разглядеть внутреннюю подоплеку этой игры. От них скрывали важнейшие факты. Они не имели никакого представления о связи, существующей между ними и другими контр-революционными центрами по периферии Советской России в рамках общего контр-революционного плана, который выработала и проводила в жизнь Антанта. Чехо-словацкая армия, состоявшая большей частью из рабочих, давала ввести себя в заблуждение тем легче, что ее вожди указывали ей на умеренных, разумных, честных русских социалистов, находившихся в союзе с чехо-словаками. Этот аргумент для большинства рабочих из чехо-словацкой армии являлся решающим, чтобы убедить их в том, что борьба с большевизмом является услугой делу социализма» (Шмераль, стр. 8).

Первые попытки опереться на чехо-словаков в организации анти-советских сил относятся еще к тому времени, когда происходила пресловутое совещание в Яссах. «Уже в ноябре 1917 г.,—сообщил тов. Муна,—в России образовался при помощи представителя Антанты, под вывеской партии кадетов, контр-революционный фронт под предводительством генерала Алексеева. И на этом фронте были чехо-словацкие части, организованные известными реакционерами Кралом и Помечеком. В руки Советского правительства попало вместе с курьером компрометирующее письмо генерала Алексеева, в котором он обращался к французской миссии с просьбой о посредничестве перед проф. Масариком для того, чтобы чехо-словацкая армия, или же хотя-бы часть ее, была перевезена на Дон. Крал организовал на Дону,--непосредственно после октябрьской революции, на французские деньги, предлагая значительные суммы,—чехо-словацкие «легионы». И он не организовал их против немцев. Наоборот, когда немцы заняли Украину, то у него с ними установились вполне добрососедские отношения и даже в так называемой «Астраханской армии» он руководил организацией чехо-словацких «легионов», в непосредственном контакте с немцами («Обвинительные речи», стр. 120).

Однако серьезное вовлечение чехо-словацких легионов в контр-революционную авантюру стало возможно лишь в связи с вопросом об эвакуации чехов через Сибирь. Действия Антанты, направленные к замедлению разрешения вопроса об эвакуации чехов через Архангельск, имели очень определенную стратегическую цель. «Многие эшелоны,—пишет Каржанский,—повернулись обратно, и вместо направления Владивосток, взяли направление Урал. План их был ясен: у наибо-

лее крупных пунктов, как Омск, Томск, Чита, Иркутск, сосредоточить крупные кулаки» (Каржанский, стр. 84).

Официальным поводом, который дал чехо-словацким вождям возможность демагогически вопить о самозащите, было разоружение чехов Советской властью. Выше уже указано, что Советское правительство заключило соглашение с командованием чехо-словаков о возвращении оружия Российскому правительству и об оставлении при эшелонах только небольшого количества вооружения для охраны имущества.

Народный комиссариат по иностранным делам сообщил: «Разоружение чехо-словаков не может быть ни в коем случае расматриваемо, как акт недружелюбия в отношении держав согласия. Оно вызвано прежде всего тем, что Россия, как нейтральное государство не может терпеть на своей территории вооруженных отрядов, не принадлежащих к армиям Советской Республики. Непосредственным же поводом к применению решительных и строгих мер, в целях разоружения чехо-словаков, послужили их же собственные действия. Еще задолго до нынешнего вооруженного контр-революционного мятежа в Сибири, до сих пор еще не подавленного, чехо-словацкие отряды, не подчиняясь железнодорожным правилам и местным Советским властям, вносили дезорганизацию в железнодорожное сообщение и особенно в продовольственное дело, силою оружия захватывая продовольственные склады, а в некоторых местах производили акты насилия над социалистами. Советское правительство, между тем, искало миролюбивого выхода из становившегося все более тревожным положения, но в виду все более вызывающего отношения чехо-словаков и создаваемой их вооруженным продвижением опасности, принуждено было ускорить необходимые меры к их разоружению» (Каржанский, стр. 93—94).

Как знает читатель, чехи согласились сдать оружие, но согласие не всегда совпадает с выполнением. «Получив приказ разоружиться, пишет Каржанский, чехо-словаки требование исполнили, но они убедили правительство оставить вооруженные команды для сопровождения и охраны имущества. Это дало им возможность оставить в своем распоряжении не только достаточное количество винтовок и патронов, но и орудия», (там же, стр. 83).

В то время, как союзники не давали возможности Советскому правительству окончательно выяснить маршрут чехо-словаков, последние, подстрекаемые контр-революционными агентами, стали требовать у железнодорожных властей скорейшей отправки, при чем выяснилось, что оружие у них осталось в несравненно большем количестве, чем это разрешено договором. 26-го мая чехо-словаки подняли в Челябинске открытое восстание. «После захвата Челябинска, сообщает Каржанский, сконцентрировав там свои силы, чехо-словаки созвали в ней свой с'езд, на котором был избран исполнительный комитет, взявший власть над всеми чехо-словацкими эшелона-

ми в свои руки. Одновременно с вынесением с'ездом резолюции о мирном продвижении чехо-словаков на восток, часть эшелонов двинулась на запад, в екатеренбургском направлении, захватив ст. Органы» (там же, стр. 90).

Одновременно восстание развивалось вдоль Сибирской магистрали. «Вечером 25 мая Гайда (чешский генерал—Г. Л.) захватывает Ново-Николаевск, арестовывает Совет, ставит у власти заранее подготовленное временное сибирское правительство, которому от имени чехо-словаков обещает поддержку» («Обвинительные речи», стр. 127). **Это восстание было вовсе не стихийным ответом на мифическую «провокацию» Советского правительства, а заранее обдуманным контр-революционным выступлением.** Об этом свидетельствует следующее сообщение майора Кратохвиля: «Ортодоксальный социалист-революционер Марков, до самой своей смерти бывший упрямым теоретиком антибольшевизма, один из первых участников настоящего переворота (председатель комитета Учредительного Собрания), погибший в 1919 г. от руки продолжившего начатое этим социалистом-революционером дело Семенова, утверждает, что за несколько дней до выступления ему была передана в Мариинск телеграмма Гайды, лаконически сообщавшая о выступлении 25 мая против Советской власти. Этой телеграммой группе, к которой принадлежал этот социалист-революционер, предлагалось им присоединиться к Гайде. На свою просьбу о 14-дневной отсрочке Марков получил ответ, что распоряжение отменено быть не может» (Шмераль, стр. 13).

Несмотря на явную агрессивность действий чехо-словаков, Советское правительство до последнего мгновения пыталось избежать войны. Тов. Троцкий 31-го мая, через 6 дней после инцидента в Ново-Николаевске, вручил представителю чехо-словаков Вячеславу Нейберту документ, в котором, между прочим, говорилось: «Чехо-словацкие эшелоны подняли свое оружие против советской власти, захватывали вокзалы и даже овладели властью в отдельных городах. Само собою разумеется, что советская власть не может потерпеть такого положения. В полном согласии с центральной властью я, как военный комиссар, отдал распоряжение о немедленном и безусловном разоружении всех чехо-словацких эшелонов и о расстреле всякого чехо-словака, который не сдаст добровольно своего оружия. В том же сообщении я обещал от имени правительства всякое содействие лояльным чехо-словакам как в смысле их выезда из России, так и в смысле обеспечения существования в России тех из них, которые добровольно пожелали бы остаться. **Все эти заявления и распоряжения сохраняют свою силу целиком и в настоящий момент** (курсив мой Г. Л.). Это значит, во-первых, что чехо-словаки обязуются сдать полностью и безусловно все имеющееся в их руках оружие, во-вторых, я обязуюсь от имени центральной советской власти сделать все от нас зависящее для того, чтобы чехо-словаки могли в кратчайший срок выехать за-границу через те

или другие порты, относительно которых должно произойти деловое согласие с представителями чехо-словаков и представителями Англии и Франции, в третьих, при эшелонах должны находиться в качестве коммиссаров чехо-словаки, французы и представители советской власти. За полную безопасность чехо-словаков, за их обеспечение продовольствием советская власть берет ответственность на себя» (Каржанский, стр. 87).

Однако, 28-го мая чехи начали наступать на Пензу, а 31-го, под давлением советских войск, очистили Пензу и, захватив в качестве заложников несколько членов Пензенского Совета, двинулись на Сызрань.

Советской власти не оставалось ничего другого, как считать чехо-словаков воюющей стороной. Выбитые из Сызрани, чехо-словаки перешли Волгу и начали наступать на Самару. Попытка войти в переговоры с чехами кончилась неудачей: выехавшие к чехам с поручениями Самарской Советской власти т.т. Трайнин и Кожевников вернулись ни с чем. Пришлось приступить к обороне города. А в это время обрадовавшиеся эсеры направили к чехам Брушвита. Вот что рассказывает последний о своей миссии:

«Переходя к истории своих переговоров с чехо-словаками, докладчик (т.-е. Брушвит, Г. Л.) начинает со своей поездки в Сибирь. После освобождения из тюрьмы он поехал туда для установления связи. В Томске оказалась довольно прочная организация эсеров. Между прочим, Брушвиту пришлось встретиться с генералом Гришиным-Алмазовым, который поцеловал его и выразил радость, что их работа расширяется.

«По возвращении из Сибири, когда в Пензе вспухнуло восстание чехов, докладчик поехал туда.

«Первоначально чехи встретили его холодно и даже недружелюбно. Они заявили, что их главная цель—пробиться на Дальний Восток и что во внутренние дела России они вмешиваться не намерены.

«Брушвит убеждал их, что на местах имеются организации, могущие поддержать их выступление и помочь им бороться с Германией.

«В Сызрани, когда явился к докладчику мальчик и привез подробные сведения о расположении большевистских войск, чехи стали убеждаться, что в Самаре имеется надлежащая организация. Еще большее впечатление произвела на них присылка Бурцевым подробного плана полковника Галкина, как взять Самару. Взятие крестьянскими эсеровскими дружинами Тимашевского завода, установление ими охраны моста, радушная встреча крестьян, доставивших чехам провизию и все необходимое, а также восстание Уральских казаков окончательно убедило чехов, что Россия может возродиться и они решили взять Самару» («Вестник к-та Учр. Соб.» от 6 сент.).

8-го июня чехи ворвались в Самару, и власть перешла к эсеровским заговорщикам. Чехо-словацкие вожди, приспособ-

ляясь к настроению рядовых легионеров и своих эсеровских союзников, всячески подчеркивали свой демократизм.

11 июня в самарских газетах появилась статья комиссара чехо-словацкого корпуса Ленфельда, в которой он отвергает указание на контр-революционность чехо-словацких отрядов и ссылается на то, что «чехо-словаки—народ демократический и революционный». С тех пор слово «демократия», «социализм», «революционность» не сходят с языка чехов.

В «Вестнике К-та членов Учред. Собрания» от 13 августа напечатано любопытное обращение «От чешско-словацких социалистов русским социалистам». «Цель нашего движения--чисто-революционная». «Чешско-словацкое революционное войско»... «Наша армия демократическая»... «Мы, как социалисты, уверяем вас, что наша армия не будет и не может быть использована в целях контр-революции». В таком тоне написано это обращение. Заканчивается оно следующей программой: «Автономная Сибирь, соединенная с федеративной демократической Российской Республикой. Созыв Учредительного Собрания. Непризнание Брест-Литовского мира. Вооруженная борьба против германского империализма. Защита гражданских свобод. Охрана и защита профессиональных союзов. Передача всей земли народу. Недопущение военной диктатуры».

Свой «демократизм» чехи простерли до того, что «поступило в политический красный крест от уполномоченного чехословацкого Национального Совета д-ра Влассака 1000 руб., для улучшения положения семейств политических заключенных» («Вестник К-та чл. Учр. Собр.», № 48). Чешские палачи, жертвующие семьям их жертв! Неправда ли, благородный жест?

Однако, демократизм чешского войска был не особенно надежен, тем более, что Антанта не только подготовила авантюру, но и продолжала относиться к чехо-словакам, как к своим ландскнехтам.

Целый ряд фактов свидетельствует о беспрерывной связи Антанты с чехами. Последних «приветствовал с чувством воинского уважения» явившийся по поручению из Версаля для удушения революции английский генерал Пуль. С ними все время якшались французские дипломаты Жанно, Комо. Их восточно-сибирскими отрядами командовали французские офицеры, как, например, подполковник Женье (см. «сообщение отделения Нац. Совета» в уфимской эсеровской газете «Народное дело» от 8 сентября 1918 года). Когда во Владивостоке высадились союзники, они составили с чешскими войсками, действовавшими под командой царского генерала Дитерихса, одну группу (то же сообщение). «Для чехо-словаков в Америке заказана вся обмундировка и снаряжение» (там же).

Эта близость не сулила ничего хорошего.

Будучи единственной военной силой, на которую опирались учредиловцы, совершая переворот 8 июня, чехи и позже играли громадную роль в учредиловской армии. Вот яркий

пример. 17 июля К-т членов Учредилки приказом № 114 назначил начальника 1-й Чехо-Словацкой Гуситской стрелковой дивизии полковника Чечека «командующим всеми войсками Народной Армии и мобилизованными частями Оренбургского и Уральского казачьих войск». Точно также впоследствии командир чехо-словацкого корпуса генерал-майор Сыровой был «Главнокомандующим всеми вооруженными силами Российской и союзных армий, действующих против советских войск».

И чем меньше поддерживали учредиловцев народные массы, тем большую роль играли чехо-словаки. Вот что рассказывает майор Кратохвиль: «В то время, когда верхи правительства и штабы, как наши, так и русские, разростались в ширину и вышину,—с'уживалась постепенно их естественная база. Бесполезно было, в целях увеличения вооруженной силы, прибегать к мобилизации. С чешской помощью насильно сгонялись под знамена вновь воскреших русских генералов новые борцы за порядок. Для надежности и для поднятия упадшей военной дисциплины новых частей всюду, прежде всего, требовалось присутствие чехо-словацких частей» (Шмераль, стр. 19).

Но чехи были не только войсками учредиловцев, они же были и их патентованными жандармами. Дело сыска, обысков, арестов долгое время почти всецело находилось в руках чешских комендатуры и контр-разведки. Но даже и тогда, когда учредиловцы обзавелись русскими жандармами, чехи продолжали играть заметную роль в усмирительной деятельности «Комуча». Так, когда 18-го сентября К-т Учредилки приказом № 281 учредил чрезвычайные суды для борьбы с большевизмом, в состав самарского чрезвычайного суда входил «один от чехо-словацких войск» («Вестник К-та чл. Учр. Собр.» от 21 сентября).

Чехи усмиряли всякие волнения, восстания, как, например, волнения полков «Народной Армии» в Самаре. Когда хотели послать самых надежных усмирителей, посылали чехов. Так, по словам т. Трайнина, когда, после отбития Советскими войсками Казани, усилилась подозрительность господ Вольских, в тюрьму был послан для обыска отряд именно чехов. Затем «в тюрьму был также назначен специальный караул из чехов, который по малейшему поводу стрелял в окна заключенных» («Солдат, Рабочий и Крестьянин» № 134 за 1918 г.).

Вообще чехи были застрельщиками белого террора. Эти «демократы» приняли участие в разгуле военщины, процветавшем под крылом Учредительного Собрания, и даже порой в самосудах. Так в номере от 6 сентября уфимской эсеровской газеты «Народное Дело» напечатано обращение Златоустовского бюро эсеров и меньшевиков к временному сибирскому правительству, в котором рассказывается, что чехо-словацкий эшелон взял из местной тюрьмы и самовольно расстрелял несколько политических заключенных, находящихся в введении гражданской следственной власти. Не менее интересен, чем

этот самосуд и знаменитый обыск в кооперативной рабочей столовой в Самаре (Об этом обыске см. мою брошюру «В дни Самарской Учредилки», стр. 25—28).

Любопытно также следующее проявление чешского «демократизма». Сибирское Временное правительство не сразу решилось ввести для восстающих трудящихся смертную казнь, и ограничилось сперва назначением для них каторги. Тогда чехо-словацкий Национальный Совет (русское отделение) обратился к сибирскому правительству с протестом. Чехи потребовали введения для повстанцев, большевиков и т. п. смертной казни.

Эсеры и буржуазия носили своих спасителей, что говорится, на руках. Не говоря о том, что каждое собрание, каждый митинг начинался с приветствий «братьям—чехам», каждое воззвание заканчивалось здравицей тем же палачам с бело-красными ленточками на кепи, нет недостатка в выражении форменного «обожания» буржуа и соглашателями господ Чечеков, Фиала, Ребенда, Швецов и К-о. Капиталисты оценили по достоинству своих верных чешских рыцарей. Телеграмма из Омска от 29 июля сообщает, что на с'езд чехо-словацкого войска «явились представители торгово-промышленников, принося 12000 руб. в пользу раненных чехо-словаков» («Уфимская Жизнь» № 890).

Вот характерный документ, иллюстрирующий отношение к чехам белогвардейцев:

«В Бугуруслане образовался комитет по постановке памятника павшим в бою того же уезда братьям чехо-словакам.

«Комитет просит граждан города и уезда, которые ценят братскую службу чешских добровольцев, пойти навстречу комитету для постановки памятника героям. Их лозунг — «за вашу и нашу свободу».

«По сведениям штаба, в Бугурусланском уезде пало приблизительно 40 человек, которые похоронены в разные местах уезда.

«Пало 40 сыновей Чехии, чтобы дать жизнь тысячам погибающим под террором преступников. Пало 40 чешских соколов—далеко от любимой родины, далеко от своих родных, которые после войны пожелают посетить могилу своих близких, — куда им обратиться, где сложить венок из чешской липы? Где известить их всех, что родной край свободен, свободна чешская Прага? Пусть будет памятник свидетелем настоящего момента.

«Пусть сыновья вновь возрожденной России не забывают братьев чехо-словаков, не забывают, что одна судьба и цель неразлучно их соединила под славянским флагом.

«Жертвуйте и не жалейте копейки для тех, которые не пожалели своей жизни

«Пожертвования принимаются казначеем комитета г. Агеевым

«Чешско-русский комитет» (Бугурусланская газета «Народное Дело» от 28 июля).

Постановления о памятниках выносились и в Самаре, и в Стерлитамаке.

Не менее любопытную картину представляет и так называемый «Праздник народов». 28 сентября чехи праздновали день своего князя Вячеслава, причисленного церковью «к лику святых». «Демократы» из Комуча поспешили расшаркаться перед княжеской святостью.

В «Вестнике К-та Учредит. Собр.» от 26 сентября было напечатано следующее «Постановление № 15»:

«В субботу 28 сентября, в день св. Вячеслава, доблестные наши братья чехо-словаки будут праздновать свой национальный праздник на освобожденной территории Русского Государства.

«Дружба и близость чехо-словацкого народа, его заслуги перед Россией обязывают совет управляющих ведомствами об'явить 28 сентября сего года, день св. Вячеслава, днем неприсутственным и предложить правительственным и общественным учреждениям и гражданам украсить свои жилища флагама и принять участие в устраиваемом чехо-словаками торжестве».

Праздник прошел со всей подобающей пышностью. Не станем его описывать. Расскажем только, как отметило его Самарское губернское земство. Земство постановило: «1) учредить одну стипендию в Самарском Университете в 1000 руб. имени чехо-словаков, предпочтение при назначении этой стипендии должно быть отдано кандидату из чехо-словаков, если таковой окажется; 2) учредить стипендию имени Самарского Губернского земства в Пражском Университете; 3) ассигновать 5 тысяч руб. в распоряжение представителя чехо-словацкого Национального Совета, вручив эти деньги уполномоченному представителю д-ру Власcак; 4) ассигновать 5 тысяч руб. в пользу семей чехо-словаков, погибших в России в борьбе за народоправство, передав эти деньги д-ру Власcак» («Вестник К-та», № 67).

Этих примеров достаточно, чтобы уяснить, какое трогательное единение существовало между русскими и чешскими «демократами».

Однако, в той же мере, в какой восторгались чехами эсэры и буржуазия, ненавидели чехов рабочие и крестьяне. Чехи чувствовали это. И в «Вестнике К-та Чл. Учр. Собр.» (№ 58 от 17 сентября) было напечатано замечательное обращение чехов к «гражданам, братьям русским», подписанное полковником Чечеком, доктором Власcаком и капитаном Медеком. Начинается оно с указания на взятие Советскими войсками Симбирска, Казани и Вольска. Эти неудачи «являются следствием превосходства сил врагов, которыми уже командуют немецкие офицеры во главе с австрийскими генералами». Далее чехи отмечают, что Советская власть «к нашему (т. е. чешскому,

Г. Л.) сожалению все-таки пользуется до сих пор у многих из вас (т. е. «братьев—русских»—Г. Л.) для нас непонятными симпатиями». Но интереснее всего следует место: «Второй причиной этих военных неудач является то обстоятельство, что вся тяжесть борьбы лежала на чехо-словацких солдатах, которые в течение 3½ месяцев проявили сверхчеловеческие усилия, чтобы дать возможность русскому народу собраться, с'организоваться. Но время, к сожалению, долгое время прошло даром. Мы далеко не встретили той поддержки и того понимания, на которое мы вправе были рассчитывать, когда решили протянуть русскому народу бескорыстно свою братскую руку». Таково любопытнейшее признание чехов, заканчивающееся призывом к поддержке, «спокойствию и оружию». Этот документ неопровержимо доказывает, что, **во-первых, чехи были единственной силой, на которую опирались учредиловцы, во-вторых,** что **чехи не пользовались никакой популярностью в массах.**

С этим признанием совпадают следующие слова, высказанные одним из вождей чехо-словаков Богданом Павлу в беседе с Майским на Челябинском вокзале в последних числах августа: «Создание русской армии у нас, на Волге и в Сибири идет слишком медленно. Государственный аппарат также налаживается плохо. Вместо того, чтобы единым фронтом вести борьбу с большевиками, отдельные анти-большевистские правительства начинают грызню между собой. Нас, чехов, всем этим вы ставите в крайне затруднительное положение. Мы согласились вам помочь в расчете, что в течение двух-трех месяцев вы сумеете стать на ноги и дальше вести борьбу сами. Вместо этого вы заставляете нас драться на ваших фронтах. Чешские части уже три месяца находятся в непрерывных боях, они страшно устали, а смены им вы не даете. Так долго продолжаться не может. Если в ближайшем времени не произойдет радикальной перемены, нам придется пересмотреть свою позицию». («Демократическая контр-революция», стр. 172).

Явное отсутствие поддержки эс-эров со строны масс способствовало рассеиванию обмана, которому поддались ранее рядовые легионеры. Последние разочаровались в учредиловщине, но националистические предрассудки, воинская дисциплина, изолированность от внешнего мира препятствовали быстрому переходу легионеров на точку зрения большевизма. Черносотенные вожди чехо-словаков прекрасно использовали этот отлив симпатии рядовых легионеров к Учредилке в дни Колчаковского переворота.

18 ноября Колчак произвел свой переврот, арестовав в Омске «Всероссийское Правительство»,—директорию. Помня обещание чехов противиться военной диктатуре, учредиловцы надеялись на них. В № 58 от 19 ноября перекочевавшей в Уфу самарской эс-эровской газете «Народ» появились первые сведения о перевороте Колчака. В передовице этого номе-

ра «Контр-революционный переворот в Омске» есть такое место:

«Что особенно волнует и радует до глубины души, так это то, что чехо-словацкие революционные войска вновь с русским народом против насильников...

«Уже Совет Управляющих Ведомствами и С'езд Членов Учредительного Собрания приняли все меры к тому, чтобы начать борьбу с омским предательством. Мы уверены, что и этом им помогут, об'единившись в одно, и чехо-словацкий национальный совет, и все верховное командование».

Точно также и представители Ц. К. П. С.-Р., Ц. К. Труд. Нар. Соц. Партии, а также Уфимские губ. и гор. К-ты П. С.-Р., Уфимский к-т Р. С.-Д. Р. П., уфимские комитеты Н.-С. и «Бунда» в телеграмме Чехсовету выражали уверенность, что Чехсовет «займет и теперь определенно-отрицательную позицию по отношению к омскому контр-революционному заговору и, как раньше, пойдет рука об руку с русской демократией» (Уфимская меньшевистская газета «Голос Рабочего» от 21 ноября 1918 г.).

Тщетная надежда. Чехи поступали не так, как им диктует «демократизм», а так, как приказывают кудившие их союзники. В тот же день, когда в «Голосе Рабочего» появилась телеграмма «социалистов» Чехсовету, в другой уфимской газете,—кадетской «Уфимской Жизни»,—сообщалось:

«По имеющимся вполне достоверным данным, Главнокомандующий Западным фронтом генерал Гайда и Чешский Национальный Совет, как представители иностранной союзной державы, не признали законности происшедшего в Омске переворота.

«В дальнейшем **та или иная ориентация в отношении омских событий будет принята в полном согласии с остальными союзными державами»** (курсив мой. Г. Л.).

Но, пока союзники выжидали и присматривались к Колчаку, «непризнание» его чехам выразилось в том, что они — пальцем не пошевелили для защиты «народовластия» и Учредилки. 19 ноября в Екатеринбурге офицеры арестовали с'езд членов Учред. Собрания. Чехи были настолько милы, что добились у офицеров того, что учредиловцев не расстреляли и только выслали на Челябинск, задержав Чернова, который был ненавистен монархистам, как бывший циммервальдец (впрочем, учредиловцы Чернова в конце-концов отстояли). Генерал-майор Гайда подписал 19 ноября следующий приказ № 1270:

«Президиуму С'езда Членов Учредительного Собрания. Ввиду создавшегося положения, считаю необходимым предложить вам выехать из Екатеринбурга 20 сего числа, в 4 часа пополудни. Г. Екатеринбург находится в прифронтовой полосе и прокламации, в роде сегодняшнего призыва к вооруженному выступлению против некоторых слоев населения, могли бы очень вредно отразиться на фронте. Всем членам Учред.

Собрания, за исключением Чернова, гарантирую личную безопасность до самого Челябинска» (см. статью члена Учр. Собрания Абрамова в газете «Народ» от 1 декабря 1918 года).

Постановление «полномочного С'езда членов Учредилки» в этом приказе называется «прокламацией». Учредиловцам приказывается убраться из Екатеринбурга. Это означало, что чехи пойдут с Колчаком.

В Уфе при свержении «Комуча» чехи вели себя еще равнодушнее, не ударив палец о палец для спасения «Комуча».

Колчаковский переворот, носивший откровенно реакционный характер, значительно способствовал отрезвлению чехов. Сознание предательской роли чехо-словацких легионов, неприязнь к своему офицерству наблюдались частично среди чехо-словаков еще до переворота 18-го ноября. «Среди чешских войск, вспоминает Майский, были части, которые высшее командование опасалось пускать на фронт из боязни, что они перейдут к большевикам» («Демократическая контр-революция», стр. 172). Мне вспоминается следующая характерная сценка, относящаяся, примерно, к сентябрю 1918 г.: один товарищ гулял неподалеко от самарской тюрьмы с двухлетней дочкой недавно арестованной чехами Марьи Оскаровны Авейде. — Где твоя мама?—спросил товарищ.—Ее чех взял,—пролепетала малютка. — Не чех, а офицер,—угрюмо поправил стоящий на карауле у тюремной стены чешский солдат.

Вожди чехо-словацкого национализма сделали целый ряд попыток для того, чтобы привлечь чехов на сторону Колчака. С этой целью в Сибирь выехали из Парижа французский генерал Жанен и чехо-словацкий военный министр генерал Стефаник. Майор Кратохвиль приводит в своей книге следующие обращения генерала Стефаника к легионерам:

«Могу вас уверить, что ответственность за борьбу чехословаков берут на себя союзники и даже французские социалисты голосовали за бюджет, касающийся исключительно чехо-словацкого войска в Сибири».

«На этот раз могу вам поручиться, что действия союзников фактически принимают конкретные формы. Насколько мне известно, союзники начинают активные действия против советских войск, главным образом, с юга России, где генерал Бертелло наступает с пятью дивизиями, которыми он располагает с Салоникского и Румынского фронтов. Одновременно союзные войска на Мурмане будут подкреплены».

«Кто знает, не была-ли бы для настоящего переходного времени монархия более выгодной? Трудно об этом судить».

«Не смотрите односторонне на омские события. Переворот не был приготовлен только в Омске, главное решение было в Версали» (Шмераль, стр. 21).

Когда Стефаник уезжал из Сибири, он обменялся «трогательными» приветственными телеграммами с Колчаком. Однако, больших результатов господа Жанены, Стефаники, Павлу, Гайды и к° не добились. «В эпоху Колчака,—пишет

Майский,—чехи занимались, главным образом, охраной сибирской железнодорожной линии, в целости которой они сами были больше всех заинтересованы: ведь по этой линии должен был совершиться их исход на родину из суровых пространств революционной России» («Демократическая контр-революция», стр. 173—174)

Но, охраняя дорогу, чехо-словаки принуждены были вступать в конфликты с красными партизанами и бороться с крестьянским повстанчеством, способствуя тем самым колчаковским усмирителям. Это привело к быстрому и окончательному отрезвлению широких масс чехо-словаков. Убедившись в том, какую грязную роль они сыграли, рядовые легионеры все чаще и чаще стали поднимать голос протеста. Под этим давлением чехо-словацкие вожди вынуждены были перекраситься. Генерал Гайда поднял свое нелепое «восстание» против Колчака (см. брошюру Солодовникова «Сибирские авантюры и генерал Гайда»), а доктор Гирса и Богдан Павлу подписали в Иркутске 13-го ноября 1919 года следующий исторический меморандум:

«Невыносимое положение, в котором находится наше войско, вынуждает нас обратиться к союзникам с просьбой дать совет, каким образом чехо-словацкое войско могло-бы обеспечить свою безопасность и свободное возвращение на родину, что было решено с согласия всех союзных правительств.

«Наше войско согласно было охранять железнодорожный путь и транспорт в отведенном ему участке и сознательно исполнило эту задачу.

«В настоящее время, однако, пребывание нашего войска на магистрали и охрана ее становится невозможным, просто из-за бесцельности, а также из-за элементарных требований справедливости и гуманности. Охраняя железнодорожную линию и удерживая порядок в стране, наше войско принуждено, против своих убеждений, поддерживать и удерживать то положение произвола и беззакония, которое здесь царит. Под защитой чехо-словацких штыков местные военные русские организации позволяют себе действия, которым ужаснется весь цивилизованный мир. Сжигание деревень, убийства мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда людей, демократически настроенных, только из-за подозрения в политической нелойяльности—это в порядке вещей, и ответственность за это перед судом народов всего мира падает на нас, потому что мы, имея военную силу, не воспрепятствовали этому бесправию.

«Наша пассивность является прямым последствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства во внутренние русские дела и является причиной того, что мы, сохраняя абсолютный нейтралитет, становимся против своей воли участниками злодейств. Сообщая это представителям союзных держав, которым чехо-словацкий народ и войско был,

есть и будет всегда верным союзником, считаем необходимым, чтобы они всеми способами постарались довести до сведения народов всего мира в каком морально-трагическом положении очутилось чехо-словацкое войско и о причинах этого.

«Сами мы не видим другого выхода из этого положения, как немедленный уход из того края, который нам было поручено охранять и к проведению в жизнь этого ухода, и чтоб нам была дана свобода воспрепятствовать бесправию и злодеяниям, с какой-бы стороны они не исходили». (Шмераль, стр. 23—24).

«Можно себе представить,—пишет по поводу этого меморандума тов. Шмераль,—какой дух царил в армии этой в целом, когда гнездо обмана и лжи было разбито, если самый реакционный вождь был принужден писать в таком духе» (там же). Действительно, когда, после разгрома Колчака, чехи вернулись на родину, многие эшелоны прибыли в Чехо-Словакию под красными знаменами коммунизма. Документы, приведенные тов. Шмералем на 24-й и 25-й стр. своей брошюры, неоспоримо свидетельствуют о «коммунистическом перерождении» значительной части легионеров.

Чехо-словацкие легионы вступили в авантюру по прямому приказу Антанты. Они послужили единственной силой, на которую могла опереться Поволжская и Сибирская контрреволюция в борьбе с Советской властью. Но рабочие и крестьяне, входившие в состав легионов, уразумели в конце-концов смысл авантюры и «разложились», подтверждая правильность исторического закона о невозможности для правительств европейской реакции двинуть против пролетарской республики значительные массы.

Г. Лелевич.

Самарский Ревком и самарские рабочие и крестьяне в борьбе с чехо-эсерами.

Раны, нанесенные республике чехо-словацкой авантюрой, несмотря на протекшие пять лет, еще слишком свежи и самарские события—дело слишком недавнего прошлого, чтобы к ним можно было отнестись с спокойной об'ективностью и беспристрастием. Время для этого еще не пришло. И день освобождения Самары от власти учредиловки. естественно, будет не просто днем воспоминаний о пережитой катастрофе, но одновременно и днем суда самарского пролетариата и крестьянства над самим собой и над местной Советской властью.

Кто виноват в падении Самары? Сделала ли местная власть все возможное, чтобы предотвратить поражение? Оказалась ли она и местная партийная организация на должной высоте, или заклеймили себя позором перед страной? Боролись ли самарские рабочие и крестьяне с необходимой энергией против неприятеля или же они пассивно созерцали падение власти советов и, быть может, даже приветствовали учредилку, составив надежную базу для ея последующих нападений против всей республики?

Я попытался отметить здесь некоторые важнейшие факты, которые необходимо иметь в виду при разрешении всех этих вопросов. Не принадлежа к числу тех, которые принимали в событиях решающее, руководящее участие, я ни в какой мере, конечно, не претендую на полноту своих замечаний *). Но мне кажется все же. что излагаемые ниже фактические указания включают в себя все наиболее существенное для развернувшихся событий.

Не подлежит никакому сомнению, что режим Советской власти в Самаре и губернии, предшествовавший выступлению чехов, в известной степени облегчил контр-революцию ее задачу. Характерной чертой этого режима явилась чрезвычайная мягкость и поразительная с нынешней точки зрения свобода, существовавшая даже для антисоветских элементов. Инако-

*) При нападении чехов я был рядовым красноармейцем ком. отряда, находившегося под командой т. А. Х. Митрофанова. После занятия Самары я был командирован Губревкомом в Новоузенский уезд в качестве уполномоченного.

мыслящие органы печати: эсеровские, меньшевистские, даже кадетские выходили беспрепятственно (кадетский, правда, закрывали, но он возобновлялся), при чем при кадетской газете выпускался даже политический журнал, частенько украшавший свои страницы каррикатурами на местных советских деятелей. Меньшевики выступали совершенно свободно; большим ограничением подвергались эсеры, но и они агитировали почти вполне открыто. Спец. органов борьбы с контр-революцией не существовало вовсе. О расстрелах, как мере репрессии, не было и помину. Даже при попытке поднять восстание оставшегося от царской армии гарнизона, зачинщики выступления отделались тюрьмой. В городе терпелась обывательская самоохрана (против грабежей), благодаря которой во многих домах имелось оружие, находившееся преимущественно в руках буржуазии (при вступлении чехов оно разумеется энергично палило по большевикам).

Эта мягкость режима, способствовавшая, конечно, организации сил противника, не может быть, однако, вменена в какую-то исключительную силу самарской Советской власти. В этом отношении Самара только проходила через ту же стадию, через которую прошла и вся почти Советская Россия. Достаточно вспомнить декрет об отмене смертной казни, являвшийся одним из первых актов рабоче-крестьянского правительства, или хотя бы такой, например, факт, как освобождение в Питере генерала Краснова, взятого с оружием в руках, и потом вновь обратившего его против республики.

Если режим Советской власти в Самаре и отличался, быть может, особенной мягкостью, по сранению с другими городами Республики, то это обстоятельство об'ясняется и в значительной мере определяется специфической обстановкой октябрского переворота в г. Самаре. Эта мягкость (за которую эсеры заплатили потом кровавым кошмаром и неистовыми зверствами) являлась отнюдь не результатом дряблости и расхлябанности, но в связи с неопытностью и той вполне основательной уверенности в прочности Советской власти, которая создавалась в Ревкоме благодаря поразительно единодушной поддержки всего трудящегося населения, не исключая даже и таких группировок мелкой буржуазии, которые в других местах с самого начала выступали против октябрьского переворота.

К моменту октябрьских событий большевики подавляюще господствовали в рабочей массе, в казарме и деревне. Чрезвычайно показательно при этом, что даже и такая орагнизация, как «с.-д. об'единения», состоявшая в большинстве из меньшевиков и потому обычно именовавшаяся обывателями просто меньшевистской, на одной из своих конференций в конце июля 1917 г., под давлением настроения рабочих, вынесла резолюцию о необходимости свержения Временного правительства и захвата власти Советами. Правда, очень скоро эта организация, пройдя через жестокую внутреннюю распрю (в связи именно с вынесением упомянутой резолюции), разва-

лилась на две части (меньшевиков и с.-д. интернационалистов), но самый факт не перестает от этого быть чрезвычайно симптоматичным.

В момент октябрьского переворота, проведенного в Самаре, как и везде, большевиками, в качестве сторонников переворота выступили также максималисты, с.-д. интернационалисты, поалей-ционисты и даже бунд, в котором тогда временно получила преобладание левая часть. Все эти группы, впоследствии изменявшие свои ориентации, были, правда, весьма невлиятельны, но их выступление в пользу переворота несомненно имело свое политическое значение, т. к. с чрезвычайной яркостью свидетельствовало об огромной силе влияния, которое получила идея Советской власти в Самаре даже среди промежуточных групп.

Эсерам и меньшевикам не на кого было опереться, и они отступили без всякого сопротивления. Власть упала в руки Советов, как спелый плод, она была вята простым голосованием Совета.

Что Ревком отнюдь не ошибался в своей самоуверенности видно из систематического крушения всех попыток партии эсеров опереться на внутренние силы для свержения Советской власти. Созванный ими крестьянский с'езд без труда удалось расколоть и из его-то состава пополнить Губисполком. Вызванное было эсерами движение в остатках старого гарнизона было разом ликвидировано без всяких стычек и кровопролитий.

Имей эсеры хоть какую-нибудь опору в мало-мальски значительной части населения, они легко могли бы наделать большие бедствия. Агитировать и раз'езжать по губернии для организации своих сил они, при тогдашних условиях, могли почти совершенно свободно. Органы борьбы с контр-революцей, как сказано, отсутствовали. Красная армия лишь формировалась и представляла весьма сомнительную величину. Между тем в крестянстве было много хорошо обученных солдат. Деревня располагала большим количеством оружия, вплоть до пулеметов.

Несмотря на такую, как казалось бы на редкость благодарную обстановку, эсеры потерпели полное фиаско и, не имея почвы внутри населения, вынуждены были обратиться с мольбами о помощи к внешней силе—к иноземным штыкам.

В том обстоятельстве, что чехи остались в Самаре, местные эсеры сыграли, конечно, свою, более или менее заметную роль. Но в настоящее время уже хорошо известно, что в начатой войне чехи являлись орудием не в руках эсеров, но в руках Антанты, безмозглым орудием которой были и сами эсеры. Таким образом, можно совершенно определенно утверждать каковы бы не были ошибки и промахи местной Советской власти, причины, приведшие к падению Самары от этой власти в основном и главном не зависели, а получали стимулы вне Самарской губернии. Сохранение эсерами их жибой силы

в лице своих покровителей облегчило, конечно, построение в Самаре учредительского режима. Но если бы местных эсеров и не было вовсе, то «демократический» строй, разумеется, был бы организован другими путями.

К борьбе с хорошо организованной регулярной армией местная власть в тот первый год своего существования не была подготовлена. Войну с полуразложившимися казаками Дутова самарские красногвардейцы вели с отменным успехом. Но чехи были противником, который не мог итти с Дутовым ни в какое сравнение.

Ко времени прорыва чехов, Красная армия была весьма малочисленна и находилась в зародышевом состоянии. Она формировалась из добровольцев, при чем в последние шли тогда преимущественно деклассированные и нестойкие элементы. Крестьяне из старой армии растеклись по деревне. Все трудовое население вообще стремилось к мирному труду, и надеялось, что хотя-бы после брестского мира Советской России дадут существовать спокойно.

Помощи со стороны подать не могли, кроме самой незначительной, т. к. вооруженная сила во всей России находилась приблизительно в таком же состоянии, как в Самаре. Наконец, среди высшего спецовского командного состава были предатели, и неприятель был превосходно осведомлен о всем, что делалось в наших рядах.

При таких условиях и при наличии чрезвычайной быстроты наступления неприятеля, не дававшего возможности собрать и укрепить силы, поражение в боевом столкновении с превосходной по численности регулярной армией было совершенно неизбежным.

Губком и Ревком при первом же известии о выступлении чехов в Ртищеве и Пензе мобилизовали все наличные силы. Паники не было. Господствовало настроение спокойной и бодрой уверенности.

Такое настроение об'яснялось не каким-либо исключительным мужеством местных работников, но было естественным следствием отсутствия яркого представления о размерах угрожавшей опасности и переоценке своих сил, основывающейся на легких предыдущих успехах. Быстрое и безболезненное овладение властью, явное бессилие внутренней контрреволюции, победы кучки красногвардейцев над казаками, легкое подавление попытки восстания правых эсеров, а в дальнейшем также и максималистов, целый ряд удачных разоружений следовавших ранее чрез Самару эшелонов казаков и сербов,—все это предрасполагало к преувеличенному оптимизму. Вдобавок все были убеждены, что если даже чехи прорвутся, они быстро проедут через Самару во Владивосток, чтобы следовать на соединение с войсками Антанты, куда они, по их собственному заявлению, и стремились.

Впоследствии, после поражения плохо сколоченной Красной армии, оптимистическое настроение исчезло, бывали мо-

менты растерянности, но в общем и целом поведение защитников города оставалось стойким и выдержанным, как видно из приведенных ниже фактов.

Я не в состоянии здесь остановиться на изложении плана действий и мероприятий Ревкома, т. к. в то время не входил в состав последнего и недостаточно осведомлен о его внутренней работе. Как крупную оплошность Ревкому инкриминировали недостаточную эвакуацию города, откуда было вывезено только золото, все же остальные ценности, и равным образом архивы учреждений, достались неприятелю. Однако, нужно иметь в виду, что сил для быстрой эвакуации у Ревкома не было. Кроме того, оказалось весьма ошибочным представление о намерении чехов. Как известно стало впоследствии, по оплошности центральной власти, не успевшей эвакуировать Казань, в руки чехов попало все вывезенное туда из Самары золото, вместе с другими огромными ценностями, сосредоточившимися в Казани.

О поведении местных властей перед лицом опасности в достаточной степени свидетельствуют следующие факты: почти все ответственные работники, за исключением отправленных для эвакуации золота, оставались в городе до последнего момента; руководители местной губернской исполнительной власти—т. А. Галактионов (зав. отд. Управления и зам. пред. Ревкома) и председатель Горсовета т. Теплов не только уходили последними, но и вовсе не успели уйти из города, а, оставшись в нем, должны были скрываться от расправы неприятеля. Председатель Ревкома т. Масленников, с кучкой коммунистов, засел в клубе и долго оборонялся от ворвавшегося в город неприятеля.

Взятый в плен т. Масленников впоследствии был расстрелян в Сибири.

Что касается уездных властей, то везде, где только были хоть какие-нибудь силы (Бугуруслан, Бузулук, Новоузенск) отступали с боем перед подавляющим численностью противником, в частности бузулукчане отошли к востоку и оказались вместе с туркестанцами в кольце неприятеля и 4 месяца дрались, отрезанные от всего мира, чтобы потом, наконец, с востока вновь прорваться к своим губерниям. В Новоузенске, как и в Самаре, при нападении уральских казаков руководители местной власти (нак. назыв. революц. штаб) уходили из города последними. Они были окружены и остались в захваченном врагом Новоузенске. Засев в количестве шести человек в здании Ревкома, они целый день оборонялись от толп неприятеля, пока, наконец, передняя стена дома не была разрушена артиллерийским огнем, после чего осажденные скрылись. Захвачен был только один матрос т. Житков, который на площади, перед толпой мещан, был предан мучительной казни (ему отрубили нос и ухо). Истязуемый тов. Житков продолжал драться один. Сильным ударом кулака по лицу он сбил своего палача с ног и был зарублен шашками.

Вновь сконструировавшийся в Самаре Ревком не сложил оружия, но через некоторое время перенес свою деятельность в свободные еще от окупации Пугачевский и Новоузенский уезды. Направляя часть своих работников в подкрепление этим уездам, он большую часть распределил по кадрам быстро воссоздавшейся Красной армии в качестве политработников и командного состава.

Скрывшийся из района чешской оккупации т. А. П. Галактионов, избранный покровским председателем Ревкома, первый (в буквальном смысле этого слова) снова вошел в Самару, во главе взявшей ее Самарской дивизией, где он был политкомом.

Как отнеслись к событиям самарский пролетариат и крестянство? Необходимо отметить, что если не считать малосильной Красной армии, оборона города при нападении чехов велась почти исключительно коммунистами, беспартийная рабочая масса почти не принимала в борьбе участия.

Однако, это об'ясняется отнюдь не охлаждением рабочих к Советской власти. Исключением явилось только неустоявшиеся железнодорожники, которые прямо заняли благоприятную к учредиловке позицию.

Дело здесь в том, что масса, как выше отмечено, даже и многие коммунисты, совершенно не представляли себе действительных размеров опасности. Мало кто думал, что дело здесь идет о чем-то большем, чем простое разоружение чешских частей. Считали, что, в худшем случае, дело ограничиться простым прорывом чехо-словаков за пределы республики, к каковой перспективе рабочие относились совершенно равнодушно, мало заботясь о точном соблюдении грабительского брестского мира и не учитывая возможности последствий его нарушения.

Когда после падения города стало ясно, что дело идет о судьбе Советской власти, пассивность рабочих исчезла. Несмотря на огромное улучшение продовольственного положения, настроение рабочих по отношению к учредиловке было резко враждебным. В Совете, не взирая на избирательное давление и беспощадное преследование большевиков, коммунисты (под названием «беспартийных», крайних левых) быстро получили огромное влияние и ухитрялись иногда проводить свои резолюци. Какое-либо вооруженное выступление рабочих при наличии в городе крупных воинских сил и свирепой контр-разведки, было, разумеется, невозможно.

Поытка восстания, сделанная рабочими в Иващенкове, была эсерами потоплена в крови. Сотни рабочих были расстреляны.

Крестьяне северной половины губернии не могли вести какой-либо серьезной борьбы, т. к. быстро распространившийся по ж.-д. линии неприятель упал как снег на голову. Настроение их впоследствии ясно выразилось в убийстве одного главного деятеля местных эсеров—Цодикова,—поехавшего по

губернии с агитацией за вступление в белую армию,—и всевозможных проявлениях пассивного сопротивления.

Иным было положение в южной части губернии (Пугачевский, Новоузенский уезды). Отсутствие железнодорожной связи с быстро оккупированным севером несколько задержало распространение сюда неприятеля и, в отличие севера, дало возможность трудовому населению сорганизоваться и собраться с силами. Началась настоящая народная война. Крестьянство двух южных уездов во главе с местными коммунистами явилось несокрушимой плотиной для распространения неприятеля с севера и с востока и нанесло врагу первые сокрушительные удары. В этом его незабываемая заслуга перед всей республикой.

В Пугачевском уезде землеробы были собраны покойным т. Чепаевым в два добровольческих полка имени Пугачева и Ст. Разина. Эти «сиволапые», «черноземные» полки, во внешности которых не было ничего воинственного, под руководством своего талантливого руководителя, поистине творили чудеса. Чепаев усвоил себе Суворовскую тактику. С поразительной быстротой полки совершали переходы из конца в конец уезда, подвергая неприятеля быстрым, неожиданным и беспощадным ударам. Европейски обученные чехи и прибывшие к ним оренбургские казаки были бессильны перед пугачевскими мужиками. Подавляюще превосходивший численностью и вооружением неприятель все время не мог продвинуться к югу дальше занятой им в самом начале небольшой полосы Пугачевского уезда, а прорвавшись однажды в Пугачев, казаки жестоко заплатили за свою дерзость, понесли большие потери и оставили в руках Чепаева весь свой обоз. Неудивительно, что в Самаре говорили о германских инструкторах, якобы руководивших большевистскими войсками. В Новоузенском уезде местные граждане деревни восстановляли против двинувшихся уральских казаков целые полки, именовавшиеся названиями своих деревень: Орлово-Гайский, Курилловский и т. п. Это была эпическая борьба, носившая на себе отпечаток предрассудков родового быта. Бойцов выставляли дворы. Обозы обслуживались женщинами той деревни, в которой был сформирован полк.

Город Новоузенск, переходивший из рук в руки, оказался крайним пределом передвижения неприятеля с юго-востока.

Своей героической борьбой самарские крестяне, во главе с местными коммунистами, спасли Саратов, поставили решительный предел передвижению неприятеля и, задерживая врага, дали возможность сплотить с юго-запада более или менее крупные силы быстро создавшейся регулярной Красной армии, которая в соединении с войсками, двинутыми центральной властью с запада и с севера, положили конец существованию учредилки.

Таковы в немногих словах некоторые важнейшие факты, которые должны быть приняты во внимание при оценке са-

марских событий. Я думаю, что верности большинства этих фактов, исключая, быть может, несущественных деталей, не будут оспаривать даже и добросовестные противники. Самарские рабочие и крестьяне в день 5-тилетия возвращения Самары могут спокойно сказать, что свой долг одного из советских отрядов, принявших на себя первые удары иностранной интервенции, по мере своих сил и возможностей—они выполнили.

Н. Сперанский.

Поправки к №№ 1 и 2 „Красной Были".

Т. Ермаков (чл. РКП с 1915 г.) просит внести следующую поправку.

На стр. 49 статьи тов. Бешенковской: «С 1913 г. по февраль 17 г.» сказано, что он с группой товарищей был арестован и выслан в Сибирь. В самом же деле он был освобожден и оставлен в Самаре, после чего снова поступил на службу на Трубочный завод.

От тов. Коростелева Александра (старый самарский партработник) поступило письмо, которым он вносит поправки:

В «Красную Быль» № 1 в статье Коростелева «Профессиональное движение среди самарских металлистов в период 1905—1908» (стр. 42) неправильно указана фамилия П. Бухарина, следует читать **П. Бурухин.**

В «Красной Были» № 2 в статье т. Логинова «Старые годы» (стр. 12) говорится: «членов Совета рабочих депутатов всего было пять». Здесь речь идет не о рядовых членах совета, которых было больше, а о членах Исполнительного Комитета.

На стр. 12—13 той же статьи о Георгии Коростелеве говорится, как о слесаре Лебедевского завода, ныне члене СНХ г. Москвы. Эти сведения следует исправить так: на заводе Лебедева т. Корестелев Георгий работал не слесарем, а медником; членом Московского СНХ никогда не состоял и не состоит. В данное время является секретарем Киргизского областного комитета партии.

На стр. 13 фамилию «Мосталев Алексей» следует исправить **«Мостаев Алексей».**

На стр. 27 в «Схеме подпольной деятельности с.-д. организации в России и Самаре» сказано: «партийная работа сосредоточивается вокруг общества неимущих мещан». На самом же деле партработа в этот период сосредоточивалась вокруг механического о-ва союза металлистов, которое об'единяло наиболее революционную часть пролетариата—металлистов. Это общество играло руководящую роль до момента его закрытия.

Содержание [1]).

Стр.

Вместо предисловия. 3

И. Трайнин.—Июньский переворот 5

Новиков.—Комитет членов Учредит. Собрания . . . 14

Я. Андреев.—Рабочие и Комуч. 32

А. Дорогойченко.—Крестьянство и учредиловщина . 39

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНИЯ.

Н. Русанов.—Военные операция против чехо-словаков 65

Смирнов.—Борьба с чехами 68

И. Трайнин.—Из пережитого 73

П. Андронов.—«Штаб восстания» в самарской тюрьме 89

Б. Васильевская.—Самарская организация РКП в подполье 92

Смирнов.—Первые застрельщики 94

Н. Правдин.—Чехо-словаки в Бузулуке. 95

Н. Тамбовцев.—Чехо-словаки в Пугачеве. 99

*** В Троцке летом 18 года. 101

ДЕМОКРАТИЗМ ЧЕХО-УЧРЕДИЛОВЦЕВ.

Л. Зальцман-Адельсон.—В поезде смерти (из дневника). 105

Кярич.—Два «информационных» заседаний 131

---

[1]) Статьи т. **Г. Лелевича** „Чехо-словаки“ и т. **Н. Сперанского** „Самарский Ревком и самарские рабочие и крестьяне в борьбе с чехо-эсерами“ помещены в самом конце книжки в виду позднего их прибытия из Москвы, когда книжка „Красной были“ уж была сверстана и почти напечатана.

СЛАВА ПОГИБШИМ!

Во имя «народовластия» 139
Н.—Кровавые дни в Иващенкове 142
Д. Алексеев.—«Вы жертвою пали»... 144

БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. Лелевич.—Обзор литературы о самарской учредилке 147
Г. Лелевич.—Чехо-словаки 151
Н. Сперанский.—Самарский Ревком и самарские рабочие и крестьяне в борьбе с чехо-эсерами 179
Поправки к №№ 1 и 2 «Красной Били». 187